

ОГОНЁК

№ 40 ОКТЯБРЬ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ—20 ЛЕТ.
С ПРАЗДНИКОМ, ДОРОГИЕ НЕМЕЦКИЕ ДРУЗЬЯ!

DIE DEUTSCHE DEMOKRATISCHE REPUBLIK IST 20 JAHRE ALT.
HERZLICHEN GLÜCKWUNSCH, LIEBE DEUTSCHE FREUNDE!

DDR

DER ERSTE SEKRETÄR DES ZENTRALKOMITEES
DER SOZIALISTISCHEN EINHEITSPARTEI DEUTSCHLANDS
DER VORSITZENDE DES STAATSRATES
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK

Zum 20. Jahrestag der Deutschen Demokratischen Republik danken die Bürger der DDR dem ruhmreichen Sowjetvolk für die Befreiung Deutschlands vom Faschismus. In diesen 20 Jahren hat sich eine enge brüderliche Zusammenarbeit zwischen unseren Staaten und Völkern entwickelt. Sie kommt vor allem in der Koordinierung der Friedenspolitik und des Kampfes für die europäische Sicherheit sowie in der Kooperation bei strukturbestimmenden Aufgaben der wissenschaftlichen Forschung und der Produktion zum Ausdruck.

An ihrem 20. Jahrestag ist die DDR ein bei allen friedliebenden Völkern anerkannter Staat. Als Staat des Warschauer Vertrages ist sie mitten in Westeuropa zu einer starken Bastion des Friedens geworden. Gegenüber dem restaurativen westdeutschen Spätkapitalismus, der zum dritten Mal den Weg der Expansionspolitik geht, hat die DDR die Überlegenheit der sozialistischen Gesellschaftsordnung in der Praxis bewiesen.

Das Volk der Deutschen Demokratischen Republik grüßt zum 20. Jahrestag das ruhmreiche Sowjetvolk auf das herzlichste.

Первый секретарь Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии, Председатель Государственного Совета Германской Демократической Республики Вальтер Ульбрихт:

В связи с двадцатилетием Германской Демократической Республики граждане ГДР благодарят славный советский народ за освобождение Германии от фашизма. За эти двадцать лет между нашими государствами и народами установилось тесное братское сотрудничество. Оно находит свое выражение прежде всего в координировании миролюбивой политики и борьбы за европейскую безопасность, а также в кооперировании при решении основополагающих задач в области научных исследований и производства.

Свое двадцатилетие ГДР отмечает как государство, признанное всеми миролюбивыми народами. Как государство — участник Варшавского договора, она стала прочным бастионом мира в центре Западной Европы. ГДР на практике доказала превосходство социалистического общественного строя над возродившимся в Западной Германии поздним капитализмом, в третий раз идущим по пути политики экспансии.

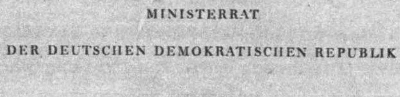
Народ Германской Демократической Республики в день ее двадцатилетия шлет славному советскому народу самый сердечный привет.

Председатель Совета Министров Германской Демократической Республики Вилли Штоф:

Народ Германской Демократической Республики празднует 20-ю годовщину своего социалистического государства с гордым сознанием того, что с народами Советского Союза его связывает сердечная дружба, затрагивающая все стороны общественной жизни.

Успехи в нашем социалистическом строительстве являются результатом целенаправленного и неустанного труда миллионов граждан первого социалистического государства немецкой нации и бескорыстной братской помощи и поддержки, постоянно оказываемых нам советскими товарищами и друзьями. В борьбе за обеспечение европейской безопасности наш нерушимый союз с СССР, сильнейшей в мире миролюбивой державой, и с другими странами Варшавского договора ставит непреодолимый барьер на пути авантюристической, угрожающей делу мира агрессивной политики западногерманских империалистов и милитаристов.

Мне доставляет особую радость возможность передать читателям журнала «Огонек» и всем советским гражданам по случаю 20-летия ГДР сердечный братский боевой привет.

MINISTERRAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK

DER VORSITZENDE

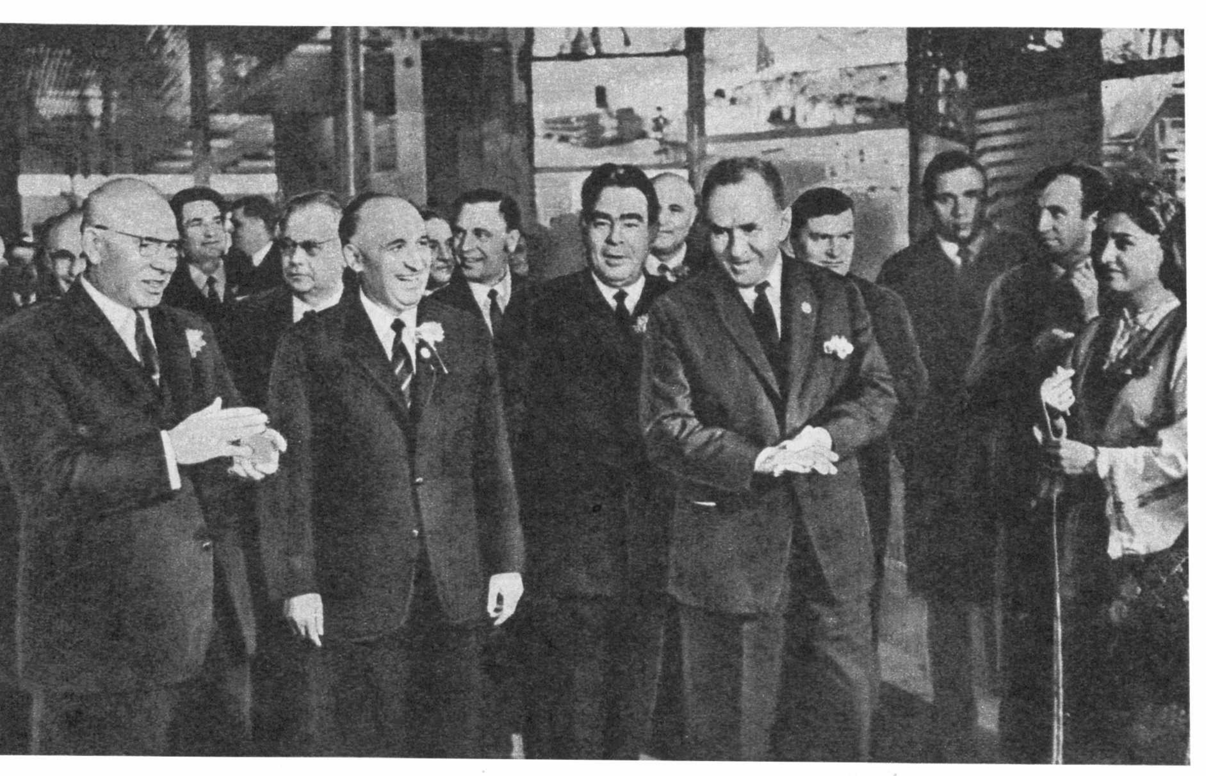
Das Volk der Deutschen Demokratischen Republik feiert das 20. Jubiläum seines sozialistischen Staates in dem stolzen Bewußtsein, mit den Völkern der Sowjetunion durch eine herzliche, alle Seiten des gesellschaftlichen Lebens umschließende Freundschaft verbunden zu sein.

Die Erfolge unseres sozialistischen Aufbauwerkes sind das Ergebnis der zielstrebigen und unermüdlichen Arbeit von Millionen Bürgern des ersten sozialistischen Staates deutscher Nation und der uneigennützigen, brüderlichen Hilfe und Unterstützung, die uns die sowjetischen Freunde und Genossen stets zuteil werden lassen. Im Kampf für die Gewährleistung der europäischen Sicherheit setzt unser unerschütterliches Bündnis mit der stärksten Friedensmacht der Welt, der UdSSR und mit den anderen Ländern des Warschauer Vertrages der abenteuerlichen, den Frieden gefährdenden Aggressionspolitik der westdeutschen Imperialisten und Militaristen eine unüberwindliche Barriere entgegen.

Es ist mir eine besondere Freude, aus Anlaß des 20. Jubiläums der DDR den Lesern der Zeitschrift "Ogonjok" und allen Sowjetbürgern herzliche, brüderliche Kampfesgrüße übermitteln zu können.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 40 (2205)
Основан 1 апреля 1923 года
4 ОКТЯБРЯ 1969

Члены делегации Народной Республики Болгарии, руководители Коммунистической партии и Советского правительства осматривают экспозицию выставки.

Фото А. Канашевича.

ЗОЛОТЫЕ ПЛОДЫ ДРУЖБЫ

О достижениях болгарского народа ярко, интересно и убедительно рассказывает юбилейная выставка «Народная Республика Болгария — 25 лет по пути социализма», открывшаяся на территории ВДНХ СССР. В день открытия выставки ее осмотрели Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Совета Министров НРБ Тодор Живков, член Политбюро ЦК БКП, председатель Государственного комитета по науке и техническому прогрессу Иван Попов, кандидат в члены Политбюро ЦК БКП, заместитель Председателя Совета Министров и министр внешней торговли Лучезар Аврамов, министр машиностроения Марий Иванов, министр химии и металлургии Георгий Павлов, министр легкой промышленности Дора Белчева, а также член Политбюро ЦК БКП, заместитель Председателя Совета Министров НРБ Тано Цолов, посол НРБ в СССР Стоян Гюров и другие болгарские товарищи.

Вместе с болгарскими друзьями выставку посетили товарищи Л. И. Брежнев, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев, председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. Ф. Сизов, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Т. Кулатов, заместители Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков, В. Э. Дымшиц, М. Т. Ефремов, Н. А. Тихонов, Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Ю. И. Палецкис, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Е. Ф. Карпова, министры СССР и другие официальные лица.

Перед собравшимися выступили А. Н. Косыгин и Тодор Живков.

НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ДРВ

На пятой сессии Национального собрания Демократической Республики Вьетнам третьего созыва, состоявшейся 23 сентября, на пост президента ДРВ избран товарищ Тон Дык Тханг.

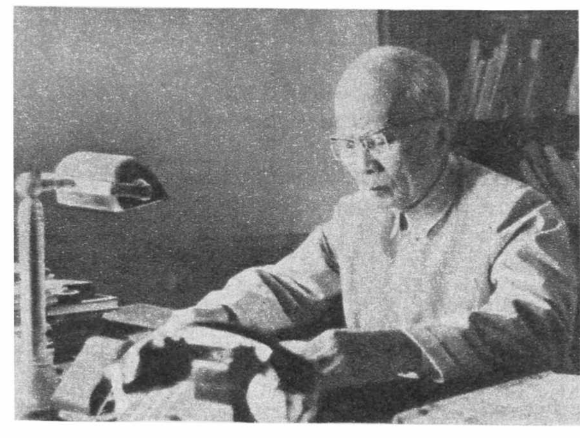
Тон Дык Тханг родился в 1888 году в семье рабочего в провинции Лонгсуен в Южном Вьетнаме. В 1919 году Тон Дык Тханг вместе с французскими моряками организует антивоенное выступление против плана французских империалистов направить войска для удушения молодой Советской республики. Тон Дык Тханг поднял на французском корабле красное знамя, приветствуя тем самым Октябрьскую революцию в России, за что был арестован.

1929 год. Французские колонизаторы снова арестовывают Тон Дык Тханга и приговаривают его к двадцати годам тюремного заключения на острове Пулокондор. С 1930 года он член Коммунистической партии Индокитая.

В течение девяти лет войны Сопротивления, затем после установления мира и до настоящего времени Тон Дык Тханг выполнял ответственную партийную и государственную работу.

Тон Дык Тханг известен как друг Советского Союза, последовательный борец за мир. Указом Президиума Верховного Совета СССР Тон Дык Тханг награжден в 1967 году орденом Ленина к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В 1960 году ему была присуждена Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

В связи с избранием товарища Тон Дык Тханга Президентом ДРВ Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный направил поздравительную телеграмму, в которой пожелал ему доброго здоровья, больших успехов в плодотворной деятельности на благо укрепления и процветания Демократической Республики Вьетнам, дальнейшего расширения нерушимой дружбы и тесного сотрудничества между советским и вьетнамским народами.

Президент Демократической Республики Вьетнам товарищ Тон Дык Тханг.

Я все убежденней думаю: не могло быть иначе. Непримиримая революционная борьба, которую десятилетиями вели лучшие люди немецкого народа, верность интернациональному долгу, которую неизменно являла миру Коммунистическая партия великого Советского Союза, должны были привести к тем светлым дням, в которые мы сегодня живем в нашей свободной Германской Демократической Республике.

В члены Коммунистической партии Германии я вступил в день гибели Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

По всей нашей стране прошли в тот скорбный день грандиозные демонстрации гнева и возмущения злодейским убийством замечательных революционеров, интернационалистов, стоявших у колыбели нашей партии.

Шел 1924 год. Я тогда жил в городе Касселе, работал учеником кузнеца на ремонтном железнодорожном заводе. Карл Шредер, старый кузнец, коммунист, был моим первым политическим наставником.

Хороший это был человек и верный сын партии, тельмановец. Я старался во всем подражать ему. В ту пору мне впервые в жизни привелось быть организатором стачки. Триста таких, как я, учеников-рабочих забастовали, требуя улучшения нечеловечески тяжких условий работы. Небольшой факт в истории нашего революционного движения, но он очень памятен для меня. Мы вступили на путь борьбы, мы чувствовали себя братьями русских комсомольцев, которые там, далеко от нас, в своей свободной Советской стране, защитив ее в гражданской войне, строили будущее.

Мы, молодые немецкие коммунисты, много читали, учились. Труды Маркса и Ленина были нашими настольными книгами.

Вскоре партия доверила мне редактировать местную партийную газету. Я был послан делегатом на Центральную конференцию коммунистов. Здесь встретился с Германом Матерном, нынешним членом Политбюро ЦК СЕПГ, в то время секретарем Коммунистической партии округа Магдебург. Мы стали работать вместе. Главной задачей коммунистов было в то время сплачивать массы для борьбы с наступающим фашизмом. Характерно, что уже в те годы рядовые члены социал-демократической партии хотели объединиться с нами, коммунистами, создать единый антифашистский фронт. К сожалению, руководство социал-демократов не осознало тогда всей важности и актуальности консолидации антифашистских сил против грозной опасности.

Москва. Здесь я провел два незабываемых года. Мы и раньше много читали и, казалось, были знакомы с учением Маркса — Ленина. Но, только учась в Москве, я по-настоящему познал необъятную мощь и богатство стратегии и тактики марксизма-ленинизма в конкретных условиях классовых боев, в обстановке, складывающейся в мире, когда империалистические круги капиталистических стран и немецкий империализм уже вынашивали планы новой мировой войны. Два года, проведенных среди товарищей-коммунистов разных стран, познание законов практического применения марксистско-ленинской теории, приобретенное в стенах школы,— это осталось со мной на все дальнейшие годы суровой борьбы.

Подполье в условиях кровавого гитлеровского террора... Что ни день, я узнавал о гибели своих товарищей, коммунистов-тельмановцев, замученных, казненных в фашистских застенках. Страна превратилась в систему концентрационных лагерей, тюрем, в которых томилась прогрессивная Германия. Приближалась война, ее нельзя было избежать. Надо было обладать огромной моральной силой и стойкостью, чтобы в угаре националистической демагогии и реваншистского бреда, раздутых фашизмом, вести, находясь в глубоком подполье, под постоянной угрозой смерти, страстную разъяснительную работу, разоблачать звериную сущность фашизма, звать к борьбе, издавать и распространять листовки, вести беседы с людьми труда.

Вальтер Ульбрихт, Вильгельм Пик трезво оценивали обстановку. Они призывали к немедленному объединению всех антигитлеровских демократических сил в стране для достижения важнейшей цели, поставленной временем,—

В дни юбилейных торжеств, посвященных 20-летию Германской Демократической Республики, на почетных трибунах будут стоять ветераны революционной борьбы немецкого народа.

Мы попросили Карла Мевиса, одного из старейших партийных деятелей, поделиться своими воспоминаниями. Вот что он рассказал нашему корреспонденту.

Карл МЕВИС,
член Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии

НЕ МОГЛО БЫТЬ ИНАЧЕ

уничтожение фашистского режима, создание демократической республики в Германии.

Это была боевая программа действий. Не отступление, пусть временное, но наступление на фашизм широким фронтом.

Мне вспоминается, какую огромную поддержку в жесточайших условиях фашистского террора получила именно эта программа у рабочего класса.

Коммунистическая партия Германии работала, жила. Центральный Комитет партии вынес решение децентрализовать руководство, сделать его применительно к условиям более гибким и действенным. Были созданы нелегальные центры партийного руководства в Праге, Амстердаме, Брюсселе... Меня, члена Центрального Комитета, партия послала в Гамбург. В числе моих главных задач была организация постоянной и оперативной двусторонней связи коммунистов местной верфи, порта и гавани с центром партийного руководства ЦК в Копенгагене. Дух сопротивления фашизму жил в трудовом народе. Забыть ли мне, как, рискуя жизнью, приходили на мою нелегальную квартиру, постоянно менявшуюся, мои товарищи по борьбе, коммунисты с крепкими рабочими руками портовиков, как вместе мы, наглухо занавесив окна, писали призывы к борьбе и как по утрам появлялись в порту и на верфи боевые лозунги в таких местах, куда, казалось бы, никак не может дотянуться рука человека!

Фашистский путч в Испании... Первый открытый бой с фашизмом. Партия направляет меня на смену моему товарищу и другу Гансу Беймлеру, руководителю отряда немецких коммунистов имени Эрнста Тельмана. Этот отряд сражался в рядах Интернациональной бригады. Ганс погиб. Начались — и живы в моей памяти до сих пор — дни и ночи на фронте в Каталонии...

И снова подполье, нелегальная работа партийного центра в Праге. Гитлеровцы оккупировали Чехословакию. Эмиграция в Швецию. Необходимо наладить связи с партийными организациями Берлина и Магдебурга. Кто сказал, что коммунисты отступили? В одном Берлине действовали двадцать две партийные организации, на одном из крупных заводов в двенадцати цехах существовали и работали, несмотря на террор, партийные группы. Во многих цехах были подпольные ячейки социал-демократической партии. Мы создали комитеты единства для общей борьбы с фашизмом.

И снова Москва. Идет заседание Исполнительного комитета Коминтерна. Я вижу старых, испытанных борцов международного коммунистического движения: Георгия Димитрова, Отто Куусинена, Долорес Ибаррури... Наш Центральный Комитет поручил мне сделать доклад о положении коммунистической партии в фашистской Германии. Встают новые, еще более серьезные и неотложные задачи. Нет сомнения в том, что немецкий империализм готовит удар по оплоту социализма в мире — великому Советскому Союзу. Центр руководства немецкой компартии должен быть создан в самом логове фашизма — Берлине. Грянет война, будут закрыты границы, руководство извне борьбой немецких антифашистов станет невозможным.

Опять Швеция. Опять подполье. Центральный Комитет партии формирует руководящий Берлинский центр, сфера деятельности которого должна охватывать партийные организации Берлина, Гамбурга, Саксонии, Рура... Ведется огромная и напряженная нелегальная подготовительная работа, налажены партийные связи, готовится наш переход через границу в Берлин...

Измена, задуманная, конечно, заранее, срывает наши планы, сводит на нет усилия. Ренегат, ныне благополучно живущий в Западной Германии, выдает меня шведской полиции. Арест якобы за нелегальное пребывание в Швеции, фактически же за то, что я коммунист...

Только в 1943 году мне удается выйти из заключения. Но оттого, что временно выбыл один из бойцов партии, борьба не прекращается. То, что не удалось сделать одному, делают другие. С помощью шведских коммунистов, моряков, совершавших рейсы в Гамбург, я наладил связи с товарищами в Гамбурге и Берлине. Они с поразительной отвагой боролись с фашистами, проводили забастовки на военных заводах, саботаж, распространяли листовки и лозунги, зовущие к бою с черной чумой гитлеризма. В истории немецкого коммунистического подполья в самые страшные годы разгула фашизма навсегда останутся имена Антона Зефкова и Франца Якобса. Это они руководили боевыми партийными организациями в Берлине и в Гамбурге. Антон Зефков и Франц Якобс были казнены гитлеровцами в 1944 году, незадолго до освобождения Берлина советскими воинами. Я хорошо знал их обоих, они были моими друзьями еще со времен нашей юности.

Разгромлен Советской Армией гитлеризм. Свободен Берлин. Мы, группа немецких коммунистов, вернулись на родину.

...Конечно, это лишь короткие строки воспоминаний. Сейчас я работаю над рукописью книги. Хочу обстоятельно рассказать молодым согражданам о борьбе старшего поколения за то, чтобы им жилось счастливо, чтобы они спокойно смотрели в будущее.

Я расскажу им, юным гражданам Германской Демократической Республики, о том, как нам было трудно после войны, в годы, когда после разгрома фашизма началась борьба за воспитание человека новой морали — гражданина ГДР. Пусть они узнают и о том, скольких усилий стоило их родному народу, руководимому Социалистической единой партией Германии, создать первое в истории немецкой нации государство рабочих и крестьян.

И, разумеется, на опыте своей долгой жизни я постараюсь как можно убедительней показать им, кто их первый, самый надежный и верный друг. Они это, правда, знают, они привыкли с самых юных лет приносить живые цветы к подножию величавого монумента советского воина-освободителя в тихом берлинском Трептов-парке.

Но повторить слова благодарности другу всегда уместно, всегда хорошо. Тем более, что дружба эта с великим собратом — Советской страной у нашей демократической республики на века, равно как и со всеми братскими социалистическими странами.

Мы прожили двадцать счастливых и трудных лет строительства нашей свободной, социалистической республики. Это были самые светлые годы в долгой, полной жертв и борьбы истории немецкого революционного движения. И это только начало. Мы пойдем дальше как равные среди равных в могучем социалистическом содружестве.

Право, ради этого стоило жить в постоянной борьбе, если бы пришлось, то и отдать жизнь, как это сделал Эрнст Тельман и тысячи моих товарищей.

НАКАНУНЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЯ

▶

ШВЕДТ — КРУПНЕЙШИЙ В ГДР ОБЪЕКТ КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЙ. Небольшой городок на Одере, впервые упомянутый в хрониках в 1265 году, переживает свое второе рождение. В 1958 году на V съезде СЕПГ было принято решение о сооружении здесь гигантского нефтеперерабатывающего комбината. Из советской нефти, подающейся по трубопроводу длиною в 4 тысячи километров, в Шведте получают продукты современной нефтехимии: топливо и масла, пластмассы, синтетические волокна, искусственный каучук и удобрения, технические газы и многое другое. Уже в 1967 году товарная продукция комбината превысила миллиардный рубеж. В 1970 году эта цифра должна удвоиться. В 1959 году в Шведте насчитывалось 6 тысяч жителей. Сейчас население возросло в семь раз. Со всех краев ГДР в Шведт для участия в строительстве съехались люди, прежде всего молодежь. Темпы строительства растут, и за следующие десять лет город увеличится вдвое.

На снимке: они работают в Шведте.

Фото Лотти Ортнер.

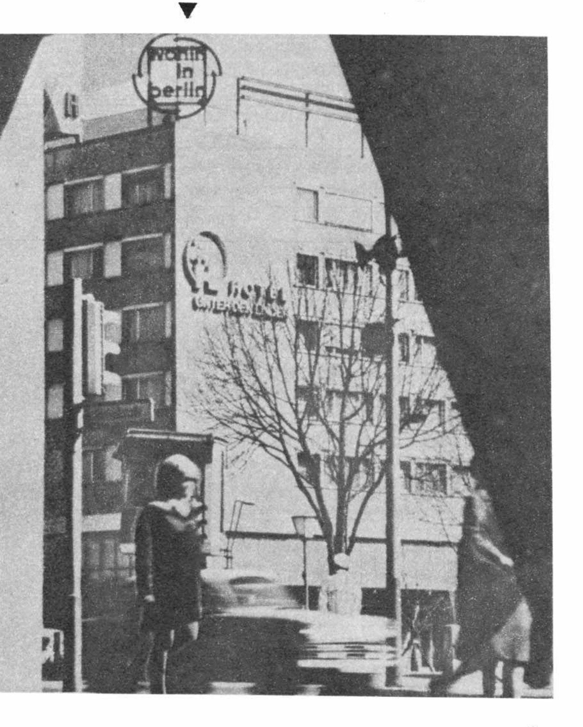
У ГРАЖДАН ГДР МНОГО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ХОРОШО ПРОВЕСТИ ОТПУСК. Объединение Свободных немецких профсоюзов за эти годы создало широкую сеть домов отдыха. Немало современных гостиниц, лечебниц, медицинских учреждений возникло на берегу Балтийского моря. Много сделано для международного туризма. Во всех крупных городах ГДР объединение «Интеротель» имеет свои гостиницы.

В ближайшем будущем намечается осуществление ряда проектов по освоению пригородов как зон отдыха.

На снимке: новая гостиница «Унтер ден Линден» в Берлине.

Фото Фолькера Эттельта.

▼

▶

ТРИДЦАТЬ ДЕТЕЙ ПАЛЕСТИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ пригласила этой весной редакция еженедельника «Вохенпост» погостить в Германской Демократической Республике.

Теплом и лаской были окружены юные гости. Они побывали в детских домах отдыха, подружились с пионерами, познакомились с жизнью страны.

На снимке: танец дружбы.

Фото Лотти Ортнер.

УСПЕХИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ГДР РАСТУТ С КАЖДЫМ ГОДОМ. Еще в 1960 году все крестьяне республики стали членами сельскохозяйственных производственных кооперативов. Почти полностью механизированы трудоемкие процессы в полеводстве и в животноводстве.

Двести сорок научно-исследовательских институтов работают в области сельского, лесного хозяйства и ветеринарии. Центр этой большой науки — Берлинская сельскохозяйственная академия.

На снимке: уборка урожая в одном из сельскохозяйственных кооперативов.

Фото Ганса-Иоахима Миршеля

▼

▲

В ЯНВАРЕ 1966 ГОДА В БЕРЛИНЕ ЗАРОДИЛОСЬ ПЕВЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ, получившее за эти годы среди молодежи ГДР широкое распространение. Молодежь поет не только известные песни, но и сочиняет их сама. Центр этого движения — Октябрьский клуб в Берлине. Его члены — учащиеся средних и профессионально-технических учебных заведений, молодые рабочие, студенты — установили связи с профессиональными композиторами и исполнителями и пользуются их советами. Выступления певцов Октябрьского клуба часто передаются по радио.

На снимке: выступает молодежный ансамбль города Висмара.

Фото Фолькера Эттельта.

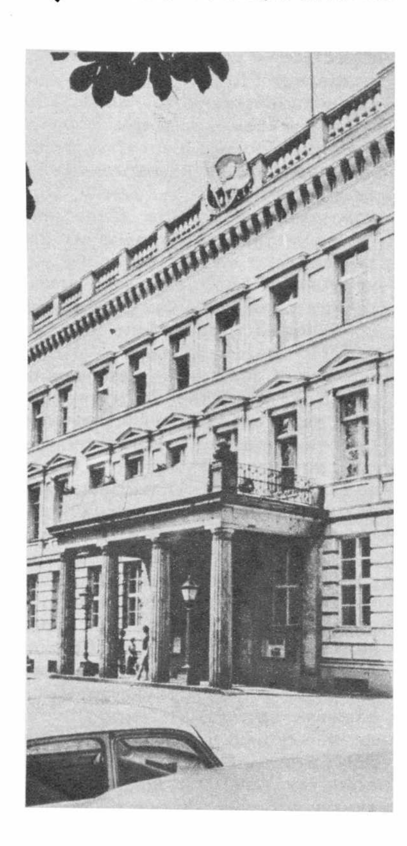

ОБЩЕСТВО ГЕРМАНО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ — ОДНА ИЗ ВЛИЯТЕЛЬНЕЙШИХ МАССОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ГДР. Сейчас в 30 тысячах первичных организаций Общества, ведущих работу по укреплению братского союза между СССР и ГДР, насчитывается более трех миллионов граждан ГДР. Общество поставило перед собой цель: привлечь к 20-летию 600 тысяч новых членов. На «полпути» было зарегистрировано уже 374 тысячи новых членов Общества! За первые три месяца этого года на предприятиях, в деревнях и школах было создано свыше 200 первичных организаций. Тысяча производственных бригад, рабочих и исследовательских коллективов борется за получение к юбилею республики почетного звания «Коллектив германо-советской дружбы».

Лозунг, под которым идет организованное Обществом соревнование в честь двадцатилетия ГДР, гласит: «Всесторонне укрепляя Германскую Демократическую Республику, крепя боевой союз с Советским Союзом, мы чтим Ленина, выполняем его заветы». Это соревнование будет продолжено как «Эстафета дружбы». Оно внесет вклад в дело объединения наших народов.

На снимке: Центральный дом германо-советской дружбы в Берлине.

Фото Фолькера Эттельта.

МОСКВА. 18 СЕНТЯБРЯ. КОЛОННЫЙ ЗАЛ ДОМА СОЮЗОВ. Здесь состоялось торжественное открытие Дней культуры Германской Демократической Республики в РСФСР.

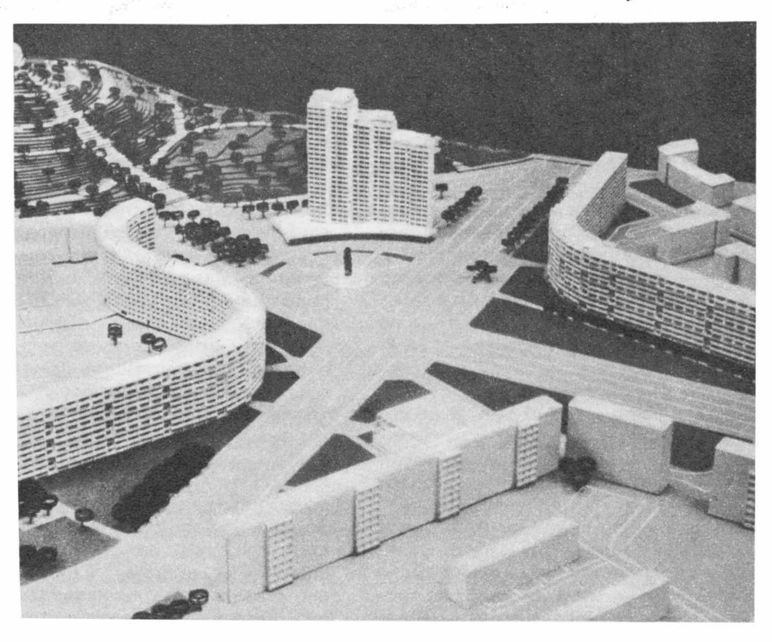
Выступает глава делегации министр культуры ГДР Клаус Гизи.

Фото ТАСС.

ТАК БУДЕТ ВЫГЛЯДЕТЬ ПЛОЩАДЬ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА, которая сооружается сейчас в Берлине. Она станет центром большого нового района столицы ГДР.

7 ноября прошлого года Первый секретарь ЦК СЕПГ тов. Вальтер Ульбрихт произвел закладку величественного памятника вождю мирового пролетариата Владимиру Ильичу Ленину. Автор памятника — известный советский скульптор, президент Академии художеств СССР Н. Томский. Над сооружением архитектурного ансамбля площади работают в тесном творческом содружестве немецкие зодчие, строители и художники.

К столетию со дня рождения В. И. Ленина молодежь Берлина откроет здесь большую выставку, посвященную великому вождю.

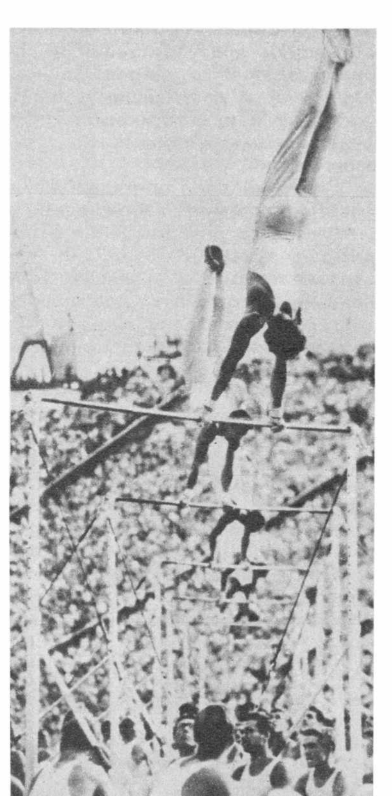

В ГДР СПОРТОМ МОЖЕТ ЗАНИМАТЬСЯ КАЖДЫЙ. За двадцать лет были израсходованы большие суммы на строительство спортивных сооружений. Широко развита система спортивных школ. Методы подготовки и тренировки классных спортсменов базируются на научных исследованиях. Одним из центров этих исследований является Институт физической культуры в Лейпциге. Лейпциг — это также и город, где проводятся спортивно-гимнастические праздники. В этом году такой праздник состоится в пятый раз.

На снимке: Лейпциг. Спортивный праздник.

Фото Эрнста-Людвига Баха.

ИСКУССТВО — НАРОДУ. Этот призыв претворен в жизнь. Социалистический реализм — творческий метод современного искусства ГДР.

Социалистическая культурная политика республики — это творческое участие трудящихся в культурной жизни, тесная связь деятелей искусства с народом, высокий художественный уровень всех жанров.

Ежегодно в округах проводятся республиканские художественные фестивали профессионального и самодеятельного искусства, устраиваются традиционные берлинские фестивали, фестивали памяти Генделя в Галле, Дни культуры во время Недели стран Балтийского моря и во время ярмарок в Лейпциге.

В ГДР — 95 театров, 84 симфонических и театральных оркестра, 941 городской кинотеатр и 879 — сельских, 1 122 дома культуры и клуба, около 600 музеев и памятных мест. В десятках картинных галерей постоянно работают выставки, на которых экспонируются произведения современных живописцев, скульпторов, графиков. Знаменитую сокровищницу искусств — Дрезденскую галерею посещают ежегодно два миллиона человек.

На снимке: в картинной галерее Ростока.

Фото Ганса Пёлькова.

Пауль МАРКОВСКИ,
кандидат в члены ЦК СЕПГ,
руководитель отдела
международных связей
ЦК СЕПГ

В ШЕРЕНГЕ КОММУНИСТОВ МИРА

Социалистическая единая партия Германии высоко оценивает результаты международного Совещания 75 коммунистических и рабочих партий. Московским Совещанием марксистско - ленинские партии продолжили лучшие традиции пролетарского интернационализма, существо которого впервые сформулировали Маркс и Энгельс в лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». На основе марксистско-ленинского анализа международного развития за последние девять лет и сегодняшнего соотношения сил на международной арене московское Совещание коммунистических и рабочих партий указало всем силам, борющимся против империализма, цель и направление для продолжения их наступления. Опираясь на марксистско-ленинскую теорию и огромный практический опыт всего мирового коммунистического движения, международное Совещание определило путь к решению основных проблем современности. Оно дало народам всего мира программу действий в борьбе против империализма, за мир, национальную независимость и социальный прогресс.

Социалистическая единая партия Германии на 11-м пленуме своего Центрального Комитета заявила, что она целиком и полностью присоединяется к принятым на международном Совещании обязательствам по совместной борьбе против империализма. Наша партия с самого начала активно включилась в подготовку международного Совещания. Она была среди участников первой Консультативной встречи в марте 1965 года и в числе подписавших ноябрьский призыв 1967 года. Делегации СЕПГ принимали деятельное участие в разработке документов на всех этапах подготовки международного Совещания. Социалистической единой партии Германии было также поручено председательствовать в рабочей группе из представителей восьми братских партий для выработки проекта Документа по Вьетнаму. На международном Совещании делегация СЕПГ под руководством товарища Вальтера Ульбрихта стремилась внести конструктивный творческий вклад в успех этого всемирного форума коммунистов, в дело укрепления единства и сплоченности нашего движения.

Все граждане ГДР, рабочие, крестьяне, объединенные в кооперативы, представители интеллигенции единодушно одобрили результаты международного Совещания. Непосредственно по окончании Совещания началось ознакомление всей партии и населения ГДР с содержанием документов. Во всех областях и округах состоялись массовые митинги, организованные Социалистической единой партией Германии совместно с комитетами Национального фронта. Участники Совещания и другие ведущие деятели партии говорили на них о результатах московского Совещания и задачах, которые нам в связи с этим предстоит решать. Они призывали граждан ГДР систематически, с дальним прицелом изучать политический опыт и глубокое идейное содержание документов и материалов международного Совещания. До дня 20-й годовщины образования ГДР состоялось множество собраний, семинаров, коллоквиумов и теоретических конференций. На них в особенности указывалось на необходимость и на возможности усиленного наступления на главного врага человечества — империализм. Подчеркивалась решающая роль, которая принадлежит в этой борьбе мировой социалистической системе и ее самому мощному звену — Советскому Союзу. Члены и кандидаты в члены ЦК еще раз ярко продемонстрировали свою преданность единству и сплоченности мирового коммунистического движения и неразрывной дружбе с партией Ленина — Коммунистической партией Советского Союза. «Сам ход мировой истории сделал ленинскую КПСС авангардом мирового коммунистического движения»,—говорится в решении Политбюро ЦК СЕПГ от 24 июня.

Граждане ГДР очень хорошо осознают ту огромную задачу, которую поставило перед народами социалистических стран международное Совещание коммунистических и рабочих партий: ускорить вклад мировой социалистической системы в общее дело антиимпериалистической борьбы прежде всего путем быстрого развития народного хозяйства, полного использования преимуществ социалистического общественного строя, путем дальнейшего развития кооперации и интеграции между социалистическими государствами и осуществления научно-технической революции.

На всех собраниях, беседах и семинарах, посвященных международному Совещанию, граждане ГДР — первого социалистического государства немецкой нации — делают конкретные выводы для своей практической деятельности. Они предпринимают усилия, направленные на достижение успехов в социалистическом соревновании в честь 20-й годовщины со дня образования ГДР, на выполнение народнохозяйственного плана 1969 года по всем позициям и на основательную подготовку выполнения плана развития народного хозяйства в 1970 году. Таким образом, международное Совещание коммунистических и рабочих партий вызвало не только волну единодушного одобрения, творческого изучения и научных дискуссий, но и новый трудовой подъем.

СЕПГ рассматривает международное Совещание как важный вклад в установление и укрепление единства коммунистических и рабочих партий. Благоприятные предпосылки для этого создали основательная и коллективная подготовка Совещания, широкий практический обмен опытом и товарищеская дискуссия по основополагающим вопросам теории и политики коммунистических и рабочих партий. В ходе подготовки и проведения международного Совещания была достигнута единая марксистско-ленинская точка зрения по важным проблемам антиимпериалистической борьбы на современном этапе и по практическому единству действий коммунистических и рабочих партий. Коллективная разработка стратегии и тактики совместной антиимпериалистической борьбы соответствует требованиям новой ситуации и прокладывает путь через единство действий к дальнейшему политическому и идеологическому сплочению коммунистических и рабочих партий.

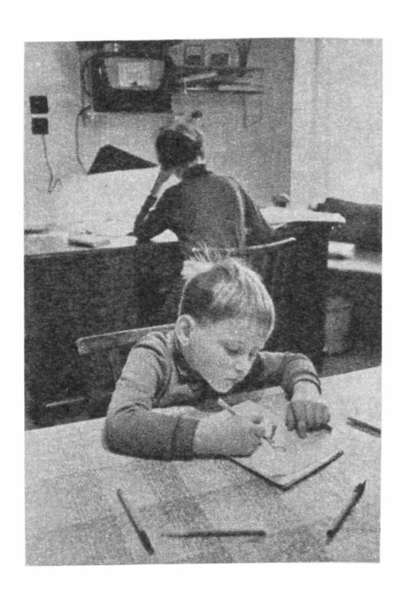
Глубокий след в рядах нашей партии оставило Обращение «О столетии со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Оно подчеркивает значение ленинизма как сильнейшего оружия для решения исторических задач нашего времени. Международное Совещание на основе практического опыта самоотверженной борьбы коммунистов всего мира указало на универсальный характер и всеобщую действенность марксизма-ленинизма и основополагающих закономерностей общественного развития. Таким образом, международное Совещание одновременно явилось важным шагом на пути преодоления лево- и правооппортунистических искажений нашей научной теории и творческого разрешения новых задач, поставленных происходящими в мире революционными процессами. Для членов и кандидатов Социалистической единой партии Германии московское Совещание стало источником оптимизма и уверенности в победе.

Во всемирной борьбе против империализма, за мир и социальное и национальное освобождение всех народов важное место занимает борьба за европейскую безопасность. Международное Совещание не только вынесло справедливый приговор агрессивной политике западногерманского империализма, от которого исходит главная угроза безопасности и миру в Европе. Братские партии одновременно выразили солидарность с борьбой СЕПГ и ГДР против экспансионистской и реваншистской политики правящих в Западной Германии кругов монополистического и финансового капитала, милитаризма и угрожающе растущего неонацизма. Эта солидарность является неоценимой поддержкой огромных усилий наших трудящихся по укреплению Германской Демократической Республики и созданию развитой общественной системы социализма. На своем 11-м пленуме Центральный Комитет СЕПГ решил сделать все возможное для того, чтобы Германская Демократическая Республика с честью выполнила задачи, вытекающие из решений международного Совещания. СЕПГ усилит свою теоретическую деятельность, направленную на решение новых проблем, она будет крепить союз с КПСС и систематически расширять связи с коммунистическими и рабочими партиями всех стран. Социалистическая единая партия Германии и дальше будет активно содействовать осуществлению программы борьбы с империализмом. Она действует в соответствии с заявлением Первого секретаря своего Центрального Комитета, сделанным на московском Совещании: «Наше международное Совещание создало существенные предпосылки для подъема нашей общей борьбы, для развертывания всемирного наступления на империализм. В этой борьбе мы куем единство наших действий, наносим чувствительный удар по спекуляциям империализма, по всем действиям противников нашего единства. Укрепим единство международного коммунистического и рабочего движения! Укрепим интернационализм!»

ВСЕ УЧАТСЯ

СЕМЬЯ КРАУЗЕ ВЕСЬМА ТИПИЧНА. Здесь все учатся, от мала до велика.
Мать Анне-Доре Краузе — учительница и в то же время студентка. Учится четверо ее детей. Все помогают друг другу делать уроки, убирать квартиру, хозяйничать.
Проблему воспитания детей в таких семьях, как Краузе, решает тесный союз семьи, школы, детских и молодежных организаций.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ТАК ВЫРОСЛИ КРЫЛЬЯ

Слово обозревателю телевидения ГДР Гюнтеру ХЕРЛЬТУ

Признаюсь, я влюблен. Ей двадцать лет. Как ее зовут? Германская Демократическая Республика.

Один из французских экономистов составил такую таблицу:

Население ГДР — 27-е место в мире.
Доля в мировом промышленном производстве — 9-е место в мире.
Производство продукции на душу населения — 6-е место в мире.
Капиталовложения в экономику — 4-е место в мире.

Затем он припомнил:

Командный зачет на Олимпийских играх — 3-е место.
Количество олимпийских медалей в пересчете на одного жителя — 2-е место.

Мне нравится эта таблица! Но и еще за многое я люблю мою двадцатилетнюю республику.

Моя республика, идя вперед, выбирала не легкие пути, а самые верные. Например, когда речь зашла об экономическом устройстве, после второй мировой войны. Можно было бы сказать: у капиталистов и акционеров богатый опыт управления промышленностью.

ГДР заявила себе: «Нет!» У войны, которая дважды в течение жизни одного поколения сожгла крышу над нашей головой, есть и имя и адрес. Ее зовут войной Круппа, Флика, ИГ-Фарбениндустри. Они обращали кровь в золото. Поэтому хозяева монополий должны исчезнуть, а рабочие — научиться сами управлять предприятиями. Это было нелегко. Но это было сделано.

Также и при выборе уклада жизни. Десятилетиями людей воспитывали на таких «золотых правилах»: «Каждый думает о себе!», «Маленькое, да зато свое!», «Будь послушен своему хозяину!» и т. д. В Западной Германии и поныне миллионы людей еще живут по таким законам.

Мы же сказали: «Каждый должен думать о других!», «Большое и наше!», «Участвуй в планировании, участвуй в управлении государством!».

Для этого нужно было, конечно, несравненно больше активности и энергии, и мы нашли их.

Как и при решении вопроса об экономическом устройстве и укладе жизни, мы и при выборе государственного устройства не стали подштукатуривать и подкрашивать старый фасад капиталистической Германии, а построили, начиная с фундамента, новую Германию, как советовал это еще в 1848 году Карл Маркс.

За два десятилетия мы обрели хороших и верных друзей. Добрые советы советских освободителей имели неоценимое значение для демократического строительства. Растущее кооперирование между ГДР и СССР в области науки и промышленности явилось стабильными лесами для строительства и отделки социалистического дома ГДР. И, наконец, счастье моей республики не было бы прочным, если бы советские ракеты не охраняли мир над нашими крышами.

К добрым друзьям ГДР относятся и социалистические государства мира, олицетворяющие собой главную силу мирового прогресса, и государства антиимпериалистического освободительного движения, и государства, проводящие последовательную политику нейтралитета, направленную на разрядку напряженности и обеспечение мира в Европе. Такими друзьями ГДР может гордиться, в особенности, если учесть, что Бонн якшается со столь жалкими фигурами мировой истории, как Франко, Салазар и Ки.

Моя республика — хорошая хозяйка. С 1950 года и до наших дней национальный доход ГДР увеличился в три с половиной раза. Накопления, то есть то, что откладывается в копилку будущего, возросли в 9 раз. Средний доход трудящихся за двадцать лет увеличился более чем вдвое. Все эти годы не было ни экономических кризисов, ни безработицы. В отличие от ФРГ.

И вот уже в западном мире все чаще поговаривают о ГДР как о подлинном германском чуде. Но моя республика скромна и не любит подобных разговоров. Каждому, кто интересуется, она разъясняет, как вполне естественным образом произошло это чудо.

Обе партии рабочего класса протянули друг другу руки и стали таким образом самой мощной организующей силой общества.

В соответствии с Потсдамскими соглашениями со всей серьезностью мы взялись за преодоление пагубного прошлого и его корней. Социалистическая единая партия Германии и ее члены возглавили работу по ликвидации материальных и духовных развалин.

В планомерном хозяйственном и государственном строительстве мы руководствовались положениями марксизма-ленинизма.

Несмотря на нападки врагов и травлю, мы всегда твердо удерживали государственную власть в своих руках.

Мы всегда чувствовали себя частью социалистической семьи народов, авангардом которой является Советский Союз.

Мы отдали предприятия, банки и земли в руки рабочих и крестьян и научили народ, как править самим собой, стать хозяином своей судьбы.

Так у нас выросли крылья.

И поэтому ныне можно сказать, что наша ГДР, рожденная на ледяном ветру классовой борьбы, подраставшая в лоне социалистической семьи народов, выросла и окрепла. Мы старше «тысячелетнего рейха» Гитлера. Мы стабильнее Веймарской республики. Мы жизненнее, чем империя кайзера, жизненнее, чем боннское государство, человечнее, чем любой государственный строй в истории Германии.

Мы преодолели прошлое.
Мы хозяева настоящего.
Мы можем смело глядеть в глаза будущего.

Встречи, люди

Михаил АЛЕКСАНДРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото Альфреда ВИЛЬГЕЛЬМА.

МАКСИМ МАКСИМОВИЧ

— Называйте меня Максим Максимович!.. Заместитель обер-бургомистра Айзенхюттенштадта, невысокий, плотный, седоватый человек, сразу же вооружился длинной указкой и повел нас показывать макет города.

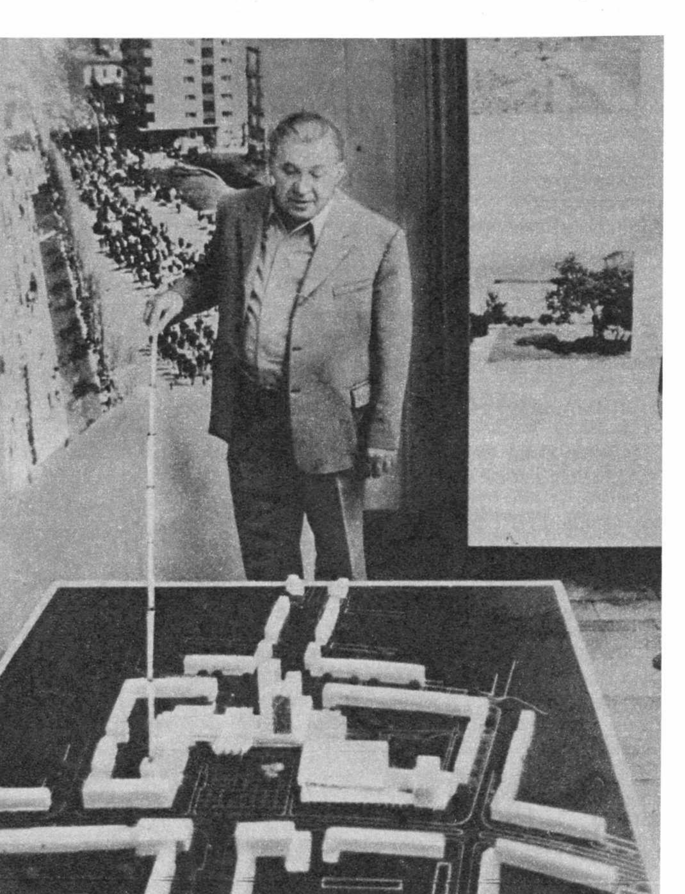
Белые, стройные контуры улиц четко прорезывают темную зелень парков. Пожалуй, это хорошо, что мы начали знакомство с Айзенхюттенштадтом с его плана-макета. Теперь, когда мы станем ходить по городу, нам будет легче представить его себе целиком, таким, каким он был задуман планировщиками и архитекторами.

Максим Максимович водит указкой по макету, показывает, рассказывает: тут центральная площадь, тут театр и бассейн,— и мы узнаем, слышим в его голосе знакомые интонации влюбленности в свой город: любопытно, мол, приходилось ли вам видеть еще где-нибудь такую красоту?

«До середины этого столетия спокойно дремала пустошь между деревней Шенфлис и городком Фюрстенбергом на Одере. Зайцы, которые резвились в траве и среди папоротников под соснами, боялись только лис.

В середине лета 1950 года эта идиллия была нарушена. А зайцы и лисы удивлялись: что заставило толпы людей прийти в лес, хотя время созревания черники уже давно прошло...»

— Здесь у нас театр, тут бассейн...— рассказывал нам, водя указкой, Макс Рихтер.

Так сказано в небольшой книге-альбоме, изданной городским советом.

Значит, Айзенхюттенштадт меньше чем на год моложе своей двадцатилетней республики?

— Да,— кивает Максим Максимович.— Он при самом рождении сразу получил боевое задание! Там, на Западе, хотели против нас бороться экономически: посмотрим, мол, как вы, например, просуществуете без металла. Без металла? Можете не обольщаться, господа. Разве нет у нас головы и рук или мало у нас друзей там, на Востоке?..

На III съезде Социалистической единой партии Германии было принято решение: создать металлургический завод на Одере с годовой производительностью 500 тысяч тонн чугуна. Первой машиной, которая начала работу на гигантской строительной площадке будущего металлургического комбината «Ост», был советский бульдозер. Первым консультантом был профессор Иван Павлович Бардин, металлург-ученый из Москвы. Вниз по Одеру плыли в Айзенхюттенштадт тяжелые баржи с польским коксом. По железнодорожным магистралям шли составы с рудой из Кривого Рога. Немецкие рабочие начали плавить первый чугун.

Это первые шаги. Тогда же были палаточные городки и наскоро сколоченные бараки. И лужи и грязь ненастья, через которые парни переносили девушек на руках. И подбадривающий, не унывающий голос Максима Максимовича, веселого человека, самого, наверное, старшего здесь, очень любившего повторять лозунг партии: «Сначала больше трудиться, потом лучше жить!»

...Неутомимо бегает указка в руке заместителя обер-бургомистра. Рассказывает Максим Максимович о своем городе, и все ему, конечно, кажется, что надо еще что-то показать гостям.

А нам уже ясно: построен, готов первый социалистический город в Германской Демократической Республике. Полный своеобразия, очень светлый и зеленый, с многоэтажными, современной архитектуры жилыми домами, школами, домами культуры, своим мясокомбинатом и хлебозаводом, спортивными площадками, гаражами, ресторанами...

— Наша музыкальная школа для одаренных известна, знаете ли, далеко... Драматический театр имени Фридриха Вольфа не имеет, правда, постоянной труппы, играют гастролеры из других городов. Но зато сколько у нас драматических кружков, оркестров!

Максим Максимович подводит нас к стенду с фотографиями.

— Смотрите: эта сцена из спектакля рабочего театра... А это, видите, хор совсем маленьких... У нас, между прочим, двадцать пять детских садов в городе...

На минуту задумывается.

— Ну чем еще удивить мир?.. Смотрите, сколько садов, и все, заметьте, без заборов! Видано ли это было в Германии?..

Однако пора нам представить как следует Максима Максимовича. Его зовут вовсе не так. Его зовут Макс Рихтер. Он рабочий-слесарь из Саксонии, в прошлом — социалист. После образования Социалистической единой партии Германии работал в ЦК СЕПГ. Однажды вызвал его как-то к себе Вальтер Ульбрихт: «На Одере будет строиться город. Хочешь туда поехать, помочь?..» «Конечно, хочу!»— ответил Макс Рихтер.

Максимом Максимовичем он назвался при нашем знакомстве для того, чтобы нам, русским, было легче разговаривать с ним, думал, так будет ближе, понятнее. Но мы бы, конечно, и так его, Макса Рихтера, поняли: дело ведь в конце концов не в языке, а в том, что человек рассказывает!

ДРУЗЬЯ-МЕТАЛЛУРГИ

Велосипеды, нескончаемая вереница велосипедов движется нам навстречу. На металлургическом комбинате «Ост», что широко и могуче расположился неподалеку от юного города Айзенхюттенштадта, время пересменки.

Мы едем на комбинат. Нас ждут в цехе холодной прокатки стали, недавно вошедшем в строй. Ждут соотечественники, советские инженеры и рабочие, которые руководили здесь по контракту монтажом уральских прокатных станов, двигателей Харьковского машиностроительного, агрегатами, сделанными на заводе имени Эрнста Тельмана в ГДР по нашим уральским чертежам. Словом, ждут земляки, которые помогли немецким товарищам создать прокатный цех, поделились с ними опытом и теперь вскоре собираются уезжать домой, на родину: дело сделано.

Идем к цеху, и по дороге Рэм Александрович Сергеев, инженер из Череповца, успевает порасспросить о московских новостях, поделиться, между прочим, впечатлениями о футбольном матче советской сборной в Белфасте, который они тут, в Айзенхюттенштадте, смотрели по телевидению, ну и о многом ином, что может волновать советского человека, когда он довольно долго не был дома.

— Много ли вас сюда приехало?

— Две группы... Первая — в шестьдесят седьмом. Это монтажники. Вторая примерно через год, месяца за три до пуска цеха. Это уже эксплуатационники: вальцовщики, гидравлики, электрики...

— Откуда?

— Из разных мест... Есть из Магнитогорска, Запорожья, Жданова, Новосибирска, Челябинска... Ну, вот я череповецкий...

— Как вас встретили?

— Отлично! Поселили в хороших квартирах, каждому — холодильник и все такое прочее. И вообще дружба тут у нас что надо. Ходим друг к другу в гости, турниры вот проводим по шахматам и волейболу... Международные, так сказать... Вместе бываем, конечно, на заводских и цеховых вечерах... Нам город выделил для цеха прокатки специально большую трехкомнатную квартиру под красный уголок... Между прочим, здесь генеральный директор комбината — замечательный товарищ! Эрих Маркович... Старый коммунист, заслуженный

Берлин. Студентка университета имени Гумбольдта Гизела Гросе занимается в читальном зале имени Ленина.

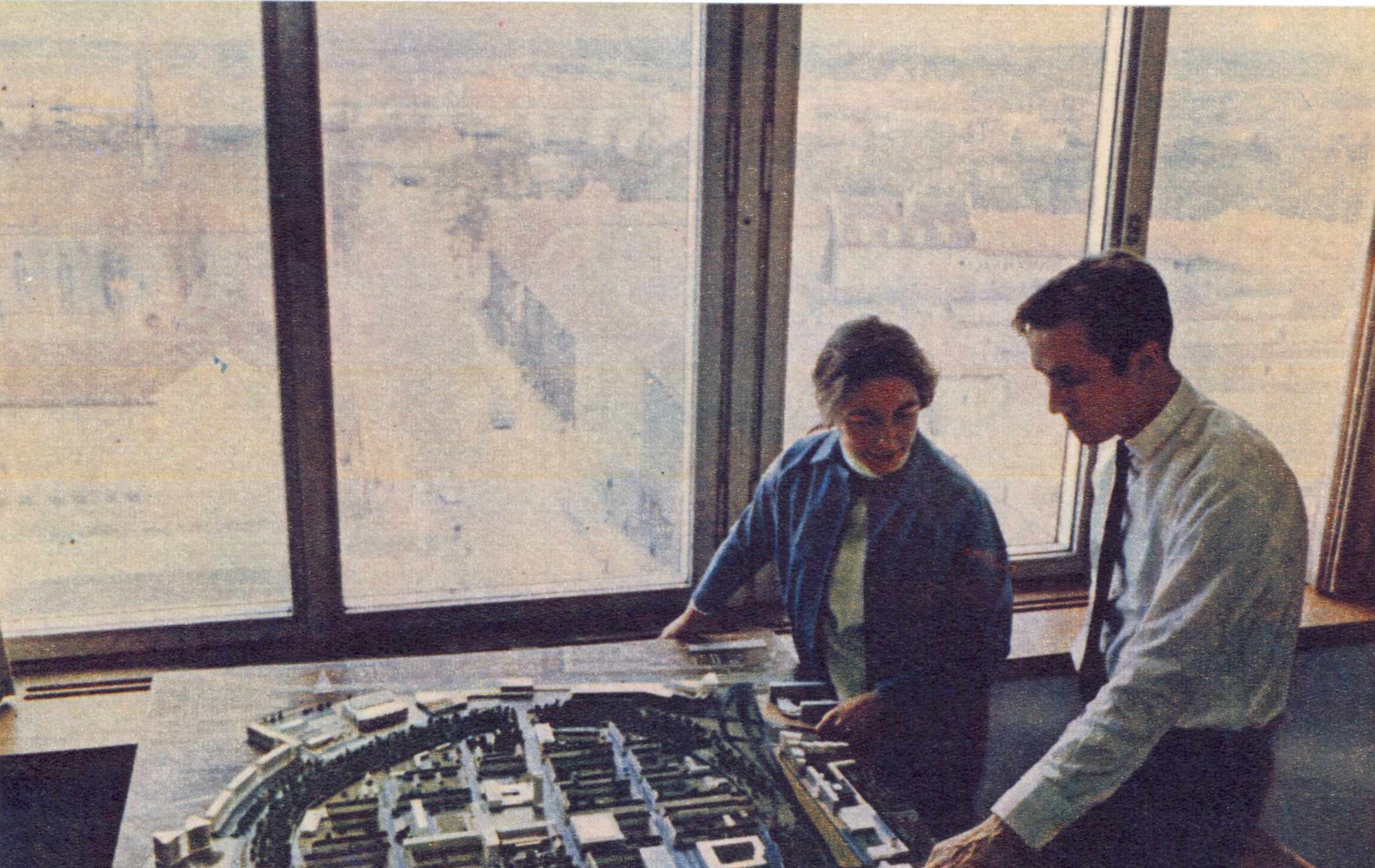
Фото Г. КОПОСОВА

Город металлургов Айзенхюттенштадт.

Животноводческая ферма государственного опытного хозяйства «Хайнерсдорф».

Нойбранденбург. Архитекторы Ирис Грунд и Клаус Новак у макета новых районов города.

человек, бывший узник Бухенвальда, один из организаторов восстания в лагере... А так все больше молодежь. Толковые ребята, ничего не скажешь! Из нашего прокатного цеха двести человек проходили практику, учились в Советском Союзе, полгода проработали — кто в Череповце, кто в Жданове и Запорожье.

Цех холодной прокатки огромен и просторен. Ребята в одинаковых комбинезонах и шлемах, похожих на шахтерские, окружили нас. И не поймешь сразу: кто земляк, советский, кто немец, местный. Сначала серьезничают. Спешат наперебой ответить на наш вопрос, куда идет продукция цеха, что из нее делают.

— Ну, во-первых, автомобили!

— И комбайны, и тракторы...

— И даже кухонную посуду!

— Спросите лучше, в какой области наша сталь не применяется! Сталь даем тоненькую, эластичную, как бумага...

— Ширина листов — до полутора метров!

Потом, пока еще не началась смена, можно и пошутить, подразнить друг друга. «Сегодня вы заработаете «баранку», Юра!» — говорит по-русски инженер Кристиан Питч, смешно выговаривая слово «баранка». «Нихт — баранка!» — качает пальцем Юрий Мишин, электрик из Свердловска. Наверное, в футбол решили сразиться или в шахматы?..

Начинает работать цех. Могучий кран легко, как пушинку, поднимает толстенный рулон стали-подката, подает его к стану.

Рэм Александрович Сергеев провожает нас до порога цеха.

— Между прочим, по контракту мы в течение года должны были добиться восьмидесяти процентов проектной мощности...

— А на самом деле?

— Уже работают почти на все сто!

На этом мы попрощались с земляком, одним из многих тех, кто по закону дружбы и солидарности помогает крепнуть молодой социалистической стране.

— Значит, можем вскоре встретиться в Череповце?..

— Выходит, так... В общем-то, мы могли бы уже уехать. Да вот немецкие товарищи уговорили: давайте вместе встретим двадцатилетие республики... Вы, говорят, тоже имеете к этому празднику самое прямое отношение...

Что ж, они правы!

МОНИКА

Разумеется, дело не в точном совпадении дат. Моника могла родиться чуть раньше или позднее, и от этого ее судьба не стала бы иной.

Но все-таки она родилась именно 7 октября 1949 года и в семье уверяют, что сделала она это нарочно, чтобы ее годовщины были особенно торжественными и веселыми, с многолюдными демонстрациями и разноцветными огнями салютов в час, когда повечереет небо над Берлином.

Да, Моника Брозинь и Германская Демократическая Республика — ровесники. Они начали жить вместе и живут в самой крепкой дружбе, хорошо, честно помогая друг другу быть сильнее и счастливее.

Мы сидим за столом в кругу семьи Брозинь. Я слушаю, о чем говорит то один, то другой, и думаю, что счастье, конечно, вполне конкретная вещь, что вот оно поселилось здесь, в этом небольшом домике, сквозь окна которого льется нежаркое солнце погожей осени.

— Попробуйте, пожалуйста, этот яблочный пирог... Яблоки из нашего сада...

Это говорит бабушка Моники. Она подает на стол золотистый, еще теплый пирог.

— Моника, любите яблоки?

— Я все люблю!

И это не фраза. Никогда не знала зла Моника, равно, как четверо ее сестер и братьев — Маргрет, Марина, Вольфганг и Юрген. От кого ей было ждать зла? То, что пережили ее бабушка, отец и мать, ее не коснулось, а теперь, Моника это знает наверняка, никогда не возвратится на ее родную землю фашизм, от которого здесь, в Берлине, остались лишь поросший травой холм над руинами последней подземной берлоги «фюрера» да глубокие морщины на лицах старых людей. Пусть там, по ту сторону черты, разделяющей не только ее город, но два непохожих мира, лелеют бредни о реванше, болтают всякую чепуху. Моника видит каждый день, когда ходит на работу, таких же, как она, молодых немцев, одетых в форму солдат ее республики. Она вполне доверяет им: скорее умрут эти солдаты, чем оставят пост, на который их поставили.

— Ну, расскажите, Моника, как вы живете?

— Нормально! Кажется, так у вас говорят?

В самом деле все просто, нормально. Училась ровесница республики в школе. Сначала в обычной, потом — в специальной, со спортивным уклоном. Это в получасе езды на трамвае. В Берлине много таких школ, для тех, у кого замечены спортивные способности.

У Моники были несомненные способности к гимнастике.

— О, я, конечно, не стала Наташей Кучинской... Но немного призов есть...

Немного? Порозовев от удовольствия, Моника приносит и кладет на стул целую охапку почетных спортивных дипломов и медалей на красивых лентах.

Еще не началась смена в прокатном цехе комбината «Ост». Мы успели поговорить с друзьями-металлургами, немецкими и советскими.

— Этот диплом за соревнования в Кракове... Эта большая медаль за первое место среди девушек в Праге...

— Значит, были и международные победы?

— Это давно... Теперь я сама стала тренером!

Тут, кажется, мы подходим в нашем неторопливом разговоре за чайным столом к тому, как помогает Моника Брозинь своей республике. Да, это так — помогает. Оказывается, Моника — очень деловой и занятый человек. Ведь она, окончив техникум, работает в конструкторском бюро. Кроме того, три раза в неделю — тренер по гимнастике.

— В нашей же школе... У нас, вы, наверное, знаете, спорт неплохо идет вперед... Но сколько еще надо сделать!

Спортсмены с эмблемой «ГДР» все заметнее в мире. Успехи их серьезны. Откуда такая уверенная поступательная сила? Республика без устали строит стадионы, искусственные катки, гимнастические залы. Моника Брозинь помогает как может. Она ведь уже пять лет в Союзе свободной немецкой молодежи. Там, в этом союзе молодых немцев, все, как говорит Моника, делают что-нибудь полезное для республики.

— Значит, времени для себя у вас остается совсем немного?

— Для себя?

Моника, кажется, удивлена. Разве может она делить свое время: этот час для себя, этот — для других? Она говорит, что воспитывать маленьких гимнастов — это тоже для себя!

— Что вы делаете в праздники, Моника?

— У нас будет встреча ровесников в Берлине. Вы не слыхали о ней? Это будет очень интересно, я уверена. Каждый расскажет о себе, о том, что он сделал за год, что будет делать дальше, в свой двадцать первый год... Я ведь вам говорила: у нас, в Союзе молодежи, так принято: каждый что-то делает полезное для республики...

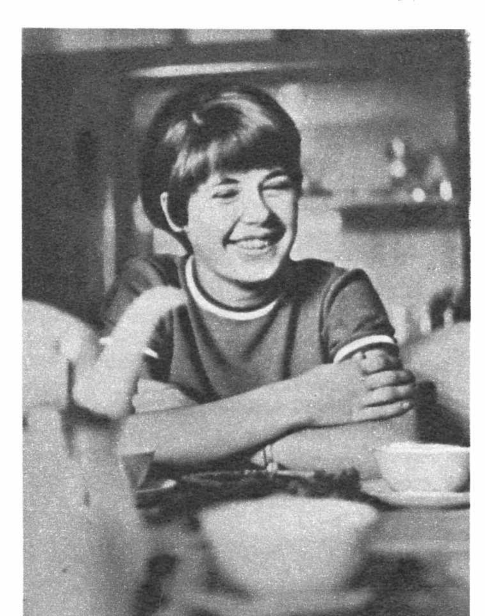
Да, говорила. Жаль, однако, что не случится побывать на этой встрече ровесников. Можно себе представить, о каких хороших делах пойдет там речь, уже свершенных и еще только задуманных. Задуманных на ближайшее будущее и на долгие счастливые годы.

— Что бы вы хотели пожелать, Моника, своим ровесницам и сверстникам в Советской стране?— спрашиваю в заключение.

— Конечно, счастья, здоровья, успехов во всем!..

Было солнечно и тепло в Берлине в этот день накануне праздника. Пятеро братьев и сестер обыкновенной, ничем особым не примечательной рабочей семьи с берлинской окраины помахали нам вслед, стоя на пороге своего домика. А к ним уже шли целой гурьбой, распевая, как водится, на ходу, юноши и девушки в синих с эмблемой на рукавах блуз. Мы их много таких встречали, пока путешествовали по Германской Демократической Республике,— загорелых и веселых.

Это Моника Брозинь.

МИР И РОДИНА

Гейнц КАЛАУ

* * *

За мир борись всем сердцем —
Пускай исчезнет страх,
Который при имени немца
Во многих вставал сердцах.

Бог войны только ранен.
За горло его возьми,
Чтоб говорили: «Германия»,—
А отвечали: «Мир»!

Чтоб единой остаться нацией,
Встанем за мир как один.
Чтоб гордо людьми называться,
В Германии мир утвердим!

* * *

Не возражай мятежности моей:
Зачем покой,
Зачем уют поэту?!
Исканиями жизнь полна,
И в ней,
Стремительной,
Иного смысла нету.

К неведомому каждый шаг ведет,
И ловит взгляд не познанное мною,
И сотни раз воспетый небосвод
Всегда умыт весенней новизною.

Как жаворонок, мысль моя звенит,
И целый мир сдается ей на милость,
И всходит солнце новое в зенит,
Чуть звездочка сгоревшая скатилась.

Хартмут КЁНИГ

* * *

Не в булочной родится хлеб насущный,
И в поле не взрастет кувшин вина,
К истоку Рейн не хлынет непослушный,
И не умрет от старости война.

Но если ты мечтаешь видеть счастье,
Зарю,
Зарей умытые цветы,—
Борись за мир!
И будет мир всевластен,
Когда войну убьешь навеки ты!

* * *

...И новый век войдет в наш мир бессонный,
Умрет война, исчезнет без следа,
И на челе земли преображенной
Заря не будет краскою стыда.

Земли красой и мудростью гордиться
Я так хочу, безумных лет дитя,
Что дай, судьба, мне заново родиться
В тот новый век на день один хотя б!

Перевел с немецкого
Владислав Шошин.

Редакция журнала «Огонек» выражает сердечную благодарность коллегам из берлинских еженедельников «Фрайе Вельт», «Вохенпост» и «НБИ» за помощь в подготовке материалов, посвященных 20-летию Германской Демократической Республики.

Великий сын Индии

Академик Б. Г. ГАФУРОВ,
Председатель юбилейного комитета по проведению столетия М. К. Ганди

В 1920 году английская палата лордов походила на растревоженный улей.

Ораторы сменяли друг друга. В их речах звучали растерянность, тревога, ненависть.

Обычно уравновешенных британских парламентариев вывела из себя тревожная обстановка, сложившаяся в Индии. Национально-освободительное движение, развернувшееся в этой стране, потрясло основы британской колониальной империи.

Выступавшие лорды указывали на то, что в Индии правительство столкнулось с необычной формой антиколониальной борьбы. Это не восстание, которое можно было бы подавить силой, а зачинщиков казнить. Перед Англией — мощное всенародное неповиновение властям. Оно выражается в невыполнении приказов колониальной администрации. В бойкоте английских товаров.

Волновало лордов и то, что у индийского народа появился руководитель, сумевший всколыхнуть все слои населения. Этим руководителем был Мохандас Кармчанд Ганди.

Вот какую оценку его деятельности дал выступавший в эти дни в палате лордов один из видных идеологов колониальной политики, лорд Сайденгем: «Британское влияние падает. Задуманный Ганди план сделать жизнь в Индии невозможной для европейцев гораздо опаснее вооруженного восстания, которое всегда можно подавить оружием. Преступность и растление народов (так на языке колонизаторов называлась борьба народов за свои права и рост национального самосознания.— **Б. Г.**) растут, и вскоре массы начнут требовать того, к чему уже теперь стремятся крайние элементы,— упразднения британского владычества».

На политическую арену Индии Ганди вступил в годы первой мировой войны. В стране ширилось недовольство колониальной эксплуатацией и национальным угнетением. Вспыхивали голодные бунты крестьян. Участились стихийные забастовки рабочих.

Но национально-освободительное движение еще не стало хорошо организованной единой силой. Мешала религиозная, кастовая, региональная разобщенность народных масс, а также стремление некоторых индийских деятелей всячески ограничить политическую активность народа.

Вся деятельность Махатмы Ганди была направлена на то, чтобы сплотить все слои индийского народа в единой борьбе за общенациональные интересы. Лишь всенародная борьба, полагал Ганди, сможет разбить империалистические оковы.

Ганди хорошо понимал чаяния своего народа. Он много путешествовал по стране, чутко прислушиваясь к пульсу народной жизни. Его можно было увидеть беседующим с крестьянами-бедняками, с мелкими ремесленниками и рабочими. Всегда доброжелательный и доступный, Ганди неизменно привлекал к себе простых людей. Он пробуждал в них чувство собственного достоинства, надежду и уверенность, вовлекал в борьбу за свободу и независимость родины.

Ганди сумел, и в этом его огромная историческая заслуга, придать индийскому национально-освободительному движению массовый, всенародный характер, используя в этих целях средства и методы, которые были понятны и доступны простым людям, были связаны с укоренившимися в их сознании традиционными представлениями и привычками.

Одним из методов привлечения масс к общественной деятельности была пропаганда ручной прялки и самотканой одежды, которую в течение многих веков носили миллионы простых индийцев. Эта пропаганда способствовала сплочению участников движения, направляла чувства людей в русло антиколониальной борьбы.

По призыву Ганди население городов и сел сжигало импортные ткани, одевалось в домотканую одежду, которая, по образному выражению Джавахарлала Неру, стала «мундиром национальной свободы».

Стремясь вовлечь массы в национально-освободительное движение и объединить весь народ, Ганди выступил против одного из самых отвратительных социальных пережитков — кастовой системы. Он справедливо считал, что без предоставления человеческих прав людям, которые в кастовой иерархии находятся на самой низшей ступени, без уничтожения бесчеловечной системы неприкасаемости невозможно достичь подлинной независимости.

Ганди говорил: «Полное искоренение неприкасаемости — вот то, чего я желаю, для чего я живу и ради чего я готов умереть. Я хочу достичь этого не в далеком будущем, а сегодня...»

Показывая всем пример общения и сотрудничества с неприкасаемыми, Ганди сам поселился среди них. Его борьба с кастовым строем привлекла к нему сердца миллионов простых людей Индии. И в том, что в независимой Индии конституция запретила неприкасаемость, огромная заслуга Ганди, хотя ни для кого не секрет, что касты все еще сохраняют в стране свое тлетворное влияние.

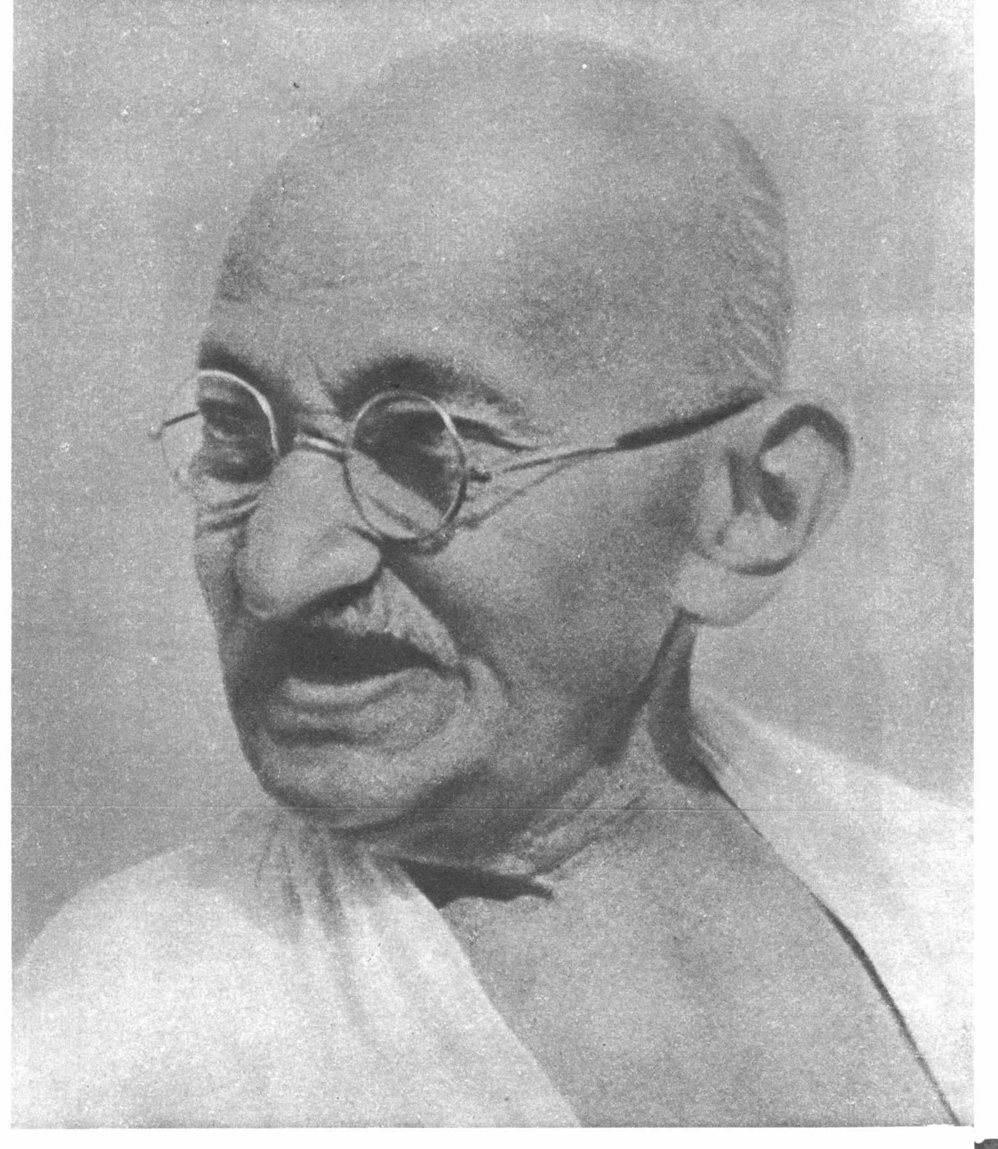
Когда после Октябрьской революции в России в Индии развернулась с новой силой борьба против империалистического гнета, Махатма Ганди встал во главе бурно растущего антиколониального движения.

Понимая значение народных масс в революционной борьбе, он сделал все для того, чтобы превратить в массовую организацию наиболее влиятельную общеиндийскую политическую партию его времени — Индийский национальный конгресс. Ганди удалось повернуть Конгресс, который ранее был оторван от масс, лицом к массам.

Махатма Ганди, борясь за единство народа в антиколониальной борьбе, решительно выступал против индусско-мусульманской розни, которую сознательно разжигали колонизаторы, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй». Вопрос об индусско-мусульманском единстве Ганди считал важнейшей составной частью проблемы единства всех индийцев в борьбе с колонизаторами.

Он писал: «И индусы и мусульмане — это сыны Индии». Смелые и горячие выступления Ганди за индусско-мусульманское единство в период борьбы за независимость вызвали к нему особую ненависть ультрареакционных религиозно-шовинистических сил. На совести этих черных сил организация злодейского покушения на жизнь Ганди. Насильственная смерть великого сына Индии потрясла мир, прогрессивных людей всех стран.

Хотя, по мысли Ганди, краеугольным камнем национально-освободительного движения является ненасилие, тем не менее он неоднократно подчеркивал, что ненасилие не пассивная,

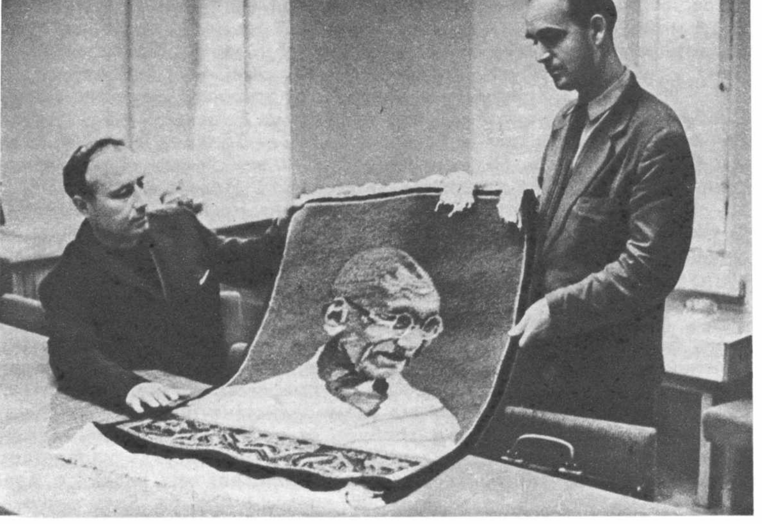
му Ганди называл себя его «скромным последователем». Отвечая на вопрос о своем отношении к Л. Н. Толстому, М. К. Ганди сказал, что это «отношение преданного почитателя, который обязан ему во многом в жизни».

Советские люди высоко чтут память Ганди. В нашей стране имя и деятельность этого выдающегося человека ассоциируются с мужественной борьбой индийского народа за освобождение Индии. Поэтому известность Махатмы Ганди в СССР весьма велика. Трудно найти у нас человека, который бы не знал о нем. Уже дважды большими тиражами издавалась на русском языке «Автобиография» Ганди, с которой знакомы самые широкие слои советской общественности. Эта книга, вышедшая в СССР под названием «Моя жизнь», есть во всех крупных библиотеках страны.

Советские люди с признательностью вспоминают то восхищение, которое звучало в отзывах Ганди о В. И. Ленине, об успехах нашего народа в строительстве новой жизни.

В Советском Союзе проведена большая работа, чтобы достойно отметить 100-летие со дня рождения Махатмы Ганди.

С этой целью был создан представительный юбилейный комитет; скоро выйдет в свет целый ряд трудов М. К. Ганди на русском языке, печатаются исследования о нем. В Государственной библиотеке имени В. И. Ленина и в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР открываются выставки, посвященные жизни и деятельности Ганди. Советский Союз примет участие в международной выставке «Ганди-даршан» в Дели. На этой выставке будет сооружен специальный павильон СССР. Лучшие мастера республик Советского Востока приготовили целый ряд экспонатов. Из Казахстана получены два ковра с портретом Ганди и ваза с изображением Ганди.

Ковер с портретом М. К. Ганди соткан казахскими ковровщиками.

а активная деятельность. Это несотрудничество с колонизаторами, бойкот проанглийских партий, государственных учреждений, отказ от почетных должностей в колониальной администрации и т. п.

Наиболее решительным средством ненасильственной борьбы, по мнению Ганди, должно было стать гражданское неповиновение. Оно предполагало массовое и решительное (конечно, в рамках ненасилия) выступление народа против антинародных мероприятий колониальных властей.

Кампании гражданского неповиновения, вдохновляемые Ганди, фактически парализовали британское колониальное управление и расшатали устои колониального господства. Эти кампании, наряду с забастовками рабочих, восстаниями крестьян и другими революционными выступлениями индийских трудящихся привели в конечном счете к крушению колониального режима в Индии и завоеванию страной политической независимости.

Миролюбивые идеалы и гуманистические взгляды Ганди, его призывы к искоренению насилия близки и понятны всем, кто борется против эксплуатации человека человеком, кто стоит за мир между народами.

Но в условиях современного мира, в условиях, когда империализм и колониализм усиливают свою борьбу с национально-освободительным движением, усиливают эксплуатацию трудящихся масс, когда независимости многих развивающихся стран угрожает империалистическая экспансия и неоколониализм, принцип ненасилия в ряде случаев может сыграть на руку темным силам зла и разрушения. Поэтому сама Индия в ходе антиимпериалистической борьбы, когда встал вопрос о воссоединении с родиной ее исконных земель Гоа, Дамана и Диу, вынуждена была отойти от принципа ненасилия.

Не соглашаясь с некоторыми принципами гандизма, мы не можем не выразить самого глубокого уважения этому великому человеку, отдавшему все свои силы родной стране, родному народу, национально-освободительному движению, которое было важной составной частью мирового революционного процесса.

Ганди предстает перед нами как ярый обличитель империалистического разбоя, неизменно выступавший против колониализма и фашизма. Он предстает перед нами как искренний поборник мира и дружбы между народами, как горячий патриот и убежденный гуманист.

Для народов Советского Союза и Индии является особенно знаменательным тесное общение двух выдающихся представителей наших стран — М. К. Ганди и Л. Н. Толстого.

Л. Н. Толстой высоко ценил М. К. Ганди как человека близкого ему по взглядам, как бескорыстного борца с угнетением, расизмом, несправедливостью, колониальным порабощением. Толстой писал о М. К. Ганди: «Очень он близкий нам, мне человек». В свою очередь, и М. К. Ганди высказывал высокое уважение к Л. Н. Толстому, художественное творчество и теоретические работы которого он хорошо знал. Ганди, по его собственному признанию, «усиленно изучал» произведения Толстого. На него производили неизгладимое впечатление «независимость мышления», «глубокая нравственность», «правдивость» произведений великого русского писателя. В письме к Толсто-

Ковер с портретом Ганди готовят и лучшие ковровщицы Туркменистана.

Таджикские художники изготовили панно на дереве с портретом М. К. Ганди.

Министерство связи СССР к 100-летию со дня рождения М. К. Ганди выпустило специальную марку. В Москве и других городах нашей страны уже прошли юбилейные собрания советской общественности, посвященные 100-летию со дня рождения М. К. Ганди. В Институте востоковедения АН СССР прошла специальная научная сессия, посвященная этой знаменательной дате.

Советские общественные и научные деятели примут активное участие в юбилейных мероприятиях, которые будут проведены в октябре нынешнего года в самой Индии.

Не может быть никаких сомнений в том, что мероприятия, посвященные 100-летию со дня рождения выдающегося сына индийского народа Махатмы Ганди, будут способствовать дальнейшему укреплению дружбы и сотрудничества между народами Индии и Советского Союза.

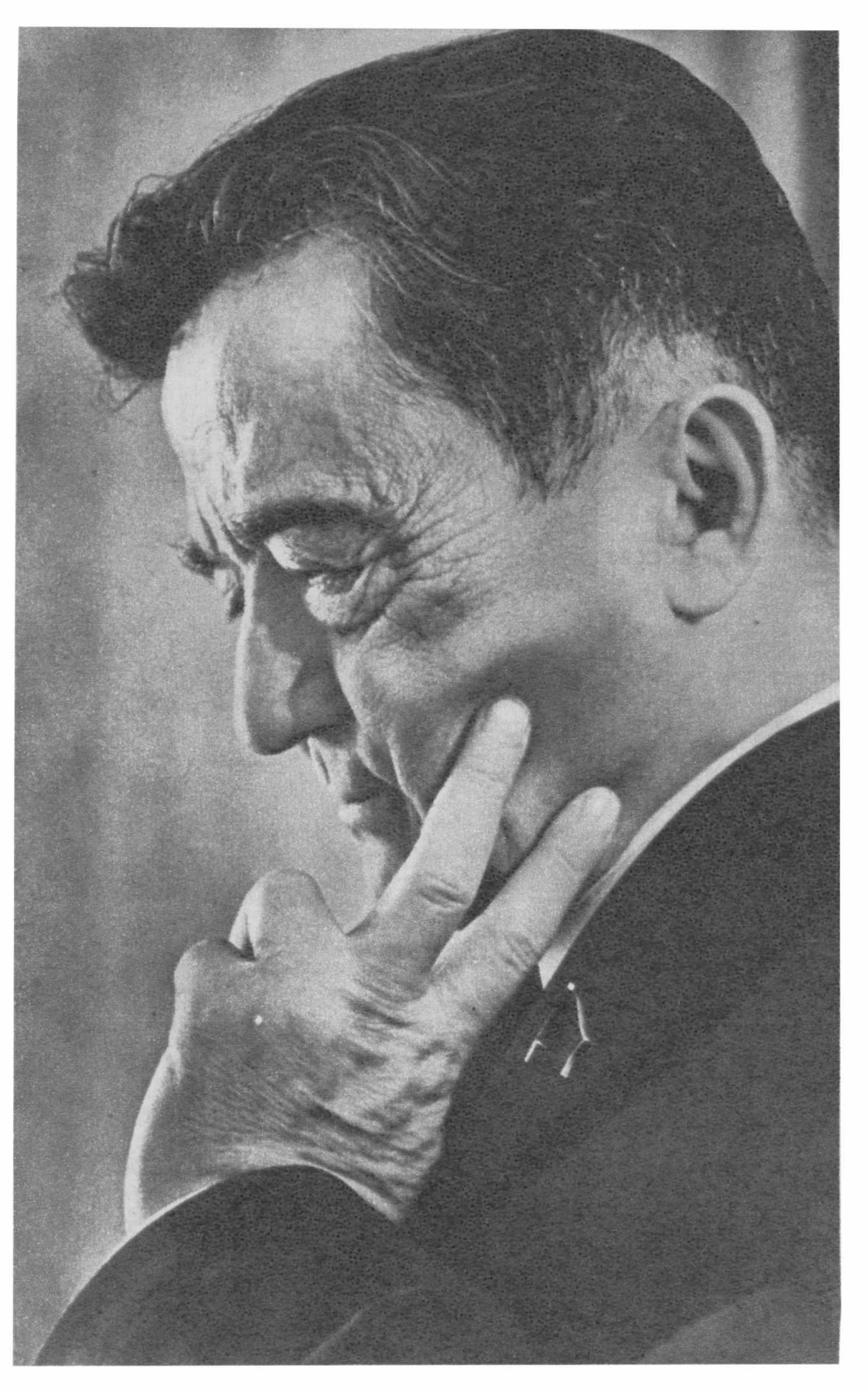
КАК БЫЛО В ЖИЗНИ...

А. СОФРОНОВ

— Жизнь в наше время предлагает драматургу огромный материал. Даже, может быть, не предлагает, а насильно всовывает ему в руки. Я смотрю на все, что происходит вокруг меня, и мне обо всем хочется писать. Меня окружают десятки волнующих тем, сотни героев ходят вокруг меня... и я должен выбрать. Я не имею права, как бабочка, перелетать с цветка на цветок. Конечно, многое уже останется для меня нетронутым. Пусть это делают молодые. Они по-своему видят мир... И все же... Я не могу отделаться от того, что меня все волнует. Особенно последнее время... Вот такая тема. Ее невозможно объять — Ленин и Восток, Россия — Ленин — Восток — Средняя Азия. Я, конечно, еще буду писать. Не могу не писать. Я все думаю... Вот землетрясение... Это же надо оставить в литературе... Может, и не я... Но кто-то должен решить эту тему. Мой Ташкент, он весь преобразился... Совсем новый город. А кто его сделал таким? Русские, украинцы, грузины, белорусы, казахи... Многие, многие другие... Я не могу об этом не думать. Я узбек, а думаю обо всех... Обо всех... Или наш новый город Навои... Пески Кызылкумы: мы сейчас даем много золота... Очень много. Но кто мы? Не только узбеки... Русские, украинцы, армяне, белорусы, таджики... Многие-многие другие... Или проблема поколений... Некоторые считают, что ее нет. Я не согласен... Она всегда была. Только не в том виде, как ее представляют наши недруги. Я бы сказал: существует проблема взаимодействия поколений... Если ты драматург, писатель,— народ требует от тебя: давай пиши, не сиди сложа руки. К сожалению, наша драматургия не всегда удовлетворяет требования зрителей. Со времени Аристотеля мы знаем: в драме должна быть борьба. Главное зерно драмы — борьба. Весь окружающий нас мир, именно весь мир дает нам такой материал... Все, что происходит за рубежом, внутри нашей страны, в нашем сознании,— все это материал драматургии. И не только драматургии, всех жанров литературы. Все жанры необходимы для нашей победы в идеологической борьбе.

Да, вот и появился целый драматический монолог, который я не выдумал, а записал из уст Камиля Яшена. Наши драматурги сейчас не часто прибегают в своих пьесах к монологам, предпочитая только действие, действие и сопровождающие его слова. Говорят, что современные зрители не принимают, устали от монологов. Не спорю. Может быть. Но думаю, что не принимают только в том случае, если эти монологи пусты, как бывает пуст однозвучно гремящий барабан. Если в нем нет мысли, в монологе. То, что говорил Камиль Яшен, было мне близко, поэтому я с удовольствием его слушал. Был июль. Знойный июль в Ташкенте. Сорок градусов жары за стенами гостиницы. Мы сидели в номере и пили зеленый чай. Он очень приятен, зеленый чай, в синей пиале, особенно в жару. Я понимаю Яшена — весь мир лежал в его сердце, он не только окружал моего друга, но именно был собран в сердце. Только вчера мы с гостями Ташкента провели день в лесном, молодом еще заповеднике. С нами были писатели из африканских и азиатских стран: египтяне, индийцы, алжирцы, суданцы, южноафриканцы... Некоторые из них были впервые в Ташкенте, некоторые уже, как они говорили, «старые узбеки». Каждый из них принес свои радости и свои печали. Было у каждого из них и то и другое. Яшен был старшим за столом в маленьком лесном домике, где мы сидели на открытой, продуваемой в тени ветерком веранде. Но сам Яшен мало говорил, он отдал это право своим товарищам, более молодым товарищам. А сам сидел за столом и слушал. Слушал, видимо, вбирая в сердце весь мир, который окружал его, появившись из других стран. Он был очень жгучий, этот мир. Что-то в нем было похожее, что-то тревожило Яшена, как тревожат воспоминания о давних прожитых днях. Он слушал и смотрел. Смотрел жадно и пытливо. Было что смотреть, и было что слушать. Здесь сидела очень застенчивая и молчаливая Занеле Дламини, африканка, оторванная сейчас от родной земли, живущая в эмиграции, в Лондоне. Она первый раз приехала в Советский Союз. И она была поначалу очень робкой. Что-то стесненное она привезла с собой. Наверное, боязнь. Она жила в Лондоне, это, конечно, не Южная Африка, где злобствуют расисты. Но это далеко и не родина. Я бывал в Англии... И если там нет негритянских погромов, то это не значит, что там африканцы чувствуют себя как в раю. Скорей всего напротив. Я помню Манчестер. Негритянские кварталы. Негритянские, только для негров, в смрадном тупике пивной бар. Там пили не от радости, пили от чувства горести, от унижения, что в другие места не пускают... Может, сейчас что-либо изменилось?.. Это было несколько лет назад. Но не думаю. Политика потворства южноафриканским расистам продолжает действовать в Англии. Отчего же Занеле было быть веселой? А здесь, в этом горном ущелье, Занеле вдруг развеселилась. Все пели свои песни. Русские, узбекские, арабские, индийские... И запела Занеле... А потом вдруг затанцевала. Словно камень сбросила с плеч... Я смотрел на Яшена. Он что-то вспоминал. Я и позже не спросил его о том, что он думал, когда смотрел на танцующую Занеле. Но мне казалось, он вспоминал своих героинь. Женщин Востока. Женщин Узбекистана, которые еще несколько десятилетий назад не могли без чадры появиться на улице. Как их звали, этих женщин? Онахон, Дильбар, Гюльсара, Нурхан... Были ли такие женщины в жизни? Были. Были в жизни. Но кто бы знал их, если бы не молодой еще тогда узбекский драматург Камиль Яшен, который, увидев их в жизни, превратил в образы? Образы живые, но уже такие, которые, оставаясь живыми, становятся в силу художественного воплощения типическими. Именно типическими, вобравшими в себя не только яркие, индивидуальные человеческие черты, но и особенности своего времени. Когда это есть, писатель, если он пишет для сцены, становится настоящим драматургом.

— Наверно, что-то в первой моей пьесе «Два коммуниста», которую я затем озаглавил «Разгром», было от «Любови Яровой» Тренева... Возможно... Мне очень дорога эта пьеса... Но главное было для меня — в жизни, которую я видел, сам участвовал в ней. В этой пьесе было два моих любимых героя — Арслан и его жена, любимая подруга Дильбар... Я писал и раньше... Но то было как бы на шахматной доске. Все фигуры были ясные. Все ходы их определены правилами шахматной игры. Здесь, в этой пьесе, как мне казалось, уже не было шахмат... Логика борьбы, классовой борьбы, заставляла их быть живыми, заставляла глубоко думать, мучиться, переживать и, как Дильбар, во имя идеи идти на смерть. Ненависть к врагам Советской власти, к контрреволюционерам, пытавшимся вернуть Азию на старую, феодально-капиталистическую дорогу, заставляла их и действовать по-революционному. Дильбар, Дильбар... Мне очень дорог этот образ. Это как первая любовь... Как было в жизни, так и на сцене. Были и враги, коварные, злые, безжалостные. Врагами они становились на политической почве. И тут уже не могло быть примирения. Когда в Ан-

Камиль Яшен. **Фото Ю. Багрянского.**

дижане впервые показали эту пьесу, впервые на сцене профессионального театра, в зале сидели не только кристально чистые советские люди, но и проштрафившиеся и затем амнистированные. Их брало за сердце. Они, видимо, желая как-то оправдаться, говорили мне после спектакля: «Мы так не делали», «Было иначе...». Друзья приветствовали спектакль. Противники же таили злобу, но не уходили. Я чувствовал, что они даже ликовали, когда Дильбар погибла. Потом — Самарканд. Туда из Москвы приехала наша труппа, получившая театральное образование в специальной московской студии. Учителями были мастера театров столицы, особенно Театра имени Вахтангова. Много полезного почерпнули в этой студии наши знаменитые театральные деятели Уйгур, Ятим Бабаджанов. Они заинтересовались пьесой и начали ее репетировать. Спектакль был готов, но выпустить его было не так просто. Нашлись люди, которые обвиняли меня в антихудожественности. Они видели антихудожественность в остроте показа классовой борьбы. Они просили, требовали, угрожали: убери, смягчи. Но я отказался. Я понимал, почему они требовали, чтобы я «смягчил». Это были националисты. И у меня в пьесе была показана не только классовая борьба, но и борьба против буржуазного национализма. Я ненавидел басмачей, ненавидел английских империалистов, и я писал об этом. Я не мог изменить своим убеждениям, и вместе с театром мы победили.

...Теперь и я вспомнил, что однажды мне говорил Мирзо Турсун-заде:

«Камиль... О, Камиль... это большой драматург... Мы все в Советской Азии знаем его. Он очень тихий человек, Яшен, но у него громкая драматургия. Его «Разгром» шел у нас в Душанбе и имел большой успех... Да и не только у нас в Таджикистане. Он увидел и написал то, что многие видели и не написали».

К словам Турсун-заде можно добавить еще и то, что сейчас, через сорок лет после первого спектакля в Андижане, пьеса снова возобновлена в постановке и с успехом идет на узбекской сцене.

— И еще чем дорога мне эта пьеса,— говорит Яшен.— Вы, наверно, не знаете? Первой исполнительницей в Андижане роли Дильбар была Халима Насырова. Эта пьеса нас повенчала... Но это уже дела личные... Главное, я не мог уступить тем, кто требовал от меня, чтобы я смягчил, не так заострял мотивы борьбы. Я же не высосал все из пальца! Это была жестокая борьба. Борьба нового со старым. Борьба эпох.

— А Гюльсара?

— Это музыкальная драма. Я ее писал вместе с М. Мухамедовым. Вы знаете, что такое паранджа. Сколько драматических событий происходило вокруг паранджи! Иногда казалось, что весь старый мир держится за нее руками, не дает ее сбросить женщине Востока... Как же я мог оставить ее, обойти ее, что происходило на моих глазах? Отцы становились преступниками, когда их дочери сбрасывали паранджу. Таким я и вывел Ибрагима, человека, разум которого затемнен кораном. Сколько я видел таких... Сколько их осталось в моей памяти... И сколько я запомнил тех, кто сбрасывал паранджу и становился человеком-борцом. Драматургия — это самое острое оружие. На сцене все видно. Зрители являются соучастниками происходящей на их глазах драмы... Наверное, я один из самых счастливых драматургов... И даже совсем не потому, что пьеса ставилась и шла с успехом в театрах всей Средней Азии... На спектакли приходили часто женщины в парандже... Приходили организованно и просто так... А потом, к концу пьесы, они поднимались и сбрасывали с себя паранджу... А они были разные... Я имею в виду паранджу... После спектаклей все это передавали в реквизит театра.

...Все, что говорил мне Камиль Яшен, я уже слышал из уст других. Но Яшен вспоминал об этом как-то по-особому. Словно ветер прошлого настигал его снова и заставлял то задумываться, то улыбаться. А задумываться и вспоминать было что. Вот музыкальная пьеса «Нурхан». Она написана, что называется, по событиям, которые были в жизни. Материалом для пьесы послужила жизнь и смерть талантливой узбекской актрисы Нурхан Юлдашходжаевой, убитой классовыми врагами. Умирая, она говорит: «Друзья, не сверните с этого светлого пути. Я умру, но не умрет мое искусство, счастье и слово». Эта пьеса, так же, как и другие драматические произведения Яшена, является классикой узбекской литературы. Достаточно сказать, что музыкальная драма «Нурхан» с успехом идет на сценах театров до сих пор. Только в театре имени Мукими она прошла уже более 1 200 раз!

Одна из самых значительных пьес Камиля Яшена позднего периода — драма «Путеводная звезда», написанная в 1955 году. Это — произведение зрелого мастера, который мог взяться за создание образа Владимира Ильича Ленина и первым в узбекской драматургии успешно создал его. Спектакль театра имени Хамзы по пьесе «Путеводная звезда», показанный в Москве на фестивале художественных театров, был высоко оценен зрителями и награжден дипломом.

О героизме и интернационализме советских людей в годы Великой Отечественной войны Камилем Яшеном написаны пьесы «Афтабхан», «Смерть оккупантам», «Генерал Рахимов»...

Тридцать два года назад, в 1937 году, на первой декаде узбекского искусства и литературы в Москве, из четырех пьес, привезенных в столицу Советского Союза, две принадлежали перу Камиля Яшена: «Гюльсара» и «Колхозный саиль», то есть «Колхозный праздник».

Но откуда же все это началось? Как маленький узбекский мальчик, шести лет отданный отцом в одну из духовных школ Андижана, стал одним из крупнейших узбекских, да и не только узбекских драматургов? Можно было превосходно беллетризовать жизнь Камиля Яшена, жизнь его сама просится на такую беллетризацию. Вероятно, это и будет когда-нибудь сделано. Я же удерживаю себя от повествовательной прозы и просто хочу воспроизвести то, что мне Яшен рассказал июльским жарким утром этого года, когда мы сидели в номере ташкентской гостиницы и гасили летний зной горячим зеленым чаем.

— В 1918 году, когда мне было девять лет, ко мне в руки впервые попали стихи Хамзы Хаким-заде Ниязи. Я уже слышал о нем. И что-то, кажется, понимал... Хамза писал иначе, чем наши традиционные узбекские поэты. Это был современный, непохожий на восточные газели стих. Конечно, я в этом стал разбираться позже... Но тогда все обратили внимание на то, что и содержание его стихов было иным, чем в стихах других наших поэтов. Он писал о революции, о борьбе, о рабочих. Призывал к тому, чтобы прогнать баев. Его стихи читали в чайханах. А мы в Андижане знали, что есть такой богач — Миркамильбай. У него было семь хлопковых заводов. Он был крупный помещик. У него были большие торговые связи с Германией. Я видел этого бая. У него был автомобиль. Закрытый лимузин. Он заплатил за него шестнадцать тысяч золотом. Это был страшный человек. Но еще страшней был его брат. Он избивал батраков. И тогда один из батраков убил его кетменем. Миркамильбай после этого беспощадно мстил батракам. Ему во всем помогал царский режим. О таких, как этот бай, и писал Хамза. Вот, например, его классическая драма «Бай и батрак»... Пьесу показывали в Андижане в 1919 году. Тогда я ее и видел там. Однажды наш учитель сказал: «Останетесь после урока». Мы думали, что в чем-то провинились. Но нет, он сказал, что мы пойдем в гости в дом к поэту Хамзе. Он привел нас в его дом. Так я впервые увидел Хамзу. Он был в европейской одежде. Учитель сказал ему: «Вот я привел к тебе поклонников». Хамза очень ласково встретил нас — меня и моего друга Нихада Умарова. Прочел нам стихи. Я помню, он читал стихотворение «Проснись, рабочий!» и другие, похожие. Потом он дал эти стихи нам и сказал, чтобы мы выучили их. И еще играл нам на рояле. Через три дня мы выучили стихи и пришли к нему на экзамен. Он послушал и сказал: «Молодцы. Эти стихи вы будете читать на восточном вечере в бывшем офицерском доме». Раньше в этом доме собирались русские офицеры и местная аристократия. Хамза на сцене устроил театрализованную выставку. У зрителей он попросил халаты. И показывал баев, беков... Была показана инсценировка. В ней демонстрировалось, как баи

обманывают простых людей, как продают молодых девушек замуж, как курят анашу. Зрители весело смеялись. Тогда Хамза сказал: «Почему вы так смеетесь? Ведь обманутые — это вы сами. Мы все так жили до Октябрьской революции. Все это прелести царского режима. Сейчас наступила пора свободы. Мы должны учиться. Мы должны строить жизнь заново». Потом выступал хор. Пели песни на слова Хамзы. Особенно запомнилась «Да здравствуют Советы!». Все это меня захватило. Потом опять говорил Хамза: «Басмачи, контрреволюционеры жгут наш город, расправляются с местными революционерами. Их поддерживают англичане. Дают басмачам оружие. Мы должны быть готовы к защите Советской власти». Потом была показана инсценировка «Удочка». «Рыбак» ловил удочкой басмачей, англичан, националистов. На сцене появлялся революционер. Происходила перепалка. Потом снова пел хор, и наступал апофеоз инсценировки. А потом мы читали стихи Хамзы... Все вспоминать невозможно... Но я все это помню. Наверно, тогда у меня и пробудилась тяга к искусству. Искусство несло дыхание времени. На спектакли ходили дехкане и кустари. Но в это время усилилась контрреволюция. В городе начались перестрелки. Здесь был некий Монстров, белогвардейский генерал. Вместе с басмачами они пытались при помощи англичан отторгнуть Андижанский уезд. Готовились к походу на Ташкент. Хамза вынужден был уехать в Коканд. Красная Армия начала наступление. Здесь действовали Фрунзе и Куйбышев. Басмачи и белогвардейцы были разбиты. Шестнадцати лет, уже будучи комсомольцем, я написал первую свою пьесу. Это была одноактная пьеса о том, как девушку насильно выдают за старика. Играли профессиональные артисты. Не знаю почему, но зрители ее хорошо приняли. Мне тогда присудили премию уездного комсомола и послали учиться в Ленинград. Там я учился в Лесном институте. Ленинград открыл мне широко глаза. Я все время ходил в театр. Русские товарищи часто отдавали мне свои билеты: знали мою страсть к театру. Я смотрел «Шторм», «Любовь Яровую». Принимал участие в обсуждении стихов Маяковского и Есенина. Ходил в оперу. Полюбил, стал понимать симфоническую музыку. Очень любил Мариинский театр. Писал стихи и посылал их в Узбекистан. В 1925 году написал первые стихи о Ленине. Много печатался. Когда на каникулах ездил в Узбекистан, всегда останавливался в Москве. Часто бывал в Вахтанговском театре. Запомнил спектакли «Ревизор», «Принцесса Турандот», «Слуга двух господ». Бывал на репетициях в нашей узбекской студии. Потом вернулся в Андижан и стал преподавателем в той самой школе, где когда-то учился. Преподавал физику и узбекский язык. И все писал стихи. Очень часто в газетах помещались на одной странице стихи Хамзы и мои. Я так и не знаю, чувствовал ли Хамза, что я был тот мальчик, которого когда-то к нему привел мой школьный учитель. В 1929 году, в разгар классовой борьбы, Хамза был убит кулаками. Это было ужасно. И хотя у меня уже была написана в то время и поставлена на сцене первая моя серьезная драма, «Два коммуниста», я с особенной остротой понял еще раз, что такое классовая борьба... Действительно, есть что вспомнить...

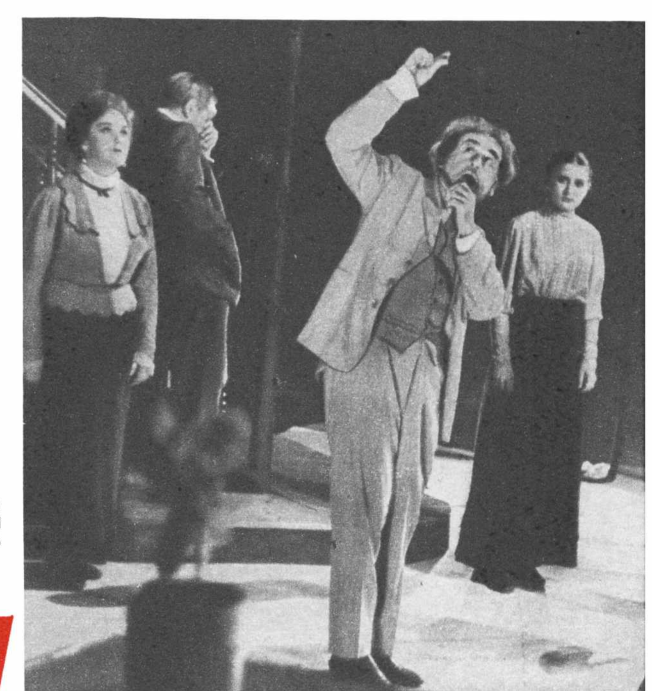
В 1930 году узбекские артисты впервые поехали в Москву на театральную олимпиаду братских республик. С вокзала ехали на автобусах. Трубили наши карнаи. Москвичи с удивлением смотрели на нас. Наше искусство хорошо приняли. Еще был жив Луначарский, он смотрел наши спектакли. Нас приветствовал и поздравлял Феликс Кон. Мы надели на него бухарский халат. Тогда же я познакомился в Москве с Мусой Джалилем, и мы подружились... Вернулись из Москвы мы окрыленные лаской и сердечным отношением. Мы поняли, что Москва — это наш родной город. В ту пору я написал музыкальную комедию «Уртоклар» («Товарищи»), а в 1939 году — либретто первой узбекской оперы, «Буран». Музыку писали наш композитор Мухтар Ашрафи и русский композитор Сергей Василенко. Появление первой узбекской оперы было праздником в нашей республике. За ней последовала вторая — «Гюльсара». Музыку к ней написали Рейнгольд Глиэр и наш композитор Т. Садыков... Но у меня все время в памяти был мой учитель Хамза. Я всю жизнь считал и считаю его своим учителем. Я написал в соавторстве с А. Умари пьесу «Хамза». Из пьесы родилась опера. И еще — я помог восстановить пьесу Хамзы «Бай и батрак» на нашей сцене...

И последнее... В 1935 году, после того, как я был избран членом правления Союза советских писателей, я выступал на пленуме, на котором был Алексей Максимович Горький. Я помню, как он тогда в своей речи сказал, что он автор двадцати плохих пьес... Конечно, ему не поверили и долго аплодировали в этом месте. А после этого мне предстояло выступать... Не помню, как я вышел к трибуне. Вцепился в нее руками. Но мне очень хотелось сказать все, что я думал. И я сказал. Сказал о том, что такое Советская власть для нас, трудящихся Востока. У нас не было драматургии — у нас появилась драматургия. Не было оперы — у нас теперь пишутся свои оперы. Я сказал, что в Англии почти не играют Шекспира, а у нас в Ташкенте вот уже подряд двадцать три дня идет «Гамлет» и наш актер Абрар Хидоятов потрясает зрителей. Дошло до того, что Абрар Хидоятов от усталости однажды упал в обморок... И вдруг грянули аплодисменты, я увидел, что все стоят и аплодируют... И Алексей Максимович стоит и аплодирует... Он, великий русский писатель, всегда был великим другом всех наших братских народов.

...Жаркий-жаркий день в Ташкенте, и синие пиалы с зеленым чаем, стоящие на столе.

— Первый раз в жизни я рассказываю все о своей жизни,— говорит мне Камиль Яшен,— первый раз.

Это верно. Более двадцати лет я знаю этого чудесного, скромного человека, прекрасного драматурга, лауреата Государственной премии, признанного при жизни классика узбекской литературы, академика, главу узбекских писателей, и никогда не слышал от него слов о себе. Все о других. Все о других. Но когда человек подходит к шестидесяти годам огромной, насыщенной высоким творчеством жизни, пора рассказать и о нем. И я это сделал. Не знаю уж, право, как он сам к этому отнесется...

Михаил ЖАРОВ, народный артист СССР

Успехов вам,

Не так давно в Москве проходили гастроли Государственного Русского драматического театра имени Самеда Вургуна... Смотрел я спектакли бакинцев и вспоминал молодость. Вспоминал годы или, вернее, театральные сезоны, которые играл я в этом театре, который тогда назывался Бакинским Рабочим.

...Шел 1926 год. Я еду работать в Бакинский Рабочий театр вместе с группой артистов, режиссеров, художников... Новый город, новый коллектив, новый зритель — все незнакомо, все ответственно. И хотя к тому времени я уже имел некоторый артистический опыт — работал в театре Мейерхольда и даже снимался уже в нескольких фильмах,— волновался не меньше, чем все другие: такова уж природа нашей профессии: каждый раз все начинаешь снова, каждый раз — все, как впервые.

И вот я в Баку... Женщины ходят закутанные в покрывала — годто 1926-й! В синем небе плавится огромное солнце, и внезапно начинает неведомо откуда дуть сильнющий ветер...

Баку, к моей радости, оказался городом театральным; зрители здесь не просто смотрят спектакли, но следят за работой театра, знают и любят актеров. А труппа в Бакинском Рабочем театре была интересная и очень сильная: здесь играли — молодая героиня, красавица Н. И. Огонь-Догановская, талантливый комик А. Н. Стешин, замечательный артист Н. А. Соколов; в Бакинском Рабочем театре я подружился с великолепной актрисой, ныне известной всей стране Фаиной Григорьевной Раневской...

Своим дебютом в Баку я считаю роль солдата Пикалова в «Любови Яровой» К. Тренева... Как-то сразу я проникся сочувствием к моему герою: он представлялся мне длинным, нескладным, в больших стоптанных сапогах, с голенищами, как ведра; в короткой замызганной шинели, с пустым вещевым мешком за плечами. На ремне жестяной чайник, а сзади, на веревке, мешая двигаться, винтовка... Впервые узнал я тогда непередаваемое ощущение полного слияния с образом: я ничего не играл, ничего не придумывал, а чувствовал себя этим мужичонкой, тосковавшим по дому, по земле. Своим мужицким умом, бесхитростным, но ясным, мой Пикалов старался доискаться правды. Он был живой. Поэтому очень приятно мне было прочитать о себе хвалебный отзыв, напечатанный в журнале «Жизнь искусства».

В Баку же я встретился и еще с одной ролью — этапной в моей актерской биографии. Это Васька-Окорок в «Бронепоезде 14-69» Вс. Иванова. И тоже всем своим существом почувствовал я Ваську-Окорока, парня, беззаветно преданного Революции.

Около двадцати ролей сыграл я в Бакинском Рабочем театре. Особенно ярко сохранился в памяти спектакль «Севиль» по пьесе азербайджанского писателя Дж. Джабарлы. Мы открывали этим спектаклем юбилейный сезон 1929/30 года. Севиль играла выдающаяся актриса азербайджанского театра Марзия Ханум Давудова, мне же выпало играть роль ее свекра, старого азербайджанца. Волновался я ужасно, потому что на премьере присутствовали руководители республики, общественность города... Перед началом спектакля артисты вышли на сцену, и зрители тепло, искренно приветствовали труппу... Да и после премьеры, к счастью, тоже все радовались — и зрители и мы, артисты...

Спустя тридцать четыре года я вновь приехал в Баку. На этот раз на гастроли с Малым театром. Как же изменился город! Украсился новыми бульварами, широкими европейскими улицами, новыми жилыми кварталами, прекрасной набережной... Я почувствовал, что прошедшие годы меня состарили, а город омолодили, но все равно приятны были встречи со зрителями, которые помнили меня молодым, начинающим актером... В 1964 году мне было присвоено почетное звание народного артиста Азербайджанской ССР, которым я горжусь.

Обо всем этом я и вспоминал на спектаклях театра имени Самеда Вургуна.

На правах старого члена труппы хочу сказать о нынешней встрече с дорогим мне театром.

Давно известно, репертуар — лицо театра, свидетельство его вкусов и устремлений.

Бакинцы играли в столице «Дядю Ваню», и «Марию Стюарт», «Сирано де Бержерака», и очень редко идущую на нашей сцене пьесу М. Горького «Фальшивая монета», и пьесы современных авторов: русских и азербайджанских.

Театр видит свое предназначение в том, чтобы говорить со зрителем о больших и важных проблемах жизни. А это — немалое достоинство!

Думается, географическое положение театра имени Вургуна: юг,

М. Горький «Фальшивая монета». Сцена из третьего акта.

Фото Л. Еллинской.

ДОРОГИЕ!

ослепительное солнце и море, праздничность красок, буйный темперамент зрителей,— диктует и свои особенности исполнительской манеры. Памятуя о собственном опыте, скажу, что южане не приемлют серой, невыразительной игры. Они всегда требуют исполнения яркого и страстного, красочного. Ждут деталей броских, живописных. Они требуют искусства, которое назвал бы я шутя «темпераментным реализмом». А это так и есть.

Любовь к сочному внешнему рисунку при глубокой правде характеров издавна отличала игру лучших бакинских артистов. И радостно было мне увидеть, что по-прежнему эта традиция живет и определяет своеобразие театра имени Вургуна.

Я — актер. И мне, конечно, было радостно за своих бакинских коллег, прежде всего — В. Ширье и Р. Гинзбург. Этим ведущим актрисам театра москвичи аплодировали в великолепном актерском дуэте: В. Ширье — Елизавета, а Р. Гинзбург — Мария в трагедии Ф. Шиллера «Мария Стюарт». Обе актрисы очень разные, но их работы объединяет высокое мастерство, соединенное с темпераментом и психологической глубиной.

Москвичи познакомились с умным и тонким артистом К. Адамовым. Играл ли он Сирано де Бержерака, или Войницкого в «Дяде Ване», он раскрывал тему человека, может быть, и обойденного удачей, но по-настоящему сильного духом, не сломленного, не отступающего от своих принципов.

Актером своеобразным, стремящимся уйти от шаблонных трактовок, показался мне Л. Грубер, очень интересно, на мой взгляд, сыгравший Астрова. Хотелось бы упомянуть и М. Лезгишвили — он создал очень яркий, острый образ спекулянта Абульфаза в пьесе М. и Р. Ибрагимбековых «Кто придет в полночь...».

Приятно отметить, что в театре имени Вургуна и сегодня работает способная молодежь — Р. Кириллова, Т. Зинина, Л. Духовная, Л. Вигдоров. На сцене сегодняшнего советского театра молодежь — великая сила!..

Бакинцы всегда числились среди лучших республиканских театральных коллективов, и когда я думаю о причинах его успехов, интереса к нему зрителей, я вижу эти причины в том, что здесь всегда жил и живет прекрасный дух исканий.

Успехов же вам, дорогие бакинские коллеги.

Юрий МЕЛЬНИКОВ

СРЕДИ ПОЛЕЙ, СРЕДИ ЛЕСОВ...

ДАЛЕКОЕ

Мне не забыть
тридцатый год,
Свою деревню — Сýлинцы.
Шумел встревоженный народ
С утра на сельской улице.

А день, по-летнему лучист,
Грел нашу землю древнюю.
И звал приезжий коммунист
Крестьян
к объединению.

И трактор нам прислал райком,
Он шел в село долиною.
А мы, мальчишки, босиком
Бежали за машиною.

Была весна,
Вставал рассвет
Над избами лирический,
И навсегда вдруг
Вспыхнул свет
Веселый,
электрический.

С восторгом первое кино
Смотрели под ракитами...
Мальчишки выросли давно
И стали
именитыми.

Кто генерал,
Кто астроном,
А кто заводом ведает...
Свою деревню,
отчий дом
Нет, нет
да и проведают.

А там,
А там среди полей
Шумят хлеба высокие!..
Судьба земли,
Судьба людей
Решалась
в дни далекие.

ЗЕМЛЯ ОСЕННЯЯ

Опускаясь тихо на тропинки,
Словно на дымящейся золе,
Тают, тают первые снежинки
От прикосновения к земле.

Иль она от лета не остыла —
От горячих, от земных забот...
И в лесу земли живая сила
Пламенем багряным обдает.

Под земным, под благодатным
светом
Цвет весны и в холода храня,
Пробиваясь в будущее лето,
Потянулись буйно зеленя.

Потому-то на земном раздолье
И работам не видать конца:
Пашем, сеем, убираем поле,
У домов сажаем деревца.

...Мнится мне, что, жаркий свет
приемля,
Шар не просто движется земной...
К солнцу поворачивают землю
Наши руки летом и весной.

РЯБИНА

Лучами ранними пригрета,
Стоит рябина у окна.
Она взяла
Весь жар у лета
И раскалилась докрасна.

Шумит рябина, пламенея,
Среди берез в моем краю.
И утром солнечным
Под нею
Я, как под знаменем,
Стою.

* * *

Чтоб звоном звать
Людей из каждой хаты
В поля, в поля
и летом и весной,
В моем селе
Подвешен был когда-то
Тяжелый брус
Под старою сосной.

Своим железным гулом
На рассвете
Он на работу
поднимал народ...
Теперь над ним
Свисают глухо ветви,
И он молчит,
Молчит который год.

А над селом
Рассвет сияет алый,
На ветке заливается скворец...
Идет в поля народ —
Не по сигналу,
А по веленью
Собственных сердец.

У СТАРОЙ ЗЕМЛЯНКИ

Сквозь чащу светлеют полянки,
Клокочет в овраге родник,
Я около старой землянки
В раздумье
К березе приник.

Валяются рядом патроны.
Накат блиндажа перегнил.
Когда-то рубеж обороны
По этой земле проходил.

Береза изранена люто,
И каска пробита насквозь...
Наверно, отсюда кому-то
Вернуться домой не пришлось.

Он,
лес прикрывая собою,
Упал у ветвистых ракит...
Туман,
словно дым
после боя,
Над темным оврагом висит.

ЯЗЫК ПРИРОДЫ

Люблю я лес родного края,
Его особый аромат...
Едва вершинами кивая,
Мне «здравствуй» елки говорят.

Косач за речкою токует,
Он шлет привет весенний мне.
Хочу я знать, о чем тоскует
Ветла со мной наедине.

О чем журчит ручей студеный,
Спеша к реке,
хочу я знать.
Шумят,
Шумят листвою клены,
Звенит земная благодать.

И я в жару и непогоду
Брожу по рощам,
Как лесник.
Перевожу язык природы
На человеческий язык.

СЕЛО МОЕ...

Построены изба к избе
Надолго,
на века...
Село мое,
Я вновь к тебе
Пришел издалека.

Давно над плугом не потел,
Не замерзал в ночном...
Уже забыл, когда и пел
С друзьями под окном.

Как много, много перемен
С тех пор произошло!
Над крышами кресты антенн
Возвысили село.

Стирают шины на шоссе
Тележный узкий след,
А рядом — лесополосе
Уже семнадцать лет.

Я узнаю не без труда
Землячку у ворот,
А надо мною провода
Линуют небосвод.

Пусть непогода,
Дождик пусть...
Былинку теребя,
Село мое,
дай нагляжусь
С пригорка на тебя!

ОКНА

Застекленные синью,
Как большие глаза,
Смотрят окна в Россию,
На поля и леса.

В каждой русской деревне
Сколько их?
Не сочтешь!
Промывал их весенний
Очистительный дождь.

Освещались лучами
Тихим солнечным днем.
Озарялись ночами
Орудийным огнем.

Засыпала их вьюга,
Забивала беда.
Раскрывались для друга,
Для врага —
никогда!

Боттичелли

Е. ФЕДОРОВА

Произведения Боттичелли полны невыразимого очарования. До нашего времени дошли многие его картины, существуют сложные, блистающие эрудицией объяснения их сюжетов, известны драматические события эпохи, в которую он жил, но сам художник возникает перед нами в каком-то загадочном поэтическом отдалении.

Боттичелли родился во Флоренции в 1445 году. Сведений о нем сохранилось немного. В основном их можно почерпнуть из деловых документов того времени и «Жизнеописания» Джорджо Вазари. Однако Вазари рассказал о мастере несколько десятилетий спустя после его смерти, когда образ художника, события его жизни померкли в памяти флорентинцев.

...1458 год. Отец Боттичелли — ремесленник Мариано ди Ванни Филипепи — сообщает в городскую налоговую книгу: «Моему сыну Сандро сейчас 13 лет; он учится читать, мальчик он болезненный». Здесь же записано о старшем брате Сандро — Джованни, биржевом маклере. Джованни носил прозвище Боттичелло, что значит «боченочек». Это же прозвище перешло к Сандро, воспитанному, по-видимому, больше старшим братом, чем отцом.

...1465—1467 годы. Сандро — ученик в мастерской Фра Филиппо Липпи. Фра Филиппо Липпи—удивительно яркая личность, монах-художник, жизнелюбец и поэт. История сохранила о нем легенды. Рассказывают, что нередко, увлекаясь красотой монахинь, он похищал их из монастырей, одна из них стала женой Филиппо Липпи и служила ему источником вдохновения, когда он писал своих очаровательных и простодушных мадонн. Излюбленный типаж Филиппо, следы его творческого влияния видны в ранних произведениях Боттичелли.

Когда учитель Боттичелли уехал из Флоренции в Сполето, молодой художник начинает посещать мастерскую Андреа Верроккио — крупнейшего скульптора и живописца того времени. В этой мастерской закладываются прочные основы реалистического искусства Возрождения, здесь много занимаются анатомией, математикой, техническим экспериментированием, рисуют натурщиков, обнаженных и одетых. Именно у Верроккио, а не у Филиппо Липпи, мастера несколько архаического, Боттичелли получил серьезные знания перспективы, конструкции человеческого тела, навыки точного рисунка. В мастерской Верроккио художник познакомился с юным Леонардо да Винчи. Только его,— Боттичелли, единственного из всех мастеров того времени, Леонардо упомянул в своем «Трактате о живописи».

В 1470 году Боттичелли открыл собственную мастерскую. Тогда же 25-летний художник получил и выполнил свой первый заказ: написал «Аллегорию силы» для Торгового суда. В этом произведении видны связи Боттичелли со школой Верроккио, но уже угадывается своеобразие живописца — его особая лиричность.

Вскоре Боттичелли начинает получать заказы от семьи Медичи. Глава ее — Лоренцо Великолепный — был флорентинским правителем. При Лоренцо Великолепном, тонком и жестоком политике, Флоренция, уже подточенная экономически, сохраняла видимость процветания. Карнавалы, триумфы, праздничные шествия... Девушки осыпали все вокруг цветами. Длинные процессии двигались по улицам с зелеными ветками в руках, и жизнь города делалась похожей на вечную весну. Сандро Боттичелли особенно тесно был связан с двоюродным братом Лоренцо Великолепного — Лоренцо ди Пьерфранческо Медичи, долгие годы покровительствовавшим мастеру. Лоренцо ди Пьерфранческо был воспитанником ученых-гуманистов. Благодаря близости с ним Боттичелли познакомился с гуманистами-неоплатониками, философами, поэтами; среди них были философ Марсилио Фичино, поэт Анджело Полициано и Кристофоро Ландино — комментатор «Божественной комедии» Данте. В этом кругу изучали античную философию и поэзию, увлекались восточной мудростью, до тонкости были знакомы с христианским учением. Из всех этих знаний гуманисты-неоплатоники стремились создать единую философскую систему, соединяющую в себе черты античности и христианства. Вероятно, Боттичелли не был активным участником этих бесед, а скорее восприимчивым слушателем. Новые философские идеи, поэтические образы и темы волновали его воображение, служили программой для его картин. Возникли прославленные произведения живописца — «Рождение Венеры», «Весна», «Паллада и Кентавр», «Венера и Марс». Они были одними из первых картин светского содержания в истории западноевропейского искусства. Благодаря общению с флорентинскими философами у Боттичелли появилась мысль проиллюстрировать «Божественную комедию» Данте. В течение долгих лет художник изучает ее. Выполненные на пергаменте рисунки Боттичелли, в которых поэма Данте переведена на язык линий, явились одним из самых замечательных истолкований «Божественной комедии» в изобразительном искусстве.

Языческие богини и нимфы в картинах Боттичелли чаруют своей утонченной и хрупкой прелестью, их лица, печальные и кроткие, напоминают лица мадонн. Их внутренняя жизнь наполнена тонкими человеческими переживаниями. Эти богини и нимфы населяют прозрачные рощи и луга, трава которых отливает золотом. Легчайший ветерок колеблет травы, развевает одежды. Мифологические сцены представлены художником как воплощение поэтической мечты, как мир прозрачной чистоты и гармонии, но гармонии зыбкой, таящей в себе подчас меланхолическую ноту. Этот мир лишен ярких красок — картины мастера написаны в блеклой цветовой гамме. Язык боттичеллевского искусства — выразительный язык линии. Линия очерчивает объемы фигур и в своем беспрерывном движении объединяет их в целостную композицию. Тонкая, подвижная, она легко вьется, собирается во взволнованные переплетения или почти тает в своей прозрачной чистоте, и ее гибкость и изменчивость совершенно выражают душевные переживания художника.

В изображении человека и природы Боттичелли опирается на наблюдения окружающей действительности, поэтически преображая их. Пропорции его фигур преувеличенно хрупки, пространство почти не имеет глубины. А деревья с очерченными золотом листьями, покрытая мелкими золотыми штрихами зелень травы лишь отдаленно напоминают реальную природу. Это опоэтизированные образы, как и в строках Полициано:

Луг колышет своим живым золотом.

Одна из лучших картин художника — «Весна». Она изображает царство богини Венеры на земле, царство любви и красоты, когда вся природа одухотворена цветущей и трепетной жизнью. По ковру луга, усыпанного цветами, невесомо движутся хрупкие, светлые фигуры. От объятий холодного Зефира убегает Флора. Весна в прозрачных одеждах, как будто бы сотканных из воздуха, цветов и травы, разбрасывает вокруг пригоршни цветов. В глубине, в тени деревьев, увешанных золотыми яблоками, стоит Венера. Она замерла, словно вслушиваясь в только ей слышную музыку. Слева от нее в мелодичном ритме танца сплелись три грации. Амур с завязанными глазами целится в них из лука, готовый поразить горящей стрелой любви одну из них. Отвернувшись от всех, стоит Меркурий, его взгляд устремлен в небо. Фигуры и группы не связаны друг с другом действием, но они объединены легкой линией, обтекающей контуры, и пронизывающим картину поэтическим настроением.

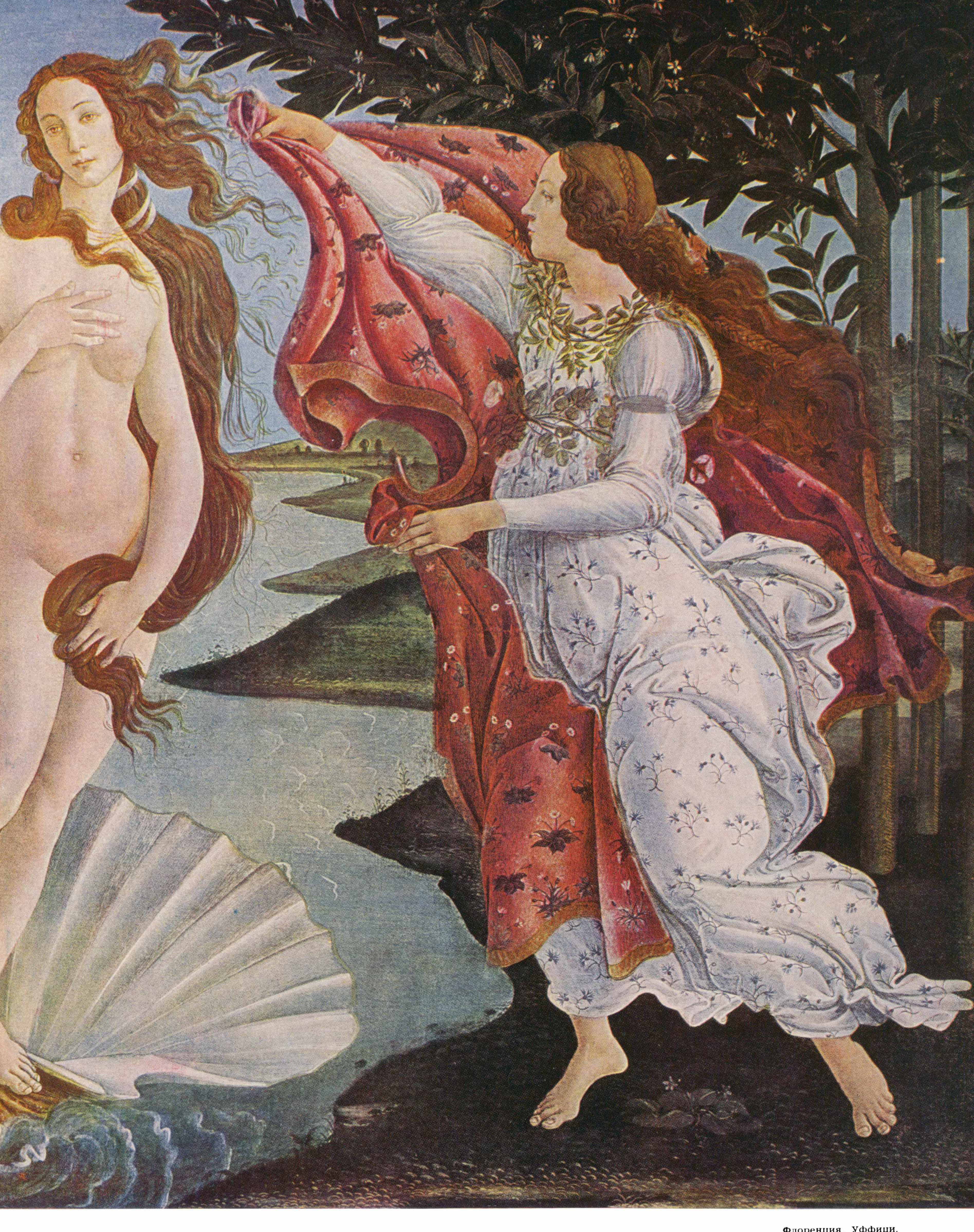
В картине «Венера и Марс» сюжет, навеянный реальными событиями и людьми, претворен в образы возвышенной поэзии. В виде прекрасных античных богов изображены Симонетта Веспуччи и Джулиано Медичи. Джулиано Медичи — брат Лоренцо Великолепного, прекрасный юноша, воспетый придворными поэтами. Анджело Полициано посвятил поэму «Стансы на турнир» турниру, устроенному Джулиано в 1475 году, и его рыцарственной любви к Симонетте Веспуччи. Симонетта приехала во Флоренцию в 1469 году и спустя семь лет умерла от чахотки. Ее красоте поклонялась вся Флоренция. Имя ее было окружено романтическим ореолом. Вечером того дня, когда похоронили Симонетту, Лоренцо Великолепный шел со своим другом, беседуя об

Сандро Боттичелли. 1444—1510. ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА.

Лувр.

Сандро Боттичелли. РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ. Около 1485 года.

Флоренция. Уффици.

Сандро Боттичелли. СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ СВ. ЗИНОВИЯ. Фрагмент.

Дрезденская галерея.

СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ СВ. ЗИНОВИЯ. После 1500 года.

утрате, постигшей весь город. В ночном небе они увидели ярко сияющую звезду, и тогда Лоренцо обратился к другу: «Разве было бы удивительно, если бы душа той прекраснейшей дамы превратилась в эту новую планету или соединилась с ней? И если так, то что же дивиться ее великолепию? Ее красота в жизни была великой радостью наших глаз, пусть же утешит нас теперь ее далекое сияние». Предание, дошедшее до нас, утверждает, что именно Симонетта была прекрасной моделью для мифологических образов и мадонн Боттичелли.

Мастер, создавший в 1470-е и 1480-е годы свои знаменитые мифологические композиции, выполняет в эти же годы и множество заказов на картины религиозного содержания: «Поклонение волхвов» (галерея Уфицци), где художник изобразил членов семьи Медичи в виде волхвов, поклоняющихся младенцу Христу, «Мадонна с гранатом», «Мадонна Магнифика», «Благовещение», «Алтарь св. Варнавы».

Боттичелли — почитаемый мастер не только в своем городе. В 1481 году в числе знаменитых художников того времени его приглашают в Рим расписывать в Ватикане — папском дворце — Сикстинскую капеллу.

К концу 80-х годов во Флоренции появляются грозные предвестия будущих событий. Сохраняется еще видимость могущества. Власть Медичи кажется незыблемой. Но в городе начинает выступать со своими проповедями доминиканский монах Джироламо Савонарола, предсказывая страшные бедствия, осуждая роскошь и разврат. Народ с волнением слушает его, потому что его проповеди выражают демократические настроения и не осознанное ощущение флорентинцами надвигающейся катастрофы. Боттичелли становится приверженцем Савонаролы, как и многие гуманисты и художники, близкие Медичи. В его искусстве намечается перелом. Прежний идеальный мир мечты утрачивает под собой почву. Грустная задумчивость его языческих богинь и мадонн сменяется подлинным драматизмом. Внутренняя жизнь его образов становится взволнованной и напряженной, а красота — подчеркнуто одухотворенной, почти аскетичной.

Если двигаться по пути исторических фактов, мы приблизимся к трагическому времени во Флоренции. В 1492 году умирает Лоренцо Медичи. Правителем города становится его сын Пьеро, который не обладал ни силой воли, ни политическим тактом своего отца. И когда через два года французский король Карл VIII вторгается в Италию, заявляя свои права на неаполитанский престол, во Флоренции вспыхивает возмущение правлением Медичи. Пиза, подвластная Флоренции, поднимает против нее мятеж. Карл VIII подходит к городу, угрожая его независимости. Чума и голод подкрадываются к Флоренции. Пьеро Медичи сдается на милость победителя, прося его поддержать медичейскую власть в городе.

Во Флоренции восстанавливается республиканский строй. Фактически главой республики становится Савонарола. В обескровленном, находившемся под угрозой потери независимости городе проповеди его вызывали глубокий отклик. О религиозных и нравственных проблемах, об общественных и политических делах города Савонарола говорил с пламенной силой красноречия, с неотразимой убедительностью, проповедуя аскетическую жизнь как идеал. Церкви были переполнены народом. По городу, еще недавно засыпанному цветами, ходили толпы людей, поющих покаянные псалмы.

Видя в искусстве средство религиозно-нравственного воспитания, Савонарола требовал изгнать из него светский дух и вернуться к идеалу духовной красоты. В городе устраивались костры, на которых сжигали «суету»: вместе с роскошными одеждами и драгоценностями горели картины, произведения итальянских гуманистов и античные рукописи. Такое не могло долго продолжаться. Экономическое положение народа оставалось тяжелым. Начало казаться, что с тех пор, как доминиканский монах стал во главе республики, несчастья города только увеличились. В 1498 году Савонарола был схвачен противниками и казнен.

Около 1500 года Боттичелли создал картины «Рождество», «Распятие», «Пьета» (оплакивание Христа), «Сцены из жизни св. Зиновия», полные экстатической напряженности и душевного смятения. В них косвенно отразились трагические события во Флоренции конца века... Среди суровой природы, в низких каменных развалинах родился Христос. Ангелы в небе приветствуют его рождение, кружась в вихре хоровода. Люди поклоняются ему или обнимаются с ангелами в исступленной радости. Мистическое видение «Рождество» наполнено драматической силой чувств. Линии и формы дисгармонирующие остры, цвет приобретает напряженную выразительность. В состоящей из четырех частей (досок) картине «Сцены из жизни св. Зиновия» события изображены как рассказ, беспокойный и сбивчивый. Человеческие фигуры в своем стремительном движении почти теряют равновесие, лица искажен утренними страданиями, линии угловаты и ломки, беспокойное чередование красочных пятен вызывает ощущение крика. Душевная напряженность достигает в этих поздних картинах художника высшего накала.

В последние годы жизни Боттичелли почти не работает. Вазари пишет, что он «бросил живопись и, не имея средств к существованию, впал в величайшее разорение», художник стал стар и немощен, ходил по городу, «опираясь на две палки, ибо выпрямиться уже не мог». В эти годы работают великие мастера Высокого Возрождения — Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль, а искусство Боттичелли кажется теперь современникам архаическим.

...1510 год. В «книге мертвых» Флоренции записано, что 17 мая Сандро Боттичелли был похоронен на кладбище в церкви Всех святых. Он умер всеми забытый.

О мастере почти не вспоминали вплоть до второй половины XIX века, когда вновь было по достоинству оценено его творчество. И с тех пор Боттичелли становится одним из самых любимых художников многих поколений. Искусство его, воплотившее в себе все очарование и сложность ранней поры итальянского Возрождения, поэтичное, глубоко человечное, продолжает нас живо волновать, подобно всем нетленным, вечным ценностям.

Фото Д. Ухтомского.

Московский, народный, великорусский

Хоть и московский, но редко бывает в столице Государственный академический русский народный оркестр имени Николая Осипова. Концерты этого прославленного коллектива с нетерпением ждут и в столицах наших республик, и в колхозных клубах, и на народных стройках. Лучшие концертные залы Европы переполняют слушатели, когда афиши возвещают о приезде оркестра, и изощренные меломаны рукоплещут балалайкам и домрам, владимирским рожкам и гуслям...

Однако сентябрь в этом году был праздничным и для москвичей: в дни своего пятидесятилетия оркестр имени Николая Осипова много играл в родном городе.

Поистине неисповедимы пути любви: тончайший музыкант, дипломированный скрипач Николай Петрович Осипов через всю жизнь пронес любовь к простенькой русской балалайке, настойчиво утверждая ее самобытное право выступать на концертной эстраде. Семилетним мальчиком Николай Осипов пришел в знаменитый оркестр Андреева, стал солистом и с тех пор уже не расставался с любимым инструментом, превращая «инструмент мастеровых» в музыкальное чудо, покоряющее слушателей широтой диапазона и выразительностью звучания.

Для Николая Осипова сочиняли музыку; лучшие дирижеры и солисты считали честью выступать в концертах с чудо-балалаечником. Но концертная деятельность не могла вместить огромного осиповского таланта: его мечты о русской народной музыке жаждали широты, массовости, подлинно народных масштабов.

Встав во главе Государственного оркестра народных инструментов СССР, Николай Осипов будто вдохнул в музыкантов новые силы. Теперь уж для оркестра пишут М. Ипполитов-Иванов, С. Василенко, Н. Будашкин, А. Новиков. В составе оркестра появляются пастушьи рожки, брелки, жалейки, трещотки, наполняя его музыкальную палитру новыми красками; за дирижерский пульт оркестра встали П. Куликов и В. Гнутов...

— Есть удивительная притягательная сила у русских народных инструментов, — рассказывает сегодняшний руководитель оркестра, народный артист РСФСР Виктор Дубровский. — И просто невозможно было мне, скрипачу и симфоническому дирижеру, расстаться с коллективом русского народного оркестра: я влюбился в эту музыку с первой же встречи — в Ленинграде, а затем во Франции. Больше мы уже не расставались... Сейчас в нашем репертуаре с русской народной музыкой соседствует русская и зарубежная музыкальная классика. Это Лядов и Римский-Корсаков, Шуман и Дворжак, Брамс и Стравинский, Хачатурян и Пахмутова... После юбилейных концертов в Москве мы отправляемся в Америку и Канаду. Нашу гастрольную программу всюду открывают «Богатырские ворота» Мусоргского. Вместе с оркестром будут выступать Иван Петров, Валентина Левко, Людмила Зыкина.

Н. СИЛАНТЬЕВА

С факелом Прометея

К 50-летию со дня рождения Э. Межелайтиса

«Поэзия склоняется к поискам положительного начала (как и проза). Чувства положительного лирического героя, его взгляды, мысли, философия. Положительный лирический герой... Как же создать его таким, чтобы стал он насущной необходимостью, образцом и примером для других? Как сотворить человека для человека?»

Когда писались эти строки, автор не предназначал их для печати: они были итогом раздумий, своего рода программой, записанной для себя. А творческим выполнением этой программы явилась книга стихов «Человек», вышедшая на русском языке в 1961 году. За эту книгу Эдуардас Межелайтис был удостоен Ленинской премии.

Образ главного героя цикла стихов «Человек» символически обобщен и вместе с тем исторически и социально конкретен: это советский человек, чьи «трудовые и свободные руки» отданы «заводам и пашням, лесам и садам — родимой земле без конца и предела», чье сердце — «как знамя, как стяг трудового народа», чьи мысли «звездную преодолели высь и земное победили притяженье», чьи силы «обогатили небосвод звездами кремлевских башен».

Появлению в свет этой книги предшествовал большой путь — особенно долгий, если соотнести его с возрастом поэта: из пятидесяти прожитых лет сорок Межелайтис пишет стихи. Любимым героем его первых поэтических опытов был Неман, была родная литовская земля; в середине тридцатых годов, вступив в подпольную комсомольскую организацию, поэт призывает к перестройке мира; в годы Великой Отечественной войны он воспевает подвиги советских воинов. В 1954 году выходит «Братская поэма» — гимн пролетарскому интернационализму. Материалом для поэмы послужило строительство гидроэлектростанции «Дружба народов» на границе Литвы, Латвии и Белоруссии.

Неутомимый труженик, Межелайтис особенно плодотворно работает последние восемь-девять лет. Почти одновременно и вслед за «Человеком» появляются книги «Солнце в янтаре», «Автопортрет. Авиаэскизы», «Южная панорама», «Кардиограмма», «Лирические этюды», «Хлеб и слово», «Карусель». В своих новых книгах поэт ставит самые острые, самые важные проблемы современности. Следуя за лирическим героем Межелайтиса, читатель входит в мир глубоких философских размышлений, связанных с познанием действительности и с преобразованием ее в соответствии с высокими коммунистическими идеалами, входит в мир яркий и образный, богатый темами и поэтическими ассоциациями. И попрежнему в центре внимания поэта — человек мыслящий и борющийся, человек сегодняшнего и завтрашнего дня, человек-творец «с пылающим Прометеевым факелом в руке...»

ИЗ ЦИКЛА „АРФА"

Эдуардас **МЕЖЕЛАЙТИС**

На гранитном нетесаном камне сижу...

На цветок
прилетела и села пчела трудовая.

Все, что мы из себя представляем,—
это труд.

Человек на земле разумнее всех
потому, что даны ему руки —
это знал еще Анаксагор.
Что же, руки, пора за работу,
и начнем мы с того, что мы видим,
что нас окружает.

Полевой нетесаный камень.
Тут бы лом пудовый
да лопату,
и, глядишь, разнес эту глыбу,
и во поле чистом
дом заложил,
в котором поселится огонек
и дети
при электрическом свете
устремятся на книги — как летит на огонь
мотылек.

...Гранитный нетесаный камень... Я вспоминаю... Это похоже на притчу... Давным-давно пахали отец с сыном у самого озера. Плуг зацепился за камень. Отец выкорчевал его из земли и, утирая пот со лба, присел отдышаться. «Послушай, сынок,— сказал он вдруг,— рано или поздно тебе отделяться. Вот тебе первый камень под основу — возводи свою новую жизнь. Камень большой — хватит его и для меня...» И поднялся и снова стал за плуг... Стареет озеро, подернулось оно туманом, словно око, и синий зрачок его едва еще ловит солнце. Снаряды, пули и гильзы ржавеют в земле. Их ворошат трактора. Люди возводят новую жизнь. И, как предсказал старый пахарь, стоит на берегу озера дом его сына. Гранитная глыба пошла на фундамент. Хватило и для надгробья... Камень — великое чудо природы и тайна ее...

Руки скульптора
из гранитного камня освободили
скорбящую Мать.

Камень — жизнь,
сопротивляющаяся
поэту.

Камень
неподатлив жесткому сердцу
и нежным рукам.

Камень послушен
нежному сердцу
и жестким ладоням.

Мечта камня —
служить человеку
и дарить ему чудеса.

Серый гранит —
основа для дома.
Серый гранит —
надгробье.

...Закатав рукава,
подымаю пудовый лом;
начинаю дробить гранит.

Неподатлив камень,
а солнце
прижимает меня к земле,
вскарабкавшись на спину.
Непросто дается
первый камень
для новой жизни.
Утираю пот со лба...

А когда же готовить надгробье?
Как-нибудь, между делом...

Перевел с литовского
Л. Беринский.

Матерь человеческая

Виталий ЗАКРУТКИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Придя на хутор, Мария увидела, что все четыре коровы лежат неподалеку от погреба. Сидевший возле них Дружок встретил ее, как хозяйку, ласковым повизгиванием, завертелся, завилял хвостом. Она опустила тяжелую печку на землю. Осторожно ступая, спустилась в погреб. В серой полутьме огляделась. По дыханию раненого поняла, что немец спит. Мария вздохнула, прилегла рядом, подмащивая сено так, чтобы не касаться немца. «Пускай спит,— устало подумала она.— Завтра надо будет закопать того, мертвого, который на улице лежит...»

Обессиленная, Мария уснула мгновенно. Во сне она видела покойных отца и мать. Будто они вели ее куда-то за руки, молодые, красивые, и ей было весело, а кругом шумела, пестро сверкала ярмарка: вертелись круглые карусели, играла музыка, в ларьках всеми цветами радуги переливались мониста, под стеклом манящие розовели сладкие пряники и длинные конфеты, обернутые красной бумагой с пышными махровыми концами. Маленькая девочка Мария попросила отца купить ей красную конфету, и отец, звеня медяками, выбрал на прилавке и протянул ей самую большую. Он сказал: «Бери, доченька, кушай». Мария взяла конфету и содрогнулась от ужаса: это была не конфета, а чья-то горячая, липкая, окровавленная рука...

Она застонала, всхлипнула во сне и не почувствовала, что к ее руке прижался умирающий мальчишка-немец и, захлебываясь от слез, давясь серой смертной тоской, беззвучно шептал:

— Мама... мама...

На рассвете, заметив, что Мария проснулась, немец слабо улыбнулся, вздохнул, медленно постучал по своей груди согнутым указательным пальцем и несколько раз хрипло прошептал:

— Вернер Брахт... Вернер Брахт...

Потом он сложил пальцы крестом и сделал вид, что пишет на воображаемом могильном кресте свое имя.

— Вернер Брахт,— повторил немец,— Вернер Брахт...

— Вернер, говоришь? — спросила Мария.

— Вернер Брахт,— тихо сказал раненый.

Мария печально посмотрела на бледное лицо немца, на бескровные его губы.

— Вернер, значит, тебя зовут,— сказала она задумчиво.— Эх ты, Вернер, Вернер! Разве тебе нужна была война? И думал ли ты, бедняга, что помрешь на нашем хуторе, у которого даже имени никакого нет, а было только одно название: третья бригада колхоза имени Ленина. А теперь уже и названия нету.

— Ленин? — переспросил немец.

— Ну да, Ленин,— сказала Мария.

— Ленин карашо, Гитлер плохо,— сказал немец.

— То-то хорошо,— с жестким упреком сказала Мария.— Теперь, когда смерть пришла, Ленин стал хорошим, а Гитлер — плохим? Так, что ли? Чего ж ты раньше думал? Тоже, небось, вешал и грабил людей, поджигал хутора?

Немец по голосу Марии, по ее глазам понял, что сидевшая рядом с ним женщина упрекает его в чем-то очень злом, и, отрицательно качнув головой, стал говорить, что он и его родители не хотели войны, что отца его гестаповцы дважды сажали в тюрьму и дважды зверски пытали, что его старший брат убит под Смоленском и что у брата остались трое малых детей.

Вслушиваясь в чужую, непонятную речь, Мария пыталась разобрать, о чем так горячо говорит раненый мальчишка, почему так смотрит на нее покрасневшими от слез глазами, но ничего не поняла и махнула рукой.

— Ладно! Чего теперь с тебя возьмешь? Полежи малость, подожди, а я пойду подою коров, молока тебе принесу. Может, еще и выхожу тебя, беднягу, и ты разберешь, где правда, а где неправда.

Взяв котелок, Мария вышла из погреба. Занималась заря. Коровы спокойно лежали рядом, пережевывая жвачку. Дружок выбежал из-за яблони. За ним, робко повиливая хвостом, шла белая щенная сука с тяжело опущенным животом и набухшими сосками. Мария узнала суку. Ее звали Дамкой, а принадлежала она казненной немцами Фене.

— Иди сюда, Дамка! — сказала Мария.— Иди ко мне, собачка! Жива, значит, осталась? Ну так что ж? Оставайся с нами, место тебе найдется.

Подставив котелок, она подоила коров, спустилась в погреб. Слегка приподняла голову раненого немца, сказала тихо:

— Попей молока.

Немец нехотя сделал два глотка, повторил:

— Вернер Брахт.

— Ну хорошо, я запомню твое имя,— сказала Мария.— Ты побудь тут один, а мне надо пойти напарника твоего похоронить и с конем убитым что-то сделать. Они там на улице лежат.

Вернер Брахт понял, что ей надо уйти по каким-то делам и что она вернется.

— Лежи, я приду,— сказала Мария...

Взошло солнце. На черном пепелище лишь кое-где курились редкие розовые дымки. Мертвый немец уже покрылся лиловыми пятнами, небритые щеки его вздулись, над полуоткрытым ртом кружились мухи. Мария нагнулась, обыскала карманы убитого, нашла несколько истертых по краям, сложенных вчетверо писем, изгрызенный мундштук и начатую пачку сигарет. Посмотрела на сапоги, они были целые, почти не ношенные, с широкими твердыми голенищами.

«Обувка тебе уже ни к чему,— подумала Мария,— а мне сгодится, я по вашей милости босая осталась перед самой зимой». Она попробовала стащить сапоги, но у нее ничего не получилось. Труп давно одеревенел, застыл, и ступни мертвого не разгибались. Мария вернулась «домой» — так она теперь думала о погребе,— взяла принесенный вчера острый тесак, а Вернеру Брахту отдала найденные в кармане мертвого письма.

— Читай пока,— сказала она немцу,— все ж он тебе товарищем был, да и язык германский ты понимаешь. Читай, не так нудно будет лежать...

Несмотря на то, что вокруг стояла ничем не потревоженная тишина и рядом не было ничего живого, кроме двух собак, которые легкой рысцой трусили следом за Марией, по улице она шла быстро, непрерывно оглядываясь, боясь, что кто-нибудь накинется на нее сзади, сдавит горло руками или выстрелит откуда-нибудь издалека. Липкий, томительный, тошнотворный страх одолевал Марию, и она почти забыла, что еще два-три дня тому назад сама просила у бога смерти и готова была руки на себя наложить. Но даже и в те самые страшные дни, когда на ее глазах были повешены муж и сын, и там, на кукурузном поле, умерла Саня, нерожденное, живущее в ней дитя вначале слабо, а потом все сильнее напоминало о себе, требовало жизни. Теперь, когда Мария в сожженном своем дворе обрела спрятанный от людских глаз закуток и стала работать, добывая все, что сгодится к зиме, смутный и властный зов того, кто еще не был рожден, заполнил Марию, и она стала бояться смерти.

Присев на корточки над мертвым немцем, она острием тесака распорола швы на голенищах его сапог, легко стащила их, мельком взглянула на коричневые, с дырами на пятках носки убитого, обвязала труп мягкой пережженной проволокой и, часто останавливаясь, тяжело дыша, потащила его к темневшей неподалеку воронке. У края воронки постояла, освободила труп от проволоки и подтолкнула вниз. Лежавший поперек крутого склона воронки мертвый скатился легко и на дне улегся лицом вниз.

— Негоже так тебе лежать,— сказала Мария,— ты ведь человек, и дети, должно быть, не раз по тебе заплачут...

Подумав, Мария пошла вдоль улицы, прихватила на Фенином огороде лопату, сорвала большой лист лопуха, осторожно сползла в воронку, повернула мертвого лицом вверх, накрыла лицо лопухом и стала зарывать. Земля на склонах воронки была мягкая, податливая, но Мария устала, шея ее покрылась капельками пота, обрывки платья взмокли на спине и под мышками. Зарывала она долго, старательно, как положено зарывать покойников на кладбище.

— Ну вот,— проговорила Мария, вытирая потный лоб,— спи спокойно. Теперь ни голодные собаки, ни звери тебя не достанут...

Собаки — Дружок и Дамка — лежали у края воронки, внимательно смотрели на Марию. «А собаки и вправду голодные,— подумала она,— разве их молоком насы-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38, 39.

тишь? Придется, видно, убитого коня им скормить». Она вспомнила, что во дворе взорванной фермы постоянно высилась гора слежавшейся, затвердевшей соли, которую колхозные чабаны откалывали ломами и увозили на тырла, чтобы овцы могли посолоновать. Да и сама Мария не раз брала оттуда соль для коров и телят.

Она пошла на ферму. Соль оказалась целой, только покрылась толстым слоем пепла и рыжей кирпичной пыли. Весь день Мария провозилась с убитым немецким конем. С трудом освободила его от упряжи. Неумело сняла с коня кожу. Тесаком порезала на куски еще совсем свежее мясо, вычистила двуколку, в которую был запряжен конь, и уложила в нее мясо, густо пересыпав его солью. Двуколку оттащила в тень уцелевшей стены бригадного домика, сходила на кукурузное поле, нарезала бодыльев, аккуратно прикрыла мясо, а бодылья придавила черными от сажи кирпичами.

Скелет убитого коня остался среди улицы. Дружок и Дамка, ворча и облизываясь, выбирали с костей остатки мяса.

Несколько раз Мария проведывала Вернера Брахта. Раненый немец спал, раскинув руки. Дышал он неровно, хрипло и тяжело, вздрагивал во сне. Пристально вглядываясь в его пожелтевшие ноги с темной каймой грязи, еще больше оттенявшей странную, неживую желтизну ногтей, Мария подумала: «Нет, парень, не жилец ты на белом свете».

Она посидела на камне возле погреба. Стояло нежаркое осеннее предвечерье. От речки по знакомой им тропке гуськом возвращались коровы. Наевшись конского мяса, у ног Марии дремали собаки. В чистой синеве неба кружились голуби. Они появились из-за горизонта, снизились и стали облетать черное пожарище: то приближались к земле, то испуганно взмывали вверх, не узнавая знакомых мест, где уже не было ни шиферных крыш на домиках, ни самих домиков, ни родной голубятни, на которой так сладко отдыхалось после полета в степь.

Мария узнала голубей... Их три года тому назад завел Степка, сын хромого дяди Корнея. Степка был ровесником покойной Сани, но в отличие от нее учился плохо, и дядя Корней долго не позволял ему купить голубей, но потом, когда Степкины дела в школе поправились, позволил. Степка добыл в райцентре прекрасных краснокрылых вертунов, которыми любовался весь хутор. На заре они будили хуторян звонким воркованьем, ходили, горделиво волоча по земле опущенные крылья, а когда, поднятые в воздух своим подростком-хозяином, взлетали и начинали в ясном небе головокружительные виражи, даже старики останавливались и подолгу стояли, подняв головы и одобрительно причмокивая... Две пары голубей Степка подарил Васятке.

Голуби все кружились над пожарищем, снижаясь там, где еще совсем недавно стояла их голубятня, вновь уходили от гиблого черного места и вновь возвращались, ища утраченное свое пристанище.

Вдруг старый красный голубь с белой звездочкой над коротким клювом круто снизился и, напугав Марию хлопаньем крыльев, сел ей на колени, завертелся и, надув прекрасную, отливающую перламутром шею, стал ворковать, призывая свою стаю. И вся стая опустилась у ног Марии, доверчиво окружила ее, воркуя и просительно встряхивая крыльями.

По щекам Марии потекли непрошеные слезы.

— Сиротиночки мои бедные,— ласково зашептала она,— некуда вам приклонить свои головочки, некому пожалиться на свое сиротство. И зимы вы боитесь холодной, и глубокого снега, и бескормицы, и без человека не можете жить. Ничего, потерпите. Наломаю я вам кукурузных початков, а зерен кукурузы натру на камнях, и будет вам корм на всю зиму...

С того часа голубиная стая, доверившись единственному живому человеку, ночевала на полусожженной яблоне, каждое утро окружала Марию, дожидаясь размолотых меж двух диких камней кукурузных зерен, днем улетала в степь, кормилась, пока не пошел снег, на несжатых полях яровой пшеницы, а к вечеру возвращалась к Марии. Голуби садились ей на плечи, на голову, не пугались, когда она брала их в руки и подносила к лицу, заглядывая в янтарные голубиные глаза и целуя короткие, крепкие клювики...

На другой день Мария решила вычистить заваленный трупами убитых животных хуторской колодец. Вода в речке пахла болотной тиной и для питья не годилась. Долго думая над тем, как вытащить из колодца тяжелых собак, Мария вспомнила, что одну из четырех случайно уцелевших коров, старую Зорьку, ее угнанная немцами хозяйка вдова Дарья Ивановна перед самой войной приучила к упряжи и возила на ней и солому, и хворост, и траву, которую выкашивала по кюветам колхозных дорог.

Для Зорьки пригодилась упряжь, снятая Марией с убитого немецкого коня. Пришлось немало повозиться с упряжью, она для малорослой Зорьки оказалась большой. Мария укоротила шлею и постромки, вместо валька приспособила под постромки держак от лопаты, запрягла корову и начала трудную, грязную работу. Немецкие каратели бросали в колодец все, что застрелили на хуторской улице: собак, кошек, кур. Мария полезла в колодец, каждый труп завязывала проволокой, из колодца кричала смирной корове:

— Гэ-эй, Зоренька! Давай, пошли!

Послушная Зорька, натянув постромки, двигалась потихоньку. Широко расставив босые ноги и упираясь в выступы сруба, Мария подталкивала очередной труп снизу, сваливала его на землю, развязывала и вновь лезла в колодец. Боясь, что вода заражена, Мария, управившись с трупами, вычерпала из неглубокого колодца всю воду. Вычистила песчаное дно, на котором набралось много ила и всякой дряни: давно оброненных ржавых ведер, кружек, утопленных детворой консервных коробок, бутылок. Из колодца вылезла мокрая, вся в грязи, серая от знобящего холода. Побежала к речке, сняла с себя грязные обрывки платья, быстро искупалась и решила пройти по линии покинутых советскими солдатами окопов, которые извилистой линией брустверов чернели за речкой.

Она шла голая, распустив длинные мокрые волосы, осторожно переступая босыми ногами через брошенные в окопах винтовки, патронные ящики, мотки колючей проволоки, шла, со страхом и жалостью думая о тех, кто еще совсем недавно умирал здесь, в этих поспешно отрытых людьми темных, сырых ямах. Под ногами ее белели обрывки бумаги, растоптанные письма — последние слова, присланные солдатам их семьями,— темнело маслянистое тряпье, в нишах посверкивали оставленные бойцами патроны.

На изгибе длинного окопа Мария едва не упала, споткнувшись о скатанную, затвердевшую от крови шинель. Видимо, кто-то тяжело раненный в голову лежал на ней, истекая кровью, потом его унесли, а шинель осталась. Мария стала развертывать скатку, но кровь застыла, слиплась, и жесткое, плотно скатанное сукно надо было отдирать с силой.

Шинель нужна была Марии. От ее платья ничего не осталось. Часто оглядываясь, точно за ней мог кто-то гнаться, Мария побежала к реке, положила шинель в воду, крупным песком оттерла ее от крови, с трудом отжала и пошла домой. На соседней усадьбе нашла тлеющие угли, подбросила в них сухого хвороста, бурьяна, раздула костер и стала греться, держа в руках отяжелевшую мокрую шинель.

По привычке подоила коров, накормила собак, отнесла в котелке молоко Вернеру Брахту. По всему было видно, что состояние немца ухудшилось. Он посмотрел на Марию воспаленными глазами, облизал сухие губы, парное молоко только слегка пригубил. Руки у него были влажные и горячие.

— Что мне с тобой делать? — качая головой, спросила Мария.— Как тебе помочь? Где я найду доктора, когда кругом только смерть и разорение?

Вернер Брахт молчал и слабо, страдальчески улыбался. Боясь, что он умрет ночью, в полной темноте, Мария растопила на костре немного конского жира, свернула из тряпки тонкий фитилек, засветила светильник, поставила его в углу погреба.

Трепетный огонек еле освещал изможденное мальчишеское лицо немца. Он долго смотрел на огонек немигающими глазами, потом протянул к Марии руки и сказал, как в первую минуту их встречи:

— Мама! Мама!

И Мария поняла, не могла не понять, что она — последний человек, которого обреченный на смерть немец видит в своей жизни, что в эти горькие и торжественные часы его прощания с жизнью в ней, в Марии, заключено все, что еще связывает его с людьми,— мать, отец, небо, солнце, родная немецкая земля, деревья, цветы, весь огромный и прекрасный мир, который медленно уходит из сознания умирающего. И его протянутые к ней худые, грязные руки и полный мольбы и отчаяния угасающий взгляд — Мария и это поняла — выражают надежду, что она в силах отстоять его уходящую жизнь, отогнать смерть...

И все, что пережила Мария в эти страшные дни, все потери и горе сдавили ей сердце, прорвались хриплым рыданием. Она уронила голову на руки Вернера Брахта, влажные космы ее нечесаных волос закрыли лицо умирающего, и она запричитала, будто сама прощалась с жизнью:

— Сыночек мой, Васенька! Песчиночка моя бедная! Не уходи от меня, поживи хоть немножечко... не бросай меня одну...

В лихорадочных ее мыслях уже слились воедино и казненный немцами сын, и умирающий мальчишка-немец, и Иван, и Феня, и застреленная Саня, и все смерти, которые довелось ей увидеть в короткие, полные ужаса и крови дни, и она, припадая к горячим рукам и заплаканному лицу Вернера Брахта, билась в исступленном рыдании, а он слабеющим движением рук гладил ее жесткие, натруженные руки и тихо шептал:

— Мама... мама...

Перед рассветом Вернер Брахт потерял сознание. Из его обнаженной, стянутой перевязкой груди вырывалось неровное, клокочущее дыхание, губы вздрагивали, а широко открытые, устремленные на огонек светильника глаза уже ничего не выражали — ни боли, ни страдания, только ту странную и таинственную отчужденность от всего, которая приходит к человеку вместе с последней, никому не видимой чертой, отделяющей жизнь от смерти.

Охватив руками колени, Мария неподвижно сидела у изголовья Вернера Брахта, не выпуская из рук его холодеющие руки. Заметив в щели неплотно закрытого люка, что взошло солнце, она осторожно поднялась, погасила светильник, открыла люк. Свежий прохладный ветер хлынул в погреб, шевельнул на бессильно откинутой голове умирающего белокурые волосы.

Мария поднялась по ступенькам, остановилась на последней. Торжествующий мир сиял осенней красотой: светило неярко солнце, по голубому небу, редея, лениво рассеиваясь, плыли легкие белые облака; на черном пепелище почти исчез запах дыма и гари, и уже сквозь этот исчезающий запах с полей доносились запахи влажной, обрызганной утренней росой соломы, увядших трав, первых предзимних холодов. Над головой Марии медлительно, с волнующим гортанным криком пролетела на юг стая гусей. А совсем рядом, внизу, в полутемном углу погреба, свершалось то, что могло свершиться только по злой воле жестоких людей: умирал человек, почти мальчик, по имени Вернер Брахт, умирал бесцельно, глупо, посланный на смерть в угоду свирепым правителям его страны, которых он, сын бедного крестьянина и сам крестьянин,

никогда не видел и не хотел видеть и в угоду которым, еще не живший, не знавший любви и ненависти, сейчас отдавал свою молодую жизнь...

Вернер Брахт умер перед полуднем. Мария закрыла ему глаза, пригладила ладонью растрепанные волосы, положила руку на холодеющий лоб. Всматриваясь в мальчишеское лицо, думала: «Вот и отгулял ты на земле. Видать по всему, был ты еще честным, чистым парнем, не замаранным убийствами и кровью. Скучал, как все дети, по отцу, по матери... Потому и ко мне тянулся, мамой называл. Когда вам, детям, плохо да больно становится, вы все матерей вспоминаете... А что из тебя получилось бы, если б ты не был убит, если б не умер? Бог знает! Твои же друзья да наставники быстро приучили б тебя к тому, что делают сами... И людей бы ты убивал, и девчонок вроде Сани насильничал и расстреливал, и хаты поджигал бы на чужой земле... Может, и лучше, что ты помер и остался чистым...»

Она посидела немного. Вытерла слезы, подумала о том, что жизнь берет свое, что ей надо жить, что надо вынести покойника из погреба, этой темной, угрюмой норы, уготованной ей судьбой, чтобы потом все обладить и приготовить к зиме жалкое свое жилье...

Вынести мертвого было нелегко. Она сначала подтащила его окаменевшее тело к ступенькам, с трудом поставила головой вверх и стала тихонько подталкивать к люку, надрывно дыша и шаг за шагом одолевая каждую ступеньку. А когда труп Вернера Брахта по пояс высунулся из погреба, Мария еле протиснулась сама и стала освобождать ноги умершего, застрявшие в люке. Возилась долго, и ей все казалось, что она причиняет мертвому боль. Уложила тело Брахта на обрывок брезента, найденного в немецком блиндаже, обвязала проволокой и потащила к воронке, в которой недавно закопала убитого осколком бомбы пожилого немецкого солдата. Рядом с ним она похоронила и умершего от смертельной раны Вернера Брахта...

И вновь осталась Мария одна в окружении мертвых. Потянулись один за другим тоскливые осенние дни. Дождей пока не было, но октябрьские холода уже давали себя знать. По утрам на сухих травах вокруг пепелища серебрился иней. Звонко перекликаясь, улетали на юг журавли, гуси, утки. Иногда они садились на пустынные плесы у речки, отдыхали, кормились, а когда рассветало, снимались с громким хлопаньем крыльев и летели дальше. Днем слегка пригревало солнце, иней подтаивал, а к вечеру опять тянуло холодом.

Ни одного дня Мария не оставалась без работы. Ее беспокоило добывание огня зимой. Ведь у нее не было ни спичек, ни зажигалки, и она выкопала в погребе небольшую нишу, чтобы дуновение ветра не загасило установленный там светильник — жировик, сделанный из консервной коробки и постоянно наполняемый жиром, натопленным из трупов телят. На случай, если этот вечный огонь погаснет, Мария, вспомнив, как покойный ее дед высекал огонь из кресала, держала про запас высушенную сердцевину из стеблей подсолнуха, найденный на берегу речки кремень и кусок крепкой стали — отломанный нож сенокосилки.

Каждое утро она уходила на картофельное поле, копала картофель и приносила к себе в погреб. Запасла свеклы, капусты, моркови, наломала кукурузных початков, натеребила зерна и из двух твердых камней соорудила мельницу, на которой ей удавалось ежедневно намолоть несколько стаканов муки.

Водой Мария была обеспечена. Освобожденный от трупов хуторской колодец вновь наполнился из подземного ключа чистой водой, и вода всегда стояла в погребе, налитая в большой немецкий термос. Марии долго пришлось повозиться с установкой добытой в блиндаже печки. Несколько часов орудовала она тесаком, пробивая в крыше погреба круглое отверстие для трубы, наносила из взорванной фермы кирпичей и, замесив глину, сделала для печки кирпичный подстав с боковыми стенками, чтобы ненароком не сгореть в своем одиноком логове.

Страшась людей, она резала тесаком кукурузные бодылья, перевязанные проволокой охапки относила к погребу и прикрывала ими вход в свое жилье. Вскоре над погребом выросла копна бодыльев, под которые Мария вывела печную трубу. Топила только днем, настороженно оглядывая окрестности, чтобы никто не заметил дыма из ее печки.

Приближалась зима. В один из холодных октябрьских дней Мария осмотрела взорванный немцами коровник. Почти всю неделю Мария разбирала завал кирпичей, чтобы освободить проход в уцелевшие углы коровника и укрыть от дождей и снега четырех коров. Проход получился узкий, неровный, но Мария была рада, что в зимние холода, в метельные ночи над головой у животных будет крыша, а толстые кирпичные стены защитят их от свирепых степных ветров.

Построенный перед войной коровник был рассчитан на двести голов, а теперь в темной пещере уцелевшей его части, куда, пробиваясь сквозь горы обрушенного взрывом кирпича, Мария проделала ход, могло поместиться полсотни коров.

Надо было подумать и о себе, одеться потеплее.

Марии позарез нужна была игла, чтобы из обрывков брезента, из рваных, найденных в окопах мешков сшить себе подобие платья. Холода с каждым днем приближались, а она ходила в солдатской шинели, надетой прямо на голое тело. Ветер задувал под шинель, заставлял Марию зябко ежиться, она часто убегала в погреб греться.

Иглу она сделала из куска сталистой проволоки: загнула одну сторону в виде игольного ушка, загладила ушко на камне, отточила острие. Чтобы добыть нитки, распустила оставшиеся в погребе, чисто выстиранные носки Вернера Брахта. Теперь можно было шить.

Еще два раза ходила Мария в пустые окопы за речкой и находила нужные ей вещи: то брошенную гимнастерку, то окровавленное белье, то вещевые мешки или обмотки — и все это отмывала, отстирывала в речке, сушила и уносила к себе в погреб. Из этого заношенного тряпья она сшила подобие платья. Распоров и сшив два вещевых мешка, сделала довольно большой платок. Отремонтировала голенища снятых с убитого немца сапог и стала надевать их, приспособив под портянки разорванную надвое гимнастерку. Отрезав полы длинной суконной шинели, скроила и сшила рукавицы, просторные домашние тапочки.

— Что ж, теперь можно встречать зиму, — сказала она себе. Она страшилась встречи с любым человеком, и в то же время ей в ее одиночестве хотелось, чтобы с ней был кто-нибудь из живых людей, кому можно было бы рассказать о своем горе и услышать человеческую речь. Она даже боялась, что разучится разговаривать, и потому подолгу говорила с коровами, с собаками, с голубями. Недели через три заметила, что начинает разговаривать сама с собой. Надо, допустим, сходить ей к колодцу или принести коровам корм, она говорит вслух:

— Пойдем принесем воды. Без воды нам никак нельзя, а водичка сейчас в колодце чистая, холодная...

Или:

— Коровкам надо свеклы принести и початков кукурузы прихватить. Ночи теперь стали длинные, скотинка питаться должна как положено, иначе и молочка мы не получим...

Однажды Мария стирала на речке белье и вдруг заметила, что к хуторскому пожарищу приближаются два всадника на рослых, подседланных конях. «Это они, немцы», — замерев от страха, подумала она. Мария уползла в камыши и оттуда следила за ними. «Если только заметят мой погреб, — мелькнула пугающая мысль, — пропала я, замерзну в снегах, как собака. А то еще начнут искать меня, найдут и убьют...» К счастью, обе собаки были с ней, им передался ее страх, и они молча жались к ее ногам. Коровы тоже паслись далеко в кукурузе, их с дороги нельзя было обнаружить.

Всадники медленно проехали по хуторской улице, не спешиваясь, постояли немного, повернули обратно и, объехав пожарище, поскакали в степь. Мария успела заметить, что оба они были вооружены винтовками и в седлах держались с солдатской ловкостью и прямотой. «Конечно, они, проклятые, — подумала Мария, — никто, как они, немцы. Рыскают по хуторам, чтобы добить каждого, кто остался в живых...»

Однако Мария жестоко ошиблась, но это стало известно значительно позже. И если бы она не ошиблась, не пришлось бы ей пережить все, что она пережила в долгие зимние месяцы. Оба всадника были партизанами-разведчиками, посланными по хуторам, чтобы узнать, сколько в них немцев, кого они назначили старостами, полицаями, кого из советских людей казнили и кого угнали на каторгу. Партизанский отряд располагался далеко от хутора, в густых лесах, на берегу реки, куда впадала безвестная хуторская речушка. Оба разведчика, вернувшись в отряд, доложили командиру обо всем, что видели, и, между прочим, сказали:

— Третья бригада колхоза имени Ленина уничтожена немцами. Хутор сожжен дотла, в нем не осталось ни одной хаты и ни одного живого человека, только чернеет мертвое пожарище да развалины...

В этом отряде партизанил и Афанасий Герасимович, бывший председатель колхоза имени Ленина, который хорошо знал Ивана, и Марию, и всех хуторян. Он был комиссаром отряда. Выслушав вместе с командиром двух вернувшихся разведчиков, он только вздохнул, низко наклонил голову и сказал:

— Хорошая была бригада. Жалко людей, и хутора жалко. Так, говорите, ни одной хаты и ни одного человека? Все сволочи сожгли, все порушили? Они от нас не уйдут. Придет час, мы с ними за все рассчитаемся. Сполна...

Так третья бригада колхоза имени Ленина была вычеркнута из колхозного хозяйства, а все люди, еще совсем недавно населявшие хутор, были посчитаны мертвыми. И партизаны решили больше не посещать сожженный хутор. Ведь черное, пустынное пепелище никому не было нужно.

Немцы тоже не появлялись в этих местах. Уж кто-кто, а они отлично знали, что их каратели выполняют приказы точно и аккуратно. И, если было приказано сжечь хутор, людей всех угнать в Германию, а животных уничтожить, можно не сомневаться в том, что все так и сделано. И потому на немецких картах, там, где малой точкой был обозначен хутор, после донесения командира карательной зондеркоманды малая точка — хутор — была перечеркнута жирным коричневым крестом...

Между тем на хуторе продолжалась своя, неведомая людям жизнь. Обозначена эта жизнь была неприметным дымком, который струйками просачивался сквозь кукурузные бодылья и таял в воздухе: Мария топила печку в своем подземном логове.

Жива была и вычеркнутая из жизни третья бригада колхоза имени Ленина, которую представляла единственная оставшаяся в живых женщина — колхозница по имени Мария.

Началось это так. Стоял холодный октябрьский день. Еще на рассвете прошел мелкий, нудный дождь. Потом дождь прекратился, утих сырой, знобящий ветер, но все вокруг стало темным, отяжелело, приникло к земле. Истопив печку, Мария обулась, надела шинель и вылезла из своего логова-погреба. Постояла, задумчиво глядя на речку, на поредевший лес вдали, на се-

рое, за одну ночь потерявшее привычный желтоватый оттенок кукурузное поле.

Сложив на груди руки, Мария долго и грустно смотрела на неубранное поле, вспомнила, что там, рядом с этим полем, лежат под землей тонны невыкопанного картофеля, свеклы, моркови, что никем не собранные поздние арбузы на колхозной бахче расклеваны воронами, а еще дальше, за холмом, сиротливо склонив к земле наполненные семенами головки, пропадает, осыпается большое поле несрезанных подсолнухов.

Мария тяжело вздохнула.

— Сколько людского труда прахом пошло... Сколько сил вложила бригада в эти покинутые людьми поля... Сколько ночей недосыпали трактористы, шоферы, возчики, доярки, пастухи, чабаны... Я знала всех этих людей. Всех до одного человека. Мы вместе работали, вместе трудились на одной нашей общей земле, вместе гуляли на праздниках, на свадьбах... вместе родителей на кладбище хоронили...

Так в это утро говорила себе Мария, вспоминая угнанных немцами хуторян, и гнетущее чувство какой-то вины перед своей исчезнувшей бригадой вдруг ноющей болью сдавило ей сердце.

— Ну, чего ж будем делать? — мучила себя Мария.— Ты одна из всех выжила, одна за всех и должна работать, должна выстоять.

И сама себе отвечала, томимая бессилием:

— Одна, говоришь? А ты погляди, сколько кругом неубранного добра! Разве ты выдюжишь? Разве ты уберешь все это? Ты ведь только капля в море! Глянь на одно кукурузное поле, в нем шестьдесят гектаров, а у тебя две руки и все...

— Подсолнух на землю сыплется. Жалко. Туда Иван мой весною возил на машине посевное зерно, а дядя Тимофей, отец Санечки, тракторист, и пахал это поле и засеял его. А сейчас подсолнух расклевывают птицы, и пересох он и на землю сыплется. Что ж, сидеть мне и глядеть на это горе со стороны?

— А что ты, дурочка, можешь сделать? Что у тебя, комбайн есть или грузовые машины? Подсолнуха-то не меньше чем тридцать гектаров?

— Комбайна у меня, правда, нету. Но есть немецкий тесак, очень острый. Им будет удобно срезать головки подсолнухов. А Зорьку, корову, я запрягу и буду отвозить на ней подсолнухи.

— Но куда отвозить? Или у тебя есть склады, или ты уже построила зернохранилище?

— Можно и не отвозить... складов у меня нету... можно все сложить там, на поле.

— А дожди? А снега?

— Ничего. Можно накрыть головки подсолнухов кукурузным бодыльем, хорошо, по-хозяйски накрыть, они не погниют...

— Дурочка ты, Мария! Дурочка! Глупая баба! Ну, скажем, уберешь ты пять-шесть гектаров подсолнуха. А двадцать пять гектаров картофеля? А десять гектаров свеклы? А шесть гектаров моркови? А той же кукурузы шестьдесят гектаров? Осилишь ты все это?

— Нет, не осилю. Хотя бы понемногу всего соберу, чтоб не погнило, чтобы не пошло прахом. Придут сюда люди, наши люди, из колхоза имени Ленина, Владимира Ильича... придут они и спасибо мне скажут...

— Придут, говоришь? А если не придут, никогда не придут? Если немцы уже всю Россию забрали, весь Советский Союз? Если никаких колхозов больше не будет, а будут имения немцев-помещиков?

— Тогда я и себя удушу и дите свое нерожденное...

— Вот ради дитя нерожденного ты, глупая дурочка, обязана себя поберечь, а не спину гнуть и силу терять на неубранных колхозных полях. Чего тебе еще надо? Тебя не убили, на чужбину тебя не угнали. Ты нашла эту теплую нору, печку в ней поставила, на зиму все себе наготовила: и картофеля, и свеклы, и мяса конского целую телегу, и четыре дойных коровки у тебя есть. Тебе сейчас одно надо: выстоять, пережить это горе, родить дитя и ждать. Понимаешь ты, неразумная баба? Ждать лучших времен...

— Нет... Так я не могу. Допустим, отсижусь я тут, как волчица в норе, и дитя рожу, и раздобрею на даровых колхозных харчах, и, скажем, дождусь того дня, когда придут наши. Вот придут они и спросят: как ты тут жила, передовая колхозница-доярка, жена казненного врагом колхозника-коммуниста Ивана, мать славного, погибшего вместе с отцом пионера Васятки? О себе только думала, а о людях забыла? О тех самых людях, которые вместе с тобой, с твоими отцом и матерью, с мужем твоим все поля тут вдоль и поперек исходили, сколько пота пролили на них, сколько честного своего труда вложили... А ты, Мария, только о себе, значит, думала? И куда ты совесть свою при этом девала?..

Так в это пасмурное утро стояла одинокая Мария у своего логова-погреба, так раздваивались в ней тревожащие ее голоса, и она сама, раздавленная своим горем, не знала, что ей делать одной, совсем одной на необозримых, покинутых людьми полях, и будет ли смысл в том, что она, с каждым днем слабеющая, беременная женщина, начнет убирать эти поля, и кому в этом горестном, наполненном кровью и смертью мире будут нужны жалкие плоды ее тяжкой, изнурительной работы, если нет вокруг ни одной живой души.

На окраине хутора, за взорванной фермой, спокон века было кладбище. Ничем не огороженное, оно в этот день печально темнело у подножия покатого холма. Мария пошла на кладбище. Собаки увязались за ней. Молча остановилась она у первой ближней могилы с покосившимся деревянным крестом. Старые хуторяне рассказывали, что в этой могиле, которая положила начало кладбищу, был похоронен хуторской поселенец дед Корней, прапрадед Ивана. Говорили, что убогая хата деда Корнея когда-то стояла на том самом месте, где потом построил свой домик Иван. Говорили еще, что дед Корней, крепостной мужик, бежал в эти глухие тогда места от помещика, что хотя и прожил он девяносто шесть лет, а доли своей так и не нашел и до самой смерти промаялся в бедности, еле сводил концы с концами.

Мария постояла у могилы, поплакала, тихо сказала:

— Ивана уже нет на свете, дед Корней... И Васятки моего тоже нет... И никого живого на хуторе нет... Одна я осталась... Люди говорили, что вы первым пришли сюда и от вас весь хутор пошел... Вы были первым, дедушка, а я вот последняя...

Медленно обходя могилы, Мария пошла в угол кладбища, к невысоким тополям. Под этими посаженными Иваном тополями была похоронена мать Марии. Белоствольные тополя уже обронили почти всю листву, она лежала под ногами мягким, влажным ковром. Лишь малые рыжие листья еще цепко держались на тонких ветвях, тихим, невнятным шелестом отвечая на холодное дуновение ветра. Глинистый бугорок материнской могилы показался Марии осевшим, а сложенный из четырех побеленных кирпичей крест был до половины засыпан палой листвой.

Мария опустилась на колени.

— Мама! — прошептала она.— Вы слышите меня, мама? Это я, ваша дочка... Промолвите хоть словечко, мама! Дайте совет, как мне жить на белом свете...

Рыдая, она упала, прижалась щекой к влажному, холодноватому могильному бугорку.

— Что ж вы молчите, мама? — исступленно шептала она.— Не молчите! Скажите, для чего вы породили меня! Вы хотели, чтоб ваша дочка была счастливой... Вы голубили меня, ласкали... Вы учили меня уму-разуму, завещали, чтоб я была совестливой, чтоб любила людей и землю, чтоб была хорошей женой и матерью... Так все и было, мама! Было, да пропало... И нет у меня, родная моя мамочка, ни любимого мужа, ни сыночка любимого, ни счастья, ни доли, и не знаю я, куда приклонить бедную свою головушку...

Безмолвным было убогое хуторское кладбище. Темные, свинцового оттенка тучи низко неслись над безлюдной землей. Тихо и грустно шелестели рыжие листья на тополях. Поникли, прижались к земле отяжелевшие увядшие травы. Лишь кое-где на могильных холмах, словно последнее напоминание о пропавших людях, печально и жалостно зеленели тронутые предзимней красотой низкие, жестковатые стебли ползучего барвинка.

Мария поднялась с колен, осмотрелась. Вспомнила, как ежегодно, соблюдая обычаи прадедов, хуторяне отмечали на кладбище радуницу — день поминования усопших, как в предвечерье, придя с работы, умывались, надевали праздничную одежду, укладывали в корзинки загодя испеченные пироги, соль, яички, бутылки с вином и водкой и всем хутором шли к родительским могилам, чтоб помянуть умерших добрым словом, выпить за упокой их и словно бы посидеть с ними, жившими в воспоминаниях, побеседовать о разных житейских делах.

Кладбище в день радуницы всегда было чистым, вокруг родных могил хуторяне высаживали неприхотливые остролистые кочетки и веселый барвинок, тропки между могилами обсыпали белым речным песком, чинили кресты, подбеливали надгробия, красили оградки, у кого они были. И все кладбище в день поминовения было заполнено хуторянами: степенные, чисто выбритые мужики расстилали на земле домотканые рядна, женщины в разноцветных платках и платьях устанавливали на рядных граненые рюмки, бутылки, раскладывали разную снедь, все усаживались вокруг, и начиналось поминовение. Не забывали никого из усопших, поминали и тех, кто давно помер, старых и малых, и тех, кого похоронили совсем недавно. Поначалу поминали близких, потом дальних, потом сватов, кумовьев, крестных, просто друзей-земляков. Помаленьку хмелели, вытирали платочками слезы, кто-то заводил песню. Но песни пели печальные, протяжные, те самые, какие при жизни певали отцы и деды: про злую разлуку, про бедную долю, про работу в полюшке-поле. Пели, и всем казалось, что в эти, с детских дней знакомые песни тихо, незаметно вплетаются позабытые голоса умерших, что, захмелев от вина и воспоминаний, поют все, и живые и мертвые. И это было хорошо, потому что радуница как бы объединяла людские поколения, делала людей добрее и лучше...

Но в этот хмурый день поздней осени на хуторском кладбище не было ни одной живой души, кроме Марии. И она, сопровождаемая притихшими собаками, медленно обошла все могилы, помянула каждого, кого знала и кого не знала. Не знала она самых старых, тех, кто умер, когда ее еще на свете не было или была она совсем малой девчушкой-несмышленышем. А все, кто умер за последние двадцать пять лет, были известны Марии, и она стояла над их могилами, и их жизнью в одиночестве проверяла свою жизнь и свою совесть, словно примеривала: кто бы из них как поступил и что делал бы, оставшись совсем один, так же, как осталась сейчас она.

«В этой могиле похоронен дядя Арсений,— вспомнила Мария.— Он помер, порубанный белогвардейцами Врангеля в двадцатом году, когда мне было семь лет... Тут лежит Лука Васильевич, председатель хуторского комбеда. Он призывал хуторян бороться за коммуну, за Ленина. Его кулаки привязали канатом к старому вязу и прокололи вилами. Мне в ту пору было восемь лет... На этом кресте написано имя Варвары Павловны, тетки моей. Она первой на хуторе вступила в Коммунистическую партию и умерла от сыпного тифа, когда мне шел девятый год... А весь этот ряд могил вырастал при моей памяти, и лежат в них те, кого я видела, знала, говорила с ними: трактористы, пастухи, пчеловоды, доярки, конюхи. Они трудились всю жизнь, строили наш кол-

хоз, не боялись ни голода, ни холода, и хоронили их с красным знаменем и спасибо над могилой сказали за все, что сделали они для народа...»

Острая боль пронзила сердце Марии. На кладбище, где обрели вечный покой многие хуторяне, не было могил самых близких ей людей: мужа и сына. Долго стояла Мария у кладбищенских ворот, тихо, бессвязно шептала:

— Я б цветов насадила на ваших могилках, красивых цветов... Я бы белым промытым песочком обсыпала все кругом, каждую тропочку... Я бы приходила к вам, любые мои, и себе место приготовила, чтоб никогда с вами не разлучаться... Кто ж мне может сказать, где вы схоронены и где лежите? Никто не скажет, и никогда не увижу я ваших могил...

Покидая кладбище, Мария снова остановилась у могилы деда Корнея, поклонилась покосившемуся кресту, промолвила, как будто обращалась к живому:

— Ты был первым, и они не посрамили твою память, и те, кто лежит тут с тобой, и те, кого казнили и угнали злые враги. Негоже и мне быть последней...

Запахнув шинель, Мария торопливо пошла к своему логову.

Всю ночь шел нудный, холодный дождь. Спала Мария плохо, беспокойно. Часто просыпалась, смотрела на слабый огонек поставленного в нишу светильника, думала о том, что с утра надо начать трудовую работу, конца которой не видно.

Утром она оделась потеплее, вышла из погреба, постояла. Глянула на прислоненную к яблоне вывеску, на горку черных, обгорелых гвоздей, собранных на пепелище. Подняла вывеску повыше и, взяв в руку камень, стала прибивать к толстому стволу яблони. Гвозди гнулись, крепкое дерево не поддавалось, Мария изранила левую руку, но вывеску все же прибила. Отошла на несколько шагов от яблони, вслух прочитала знакомые слова:

— Третья бригада колхоза имени Ленина...

Усмехнулась невесело и сказала самой себе:

— Ну, чего ж, бри-га-да, пора на работу...

Она вернулась в погреб, взяла тесак, кусок брезента и пошла к полю, где росли подсолнухи. Остановилась у межи. Полю не было видно конца. Мария вздохнула, расстелила брезент и начала резать. Пересохшие шляпки подсолнухов царапали пораненную камнем левую руку, но острый, как бритва, немецкий тесак срезал шляпки легко. Мария складывала их на брезент и уносила в глубину поля, чтобы ничей чужой глаз не увидел гору срезанных, готовых к обмолоту шляпок. Она шла вдоль поля, захватывая четыре ряда подсолнухов. Только к полудню стала подходить к концу поля и, когда подсолнухи поредели, увидела пчелиные ульи, большую колхозную пасеку, вывезенную сюда еще в пору цветения поздних подсолнухов.

Пчеловодом в колхозе был двоюродный брат Марии, тихий горбатенький парень Кирюша. Он до войны закончил областные пчеловодные курсы, в армию не был призван по причине своей инвалидности, о женитьбе не думал, проживая со старухой матерью в небольшом чистом домике, построенном для них колхозом. Пчел Кирюша любил до самозабвения, кочевал с ними по степи и полям. Мария иногда приезжала к нему на пасеку, лакомилась пахучим сотовым медом, часами слушала его рассказы о жизни пчел, о роении, маточниках, трутнях. Вместе с матерью и всеми хуторянами немцы угнали Кирюшу, а осиротевшие пчелы остались в поле и были обречены на медленную смерть от зимних холодов.

Мария прошла вдоль ульев, пересчитала их. Оказалось шестьдесят семей. После наступления холодов пчелы уже не летали, нигде не было слышно их ладного жужжания, лишь на прилетных досках лежали трупики пчел, которые, возвращаясь к родным ульям, обессилели, не смогли заползти в улей и замерзли.

«Надо будет накрыть ульи хоть стволами подсолнухов, а то зимой пропадет вся пасека,— подумала Мария.— В эту пору Кирюша уже увозил их на хутор и ставил в омшаник. Теперь ни Кирюши нет, ни омшаника».

Она сняла с прилетной доски застывший пчелиный трупик, положила на ладонь, сказала тихо:

— Бедняжечки вы мои! Остались без хозяина, и некому приглядеть за вами, и никому вы не нужны...

Вспомнив, как пропавший Кирюша готовил пасеку к зиме, Мария уменьшила летки во всех ульях, прислушалась, постукивая согнутым указательным пальцем по деревянным стенкам, к ровному жужжанию пчел.

— Ничего, меда вам хватит,— сказала она,— мед осенью не качали. А хаточки ваши я утеплю, укрою от мороза и снега...

Подсолнухи Мария резала до подвечерья, пока не почувствовала голод. Среди поля, укрытая от глаз людских, высилась гора нарезанных шляпок. Закинув на шею онемевшие, усталые руки, Мария посмотрела на срезанные шляпки, сказала:

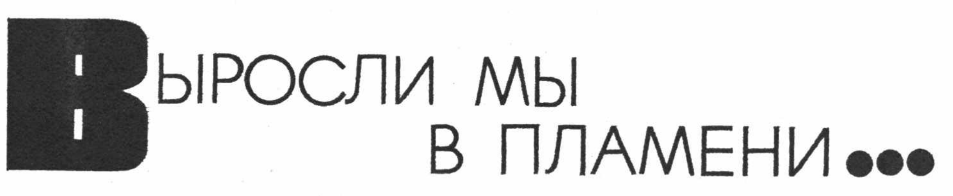
— Норму ты, голубушка, выполнила и даже перевыполнила. Но работать-то тебе надо не только за себя, а за всю бригаду. Вот, дай бог, вернутся люди, и станешь ты перед ними отчитываться: так, мол, и так, товарищи колхозники, трудилась я на совесть, делала для вас, родные мои, все, что могла... а если чего недоделала, недоглядела,— не обессудьте, значит, сил у меня не хватило...

Дома она наспех подоила вернувшихся с пастбища коров, покормила собак и голубей, нехотя выпила молока и сразу уснула. На рассвете ушла в поле и снова резала подсолнухи до темноты. Так она работала полторы недели, не чуя от усталости ни рук, ни ног. Чтобы переменить работу, выкопала на картофельном и свекольном полях две длинные, глубокие ямы и решила, что надо неделю поработать на рытье картофеля и свеклы. Самодельной иглой сшила мешок, в который собирала вырытые овощи, и, взвалив мешок на плечи, относила и укладывала картофель и свеклу в ямы...

Шли дни... На пепелище никто из людей не показывался. Да и кому было дело до сожженного хутора, который и раньше-то стоял в степной глуши, у черта на куличках? Казалось бы, живой человек не выдержит долгого одиночества жизни среди мертвых. Только человек сильный духом привыкает ко всему и борется, чтобы победить. Мария не была смелой и сильной духом. Маленькая женщина, потерявшая все и всех, по-матерински любила людей и незаметно для себя стала привыкать к тому, как жила. Она почти перестала бояться внезапного появления немцев, днем ходила не прячась, хотя и готова была при малейшей опасности мгновенно схорониться в гущине неубранной кукурузы или уползти и залечь где-нибудь у недогоревшей, черной от копоти стены.

Продолжение следует.

Г. МАКАРОВ,
Д. УХТОМСКИЙ,
специальные корреспонденты «Огонька».
Фото авторов.

ВЫРОСЛИ МЫ В ПЛАМЕНИ...

Пропыленные, застыли бронетранспортеры на сером асфальте широкого двора. После недавнего «боя» курсанты отдыхают в тени высоких деревьев. Дымки сигарет, голос транзистора, а то и семиструнной, и разговоры, разговоры... О чем? Обо всем: и о недавних бросках в жаркой степи, и о письмах из дома, и о последних событиях международной жизни. Прислушаешься к разговору солдат, и явственно ощутишь жаркое дыхание бегущих в атаку, отчетливо увидишь мелькающие в степи султанчики пыли, взметаемой пулеметными очередями у ног фигур, маячащих на склонах небольшой высотки. Сегодня эти фигуры фанерные. Здесь готовят офицеров, которые всегда, и в мирное время, находятся в боевой готовности № 1. Мы ведем репортаж из Алмаатинского высшего пограничного командного училища. Подразделение курсантов вернулось с учебных занятий. Тема: наступление мотострелкового взвода с хода.

Да, мы находимся в училище. Но когда входишь в комнату боевой славы, тебя мгновенно охватывает тревога боя, подвиги легендарных героев, которым первым пришлось драться с врагом, нарушившим спокойствие наших границ. Помните Хасан? Сопки Заозерную и Безымянную? Это там героически сражался воспитанник училища помощник начальника заставы «Подгорная» лейтенант Алексей Махалин. Это училище воспитало волжского богатыря, дважды Героя Советского Союза Виктора Голубева, бесстрашно сражавшегося в небе Сталинграда. И еще один питомец училища, имя которого здесь знают все курсанты. За семь суток под его командованием было отбито 40 фашистских атак. Вызвав огонь на себя, воины отстояли занятый рубеж. Он и сейчас на боевом посту, Герой Советского Союза генерал Матвей Меркулов, один из двадцати героев, воспитанников училища. Недавно их семья пополнилась: защитник острова Даманского Герой Советского Союза Виталий Бубенин, потомственный пограничник, тоже учился здесь.

...Через широкие окна просторного, светлого здания виден плац—там идет отработка строевых приемов. Красивы, четки движения крепких парней с автоматами.

По сторонам длинного коридора — классы, лаборатории, у входа в один из классов толпится небольшая группа курсантов. Кто-то прижался ухом к двери, а кто-то пытается заглянуть в замочную скважину. Идут экзамены. Училище как училище. Пройдем дальше по коридору. Три стенных газеты на иностранных языках. Специальный класс, где все — и совершенная техника и оригинальное оборудование — помогает изучению иностранных языков.

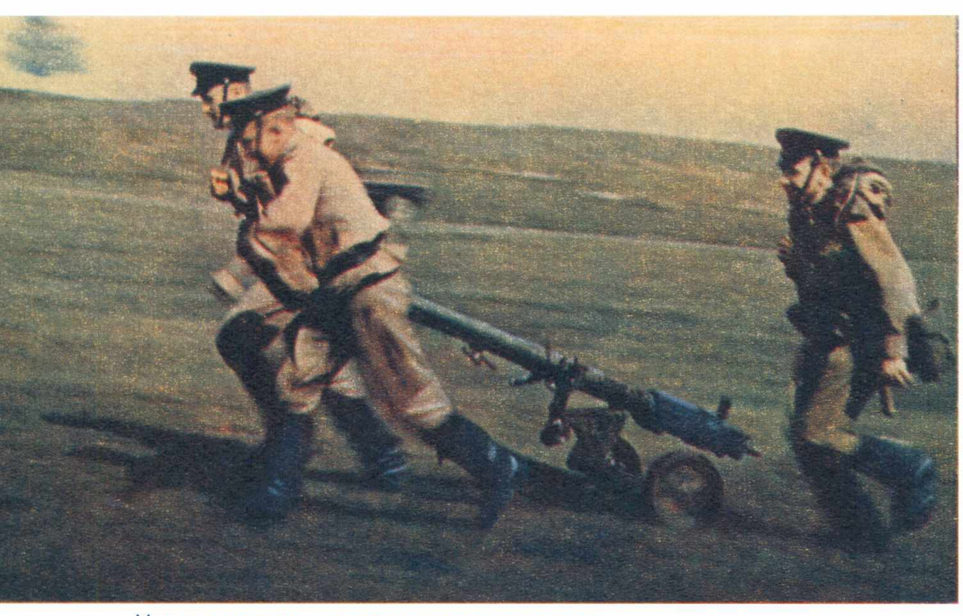
На двери — табличка: «Класс артиллерии и ракетных войск». Здесь нет глобальных многоступенчатых ракет, но есть красочные чертежи, рассказывающие об их устройстве.

Классов, лабораторий тут много, всех не перечислишь. Но один из них нельзя обойти — класс службы пограничных войск. Тут все, что учит трудной службе на границе...

...Многие дети и внуки пограничников идут по нелегкому, но славному пути отцов. Не всегда это делается с благословения матерей, но и сейчас вот в училище можно услышать фамилии офицера Турусикова и курсанта Турусикова, «старого» Дремина и молодого, курсанта Загурского и офицера Загурского. А Шейкиных в училище трое.

Мы уже сфотографировали такую группу представителей двух поколений, когда к нам подошел ветеран училища Леонид Сергеевич Носов. Его сын Анатолий — курсант-отличник, а дед — Сергей — шестьдесят лет назад тоже стоял на страже рубежей своей страны. С тех пор династия Носовых верно несет службу на границе. Дочь Фаина замужем за пограничником. Три года назад у нее родился сын, и в честь прадеда назвали его Сергеем.

С Михаилом Шаталовым, сыном офицера училища Владимира Михайловича Шаталова, мы встретились в день его 20-летия. Михаил—отличник учебы, скромный, подтянутый и очень выдержанный. Вероятно, лишь раз изменило ему самообладание — когда узнал, что его место в казарме раньше принадлежало Виталию Бубенину. Узнав об этом, Михаил залился густым румянцем и воскликнул: «Не может быть. Вот это здорово!»

Маневр и огонь — главные качества расчета.

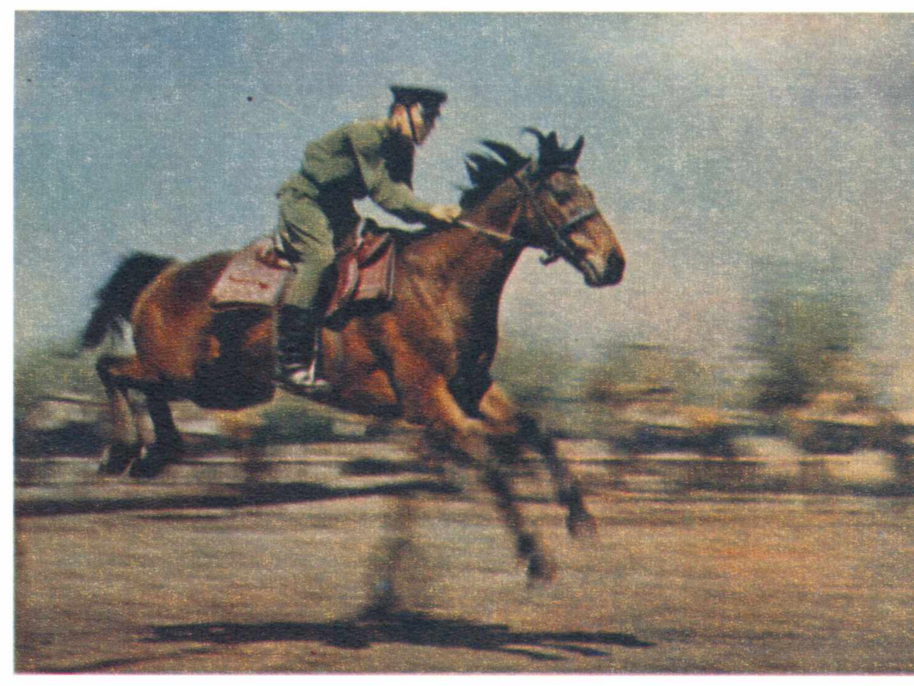

В классе топографии идет дешифровка аэрофотоснимков.

Старший преподаватель тактики подполковник М. Калинин.

Конная подготовка.

Вечер. «Бой» в разгаре.

В классе службы.

Самбо.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото А. Награльяна.

5 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ УЧИТЕЛЯ

Урок истории

— Вы знаете, какая Валентина Михайловна? — Валя Жаринова посмотрела на меня своими большими темными глазами, помолчала, подбирая слова.— Я мечтаю быть хоть немного похожей на нее. Да что я? Пожилые преподаватели ставят ее себе в пример, считают своим идеалом.

Вале Жариновой двадцать один. Она старшая пионервожатая и студентка вечернего отделения Института имени Крупской. Когда ей было всего два года, Валентина Михайловна Сидорова получила диплом учителя истории и направление вот в эту самую школу № 2 в Мытищах, в которой она и по сей день. Учились в ней тогда одни девочки. И это было лучше для молодой преподавательницы, чем сразу попасть к буйным мальчишкам. Хотя и девчонки встречаются порой ой-ой какие! Вон как та Акимова, которую помнят до сих пор. Дика была, как газель, и упряма. Все играла в молчанку. Вызовут ее отвечать, она поднимется из-за парты и стоит как изваяние, рта не раскроет. Постоит-постоит, сядет. Тем ее «ответ» и кончался. Учителя теряли всякое терпение и выдержку. После очередного урока вбегал кто-нибудь в учительскую, швырял на стол журнал: «Или Акимова, или я!» А физик потребовал: «Ничего не хочет делать на лабораторных занятиях, пусть вовсе не приходит. Я ее не допущу к экзаменам».

И вдруг Акимова заговорила. И не где-нибудь, а в кабинете завуча. Тогда ею была Евдокия Николаевна Нестерова, нынешний директор школы.

— Что это ваши учителя так неправильно отметки ставят? — взорвалась Акимова.

— Очередная двойка? — поинтересовалась Евдокия Николаевна.— Зайди попозже, разберемся.

— Да нет же, пятерка. Я ни слова не сказала, а историчка (это, значит, Валентина Михайловна) мне пятерку закатила. Я не верила ребятам, пока сама не увидела. Что же это такое?

Строптивая Акимова была обескуражена и, сама того не заметив, забыла про свое «принципиальное» упрямство, так она разволновалась.

Но еще больше волновалась Валентина Михайловна. Конечно, это был риск, нарушение общепринятых правил, и строгие поборники педагогической науки могут возмутиться. Валентина Михайловна поступила так, как подсказало ей шестое чувство, которое даруется далеко не каждому учителю,— интуиция. Даже учителю приходится иногда рисковать.

— Это такая учительница! Такой человек!..— Валя Жаринова умолкла, видимо, не найдя подходящих слов, потом вздохнула: — А у меня ничего не получается. Иногда мне разрешают провести урок, если учитель заболеет. Хочу, чтобы все было, как у Валентины Михайловны. Хожу к ней на уроки, слушаю, смотрю. Все кажется у нее просто и легко. А повторить ее не могу. Наверно, так же нельзя повторить большого художника. Вы были у нее на уроке?..

Да, я была. В девятых и десятых классах. Нет, они не похожи ни на какие другие, на которых мне когда-либо приходилось присутствовать. Обычно учитель заходит в класс, раскрывает журнал, дежурный докладывает, кто есть, кого нет. Потом урок распадается на две части: опрос и объяснение, или, наоборот,— сначала новое, потом опрос.

У Валентины Михайловны ничего этого нет. Я даже как-то не заметила, был ли с ней классный журнал и раскрывала ли она его. Он, конечно, был, так положено, но она им не пользовалась. Кстати, все эти формальные процедуры — кто был, кто не был на уроке — и оценки она, конечно, записывает, заносит в журнал, но уже потом, на перемене, после урока. А сам урок...

Вряд ли его можно назвать уроком в общепринятом понимании. Скорее всего это разговор. Рассказ во многих лицах, с участием всего класса. И главное действующее лицо в нем — сама учительница. Она, как ведущий в пьесе, бросает мысль, заставляет работать и думать всех и дает комментарии.

Тема урока была сложная — канун второй мировой войны, ее начало. Сложная потому, что семнадцатилетнему человеку надо разобраться в клубке противоречий. разъедавших капиталистический мир, вникнуть в эпоху, которая для него уже далекая история. Мы, люди среднего поколения, знаем, скажем, о войне 1914 года по документам и рассказам. Отец Валентины Михайловны участвовал в первой империалистической. Сам Керенский собственной персоной приезжал в отцовский полк уговаривать солдат, чтобы те не переходили на сторону большевиков. Но только было уже поздно! Солдаты поняли что к чему. Михаил Гудков стал красным кавалеристом, всю гражданскую с коня не слезал. Потом в родной Новоселовке, под Каширой, помогал организовывать колхоз, стал одним из первых его председателей и воспитал детей такими, что пятеро из семи — коммунисты. Вроде бы фамильная партячейка.

А через двадцать лет после гражданской мать собирала на фронт своих сыновей, старших Валиных братьев, сначала Ваню, потом Вовку, Владимира. Валентина Михайловна никогда не забудет воздушной тревоги и бомбежки. Никогда не изгладится из памяти тот день, когда она, шестнадцатилетняя девчонка, под вой сирен бежала из Новоселок в Каширу получать паспорт. А что они, сидящие перед ней мальчишки и девчонки, знают про сорок первый год?

К карте подходит тоненькая девушка Таня Ханкина.

— Наша партия, наше правительство предвидели военную угрозу, нависшую над страной, укрепляли ее оборону, ее мощь и экономику.—Таня показывает указкой города Урала и Сибири, которые создавали заводы-дублеры, говорит о «Законе о всеобщей воинской обязанности», принятом в сентябре 1939 года, о восьмичасовом рабочем дне, о школах ФЗО...

— Ребята, у кого из вас родители воевали? — неожиданно спрашивает учительница.

В классе поднимается лес рук. Девятнадцать из двадцати семи. В школьном зале выбиты фамилии двенадцати воспитанников школы, которые не вернулись. В пятом классе преподает ботанику человек с одной рукой. Он горел в танке. Он тоже воспитанник этой школы. Нет, самая кровопролитная и истребительная за всю человеческую цивилизацию война для этих ребят не просто история! Они ее знают не только по учебникам. Знают и имеют свое собственное о ней представление. Они уже граждане в свои семнадцать лет, со своим мировоззрением. Оно формировалось и под влиянием взволнованных бесед с учительницей и на ее уроках.

Валентине Михайловне удается расшевелить самых инертных учеников, которые год тому назад казались совершенно безнадежными. Таким, например, был тот самый Леша, который сейчас так активен. Вот он поднял руку, хочет ответить, каково стратегическое значение Балканского полуострова.

Впрочем, о Леше стоит рассказать подробнее. Судьба Леши освещает еще одну грань характера Валентины Михайловны — ее дар воспитателя. Без него историк не будет учителем, а только историком.

В прошлом году, до того как Сидорову избрали депутатом Московского областного Совета, у нее был класс девятый «Б». Она его получила не худшим, но не из лучших в школе. Тянула вниз девятый «Б» группа мальчишек. Они отлынивали от занятий и вообще задумали бросить школу. Дело дошло до того, что и родители смирились с этой мыслью. Оставалось получить только разрешение в гороно. И тут за ребят взялась Валентина Михайловна. За Лешу прежде всего. Он был самым, пожалуй, тяжелым в этой группе. Мальчик, физически некрепкий, чтоб хоть чем-то завоевать авторитет у сверстников, паясничал перед ними, старался «хохмить», но остроты его были какими-то жалкими и плоскими.

Много раз разговаривала с ним Валентина Михайловна. Однажды произошел такой диалог:

— Скажи, пожалуйста, ну для чего ты так куражишься перед ребятами?

— Я делаю это нарочно, чтобы посмешить.

— Нет у тебя к этому таланта, не получается у тебя весело.

Леша молчал.

— Они же не над твоими «номерами» смеются, а над тобой, понимаешь ты это? Зачем же ты так унижаешься? Ты ведь нисколько не хуже их, и способностей у тебя не меньше.

Плечи у мальчика вдруг мелко задрожали.

— Успокойся, не надо. Брось ты это лучше. Давай вместе подумаем, как тебе подогнать упущенное. Я поговорю в классе, чтоб с тобой занимались после уроков.

— Нет-нет, я буду сам!— запротестовал Леша.

— А как мама? Когда она приходит с работы?

— Вы хотите прийти к нам? — насторожился он.

Валентина Михайловна не один раз бывала у Леши дома. И у других мальчишек тоже — у Бори Белова, у Валеры Симченко. Полгода шла за них борьба. Остались в школе. Выровнялись, перешли в десятый.

Сидит теперь Леша на самой первой парте, перед учительской кафедрой и не сводит глаз с Валентины Михайловны.

— Балканский полуостров? Это выход к Черному морю. Это Крым, Украина, Кавказ. Вот зачем он понадобился Гитлеру.

— Садись, Леша... Итак, к следующему уроку по учебнику параграф двадцатый...

В коридоре меня поймала Валя Жаринова.

— Ну как? Какое у вас впечатление?

— На какой факультет поступили вы, Валя? — спросила я ее вместо ответа.

— На исторический.

О ПОВЕСТИ В. БЫКО

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Уважаемые товарищи!

Глубокая обида за мужественных, смелых и преданных Родине людей — моих боевых друзей-партизан, за живых и погибших в боях смертью храбрых, за все истинно народное партизанское движение, организованное и возглавленное партией в годы Великой Отечественной войны, заставила меня обратиться к вам с письмом. Обиду эту я испытал, прочитав повесть Василя Быкова «Круглянский мост», напечатанную в № 3 журнала «Новый мир» за нынешний год.

Я мог бы назвать немало документальных и художественных произведений, авторы которых, не будучи в прошлом подпольщиками и партизанами, поведали читателям о нашей лесной жизни и боевой деятельности столь правдиво и выразительно, с такими точными подробностями, что невольно хотелось спросить: «А в каком отряде вы сами воевали?»

Этого вопроса Василю Быкову никак не задашь: от «Круглянского моста» за версту тянет дремучим незнанием и непониманием партизанской действительности.

Я не буду останавливать ваше внимание на мелких погрешностях и неточных деталях, щедро рассыпанных по страницам повести, хотя и они лишний раз убеждают: автор не дал себе труда по-настоящему вникнуть в предмет, о котором взялся писать. Остановлюсь лишь на главном.

Начнем, как говорится, с начала, с того момента, когда, судя по повести, опытный, бывалый командир и подрывник Маслаков подбирает себе диверсионную группу, чтобы отправиться на серьезную и опасную боевую операцию — взрывать Круглянский мост.

Василь Быков не указывает времени, в которое происходит действие его повести. Однако по косвенным признакам нетрудно догадаться, что речь в ней идет о весне сорок третьего года, то есть о том периоде, когда партизанское движение приобрело характер всенародной войны в тылу врага, а отряды и соединения накопили немалый опыт ведения боевых операций.

К этому времени структура партизанских формирований приобрела ярко выраженную специализацию, как и полагается в любой воинской единице, какими, они, по существу, являлись. В бригадах и соединениях появились подразделения артиллеристов, пулеметчиков, разведчиков, подрывников-диверсантов. И каждый из них, к сведению Василя Быкова, занимался своим делом: артиллеристы стреляли из пушек, пулеметчики — из пулеметов, разведчики ходили в разведку, подрывники — на диверсии. Подразделения эти состояли из бывалых партизан, отлично освоивших все тонкости своей партизанской профессии, сжившихся, объединенных крепкой дружбой, готовых на любое самопожертвование ради товарища. Я помню, как снаряжались наши диверсионные группы на боевые операции. Каждый из отощающихся старался отдать все, что имел, чтобы друг, не дай бог, не испытал неудобства в походе. Не жалели ни пищи, ни одежды, ни сапог, ни оружия, ни патронов, в которых мы, случалось, испытывали острую нехватку. Без взаимной поддержки и выручки, без дружбы и товарищества всякая диверсионная операция обречена на провал. Командир группы должен быть уверен в своих подчиненных. Подчиненные — в своем командире.

Эту первейшую партизанскую заповедь Василь Быков нарушает с первых же строк повести. Его командир Маслаков формирует свою группу, собирая ее с бору да с сосенки. Данила Шпак «из взвода Метелкина», проштрафившийся командир роты Бритвин, Степка Толкач из хозяйственного подразделения. Правда, как утверждает В. Быков, у Степки есть опыт подрывника. Он уже принимал участие в диверсионных походах и даже вместе с Маслаковым совершил удачный взрыв вражеского эшелона под Фариновом. Но в таком случае непонятно, почему человек, обладающий столь дефицитной партизанской профессией, оказался вдруг в хозяйственном подразделении. Ведь подрывников у нас постоянно не хватало, нам приходилось даже организовывать специальные курсы для их подготовки.

Не объяснишь перевод Степки Толкача в хозяйственники и возрастом. Среди партизан было немало очень молодых людей, попросту говоря, мальчишек и девчонок. Нашим знаменитым подрывникам Михаилу Глазку, Владимиру Казначееву и погибшему смертью героя Василию Коробке не было и шестнадцати, когда они пустили под откос первые вражеские эшелоны. Все трое за диверсионную деятельность отмечены высшими наградами Родины — орденами Ленина. И, конечно, никому и в голову не приходило по малости лет или из-за мальчишеской несдержанности, ершистости и запальчивости, свойственных возрасту, переводить в хозчасть этих прекрасных парней и смелых подрывников.

Но вернемся к диверсионной группе Маслакова. Еще до выхода ее на задание читателю становится ясно, что и Бритвин и Данила Шпак — отпетые негодяи, карьеристы и выжиги. Словом, люди, совершенно непригодные для такой серьезной операции, как уничтожение моста. И тот и другой — типичные выродки, представляющие собой явление крайне редкое в партизанских рядах. Ведь в партизаны люди шли сугубо добровольно, по велению сердца и совести, партийного, комсомольского, гражданского долга. Уже одно это служило надежным фильтром, сохраняющим чистоту партизанских рядов. Попасть в партизаны в сорок первом и в сорок втором году, то есть именно в то время, когда ими стали Бритвин и Шпак, было непросто. Сначала требовалось решить нелегкую задачу: отыскать отряд или по крайней мере путь к нему, что удавалось лишь очень настойчивым и целеустремленным людям. Прежде чем зачислить в отряды, мы тщательно проверяли каждого добровольца по всем статьям и прежде всего по его моральным и политическим качествам. Кроме того, о каждом из них, о всех особенностях поведения нам сообщали подпольщики через наших связных. Ежели после всего этого в отряд все-таки и проскальзывал неважный, мелкий человечишка, он сразу же, в течение нескольких недель, раскрывался до донышка и становился приметен, как белая ворона. Под давлением обстоятельств он волей-неволей или изменял свое поведение, или покидал отряд. И уж, конечно, такой человечишка никогда не достиг бы столь высокого партизанского ранга, как командир роты, которым был Бритвин до своего падения, по так и не объясненным В. Быковым причинам.

Старый партизан, не новичок в бригаде, Маслаков не мог не знать, каковы Шпак и Бритвин. А если знал, почему же он без колебаний зачисляет их в свою группу, насчитывающую вместе с ним всего четырех человек? Судите сами, что это за группа. Двое — Шпак и Бритвин — заведомые прохвосты. Один — Степка Толкач — снискал себе дурную, увы, тоже никак не объясненную в повести славу разгильдяя. Да еще подвергается всяческой дискриминации со стороны товарищей, которые только и делают, что дают Степке разные обидные прозвища.

Да и сам Маслаков — годится ли он в командиры? Судя по повести, он не в состоянии выполнить самых элементарных командирских обязанностей: установить, например, порядок очередности переноски канистры с бензином. Никто из подчиненных, кроме Толкача — и тот лишь из чувства благодарности за то, что взял его из опостылевшей хозчасти,— не желает выполнять его приказания. Он не умеет организовать разведку и наблюдение за объектом, который предстоит уничтожить. Не может составить плана операции, наконец, фактически оставив полгруппы на произвол судьбы, бросается сам на Круглянский мост очертя голову и в результате гибнет.

Сложную боевую операцию — уничтожение моста — Маслаков рассматривает как эдакую небольшую прогулку. Между тем, судя по описаниям В. Быкова, даже Круглянский деревянный мост, который, как это явствует из повести, был хоть и не мал, но не представлял особого военного значения, требовал к себе куда более зрелого отношения, чем то, которое проявил Маслаков. Прежде всего следовало отрядить для этой цели значительно большую единицу, состоявшую из двух частей — группы захвата моста и диверсионной группы, задача которой — поджечь его. За мостом следовало бы основательно понаблюдать, по меньшей мере сутки, ведь рядом вражеский гарнизон, в Круглянах, из которых мост виден как на ладони. Надо было дополнительно убедиться, есть ли охрана. И если она есть, установить ее численность, вооружение, расположение огневых точек, время смены часовых... И лишь после этого приступить к операции, предварительно точно определив задачу каждого партизана, выбрав направление атаки, пути отхода, выделив прикрытие и установив сигналы. Ни единого из этих канонических партизанских правил Маслаков не выполнил.

Не лучшим командиром оказался и Бритвин, хоть он и кадровый старший лейтенант Советской Армии. Трусливый, жестокий и подозрительный человек, он тем не менее отпускает сына полицейского Митю в село за молоком, ставя под угрозу тем самым и тайну предстоящего взрыва моста и собственную жизнь. Даже не выставив охраны, день и ночь палит огромные костры, несмотря на близость врага, и делает множество других промахов, непростительных для старого партизана, не говоря уж о командире.

Нет, таких командиров, как Маслаков и Бритвин, нам что-то не встречалось на партизанской тропе. Наши командиры, начиная с отделенных, подбирались из людей смелых, решительных, хороших организаторов, пользующихся непререкаемым авторитетом среди партизан и населения. Все эти качества проявлялись в партизанских условиях очень быстро, и потому ошибки в выборе были довольно редки. Мы, партийные руководители, оставленные партией для организации борьбы в тылу врага, убедились, что кадровые офицеры, сержанты и старшины Советской Армии, по тем или иным причинам оказавшиеся по ту сторону фронта, вполне подходят для руководства партизанскими подразделениями и частями в сложных условиях вражеского тыла. Именно из них сформировался надежный, преданный, грамотный в военном отношении командирский костяк партизан.

Можно было бы привести еще немало примеров нелепостей, нагроможденных в повести В. Быкова, но думаю, что сказанного достаточно, чтобы понять, насколько уродливо автор исказил партизанскую действительность. Для чего?

А. Ф. ФЕДОРОВ,
дважды Герой Советского Союза, бывший секретарь Черниговского и Волынского обкомов партии, командир партизанского соединения

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Мы, люди, прошедшие Великую Отечественную войну в составе различных партизанских соединений, прочитав повесть белорусского прозаика В. Быкова «Круглянский мост» (см. «Новый мир» № 3 за 1969 г.), были удивлены и возмущены: зачем автору понадобилось так извращать и оглуплять святое дело — самоотверженную борьбу советского народа против немецко-фашистских захватчиков?

Мы не знаем, был ли В. Быков партизаном. Но, судя по повести «Круглянский мост», автор очень плохо знаком со спецификой партизанской борьбы. И это незнание жизненного материала оборачивается прежде всего против самого художника. Повесть написана уныло, серо, читается без всякого увлечения. И только тревога, вызванная крайне неверным идеологическим прицелом автора, заставила нас, партизан Великой Отечественной войны, прочитать «Круглянский мост» внимательно.

В повести Быкова мы видим произвольный выбор фактов, а зачастую и подмену правды жизни каким-то неоправданным вымыслом.

Писатель, казалось, должен знать (даже в том случае, если он сам не партизанил) обще-

ВА «КРУГЛЯНСКИЙ МОСТ»

известное утверждение Маркса, рожденное историческим опытом народов: что на такое ответственное дело, как борьба за свою свободу и независимость, люди идут только сознательно и только добровольно. История всех народных и национально-освободительных войн — начиная с восстания рабов под предводительством Спартака и вплоть до таких близких нам событий, как Великая Октябрьская социалистическая революция и Великая Отечественная война против фашистской Германии, а также героическая освободительная борьба в колониальных странах сегодня,— показала, что руководили и руководят этими освободительными войнами самые честные, смелые и талантливые представители народа.

Казалось бы, автору повести «Круглянский мост» (как советскому писателю и просто как образованному человеку) должны быть понятны социально-исторические корни народных войн. Тем не менее он пытается представить нам партизанскую борьбу в искаженном виде: изображает партизан как случайный сброд, как людей, неспособных мыслить и решать самые простые боевые задачи, действующих по воле слепого случая. У героев повести Быкова отсутствуют элементарные этические законы.

В отряде, который создан воображением Быкова, нет воинской дисциплины, нет ни малейшего порядка. В основе всего тут анархия и жестокость. И торжествуют в этой (якобы «партизанской»!) среде не человечность, не чувство товарищества и солидарность в борьбе, а стремление спрятаться за спиной товарища.

Именно такими неприглядными красками изображает В. Быков белорусских партизан Бритвина, Шпака и других. Немногим лучше их выглядит и «положительный» (с точки зрения автора) Маслаков, который, по существу, не умеет воевать сам и безответственно распоряжается другими людьми.

И все это, как мы узнаем из горьких мыслей главного героя Степки Толкача, якобы типично. До прихода его сюда, в отряд имени Чапаева, он видел то же самое в другом отряде, имени Ворошилова. Степка, если верить автору, больше страдал от несправедливости своих товарищей, чем воевал. А командовали партизанскими отрядами, как уверяет читателей автор, личности вроде Барсука, которые «в военном деле ни гу-гу».

Такая картина, по мнению автора, типична для партизанского движения Белоруссии, а согласно законам художественного обобщения и для всего партизанского движения. Не поэтому ли В. Быков присвоил своим горе-отрядам легендарные имена Чапаева и Ворошилова?

Нам все это кажется в высшей степени оскорбительным — не только для белорусского народа, но и для всех советских людей.

Если в самом деле партизанская война советских патриотов в тылу у фашистских захватчиков выглядела так, как изображает В. Быков, то невольно возникает вопрос: зачем же тогда Гитлеру понадобилось держать на оккупированной земле семьдесят шесть пехотных дивизий и два охранных корпуса?! Неужели только для борьбы с такими тупицами, которых показал нам Быков? Почему же тогда Гитлер и его генералы сами признались, что они не в силах справиться с советскими партизанами? Почему головы многих партизанских командиров были оценены оккупационным командованием в баснословную сумму? И, наконец, зачем даже сегодня, четверть века спустя после взятия рейхстага Советской Армией, реваншисты из ФРГ и генералы Пентагона так упорно изучают тактику Ковпака, Сабурова, Наумова, Федорова, Гришина, Заслонова и многих других советских партизанских полководцев?..

Все мы почти с первых и до последних дней войны сражались на оккупированной врагом земле: кто в Белоруссии и на Украине, кто под Ленинградом и на Смоленщине, а затем, выполняя свой интернациональный долг, многие из нас помогали бороться партизанам Польши, Чехословакии и других стран. Всем нам, прошедшим партизанскую «академию», довелось быть сначала рядовыми бойцами, а потом командирами. Приходилось самим ходить на диверсии, доводилось и отправлять на задания других. И уж кому-кому, а нам доподлинно известно, что к такому серьезному делу, как уничтожение военного объекта (в частности моста, охраняемого врагом), ведется тщательная подготовка. Разведываются подступы к этому объекту. Разрабатывается детальный план захвата.

На такое ответственное дело даже самый молодой и сравнительно неопытный командир пошлет не каждого, а только проверенных людей, находчивых и умелых. И вооружит он их самым лучшим оружием. А если надо, так и своего автомата не пожалеет, отдаст. И бойцы, идущие на такое задание, проявляют высокую требовательность к товарищам. Если не уверены в ком-то, скажут об этом командиру.

Такой порядок был у нас у всех, хотя воевали мы в разных отрядах.

В. Быков, всячески акцентируя случайность всего происходящего в партизанской жизни, возводит эту не управляемую никем случайность в степень абсурда. Ни с того ни с сего Маслакову взбрела в голову мысль взорвать железнодорожный мост. А зачем, для решения какой боевой задачи? Этого никто не знает, в том числе и сам автор.

Как готовится Маслаков к операции, как комплектует свою группу? Очень просто: кого первого встретит — того и зовет. Случайно сталкивается Маслаков со Степкой Толкачем из хозвзвода и предлагает Степке пойти с ним. И остальные участники этой «операции» — такие же встречные-поперечные, непроверенные люди. Это Данила Шпак, тупой, по-звериному хитрый и эгоистичный. Это Бритвин — тот, «что ротным был, пойдет вину искупать».

А как они вооружены? Только у одного Маслакова автомат. А у Данилы обрез. У остальных же (Бритвина и Степки) — старые винтовки, и те неисправные. И все это происходит у Быкова не в сорок первом году, это отнюдь не первые шаги отряда.

Участники «операции» (кроме Маслакова и Степки, кое-как знающих друг друга) — совершенно чужие люди. С первых же минут знакомства между героями возникает атмосфера недоверия, взаимная отчужденность.

А как проводится «подготовка»? Когда люди уже получили задание взорвать мост, вдруг выясняется, что взрывчатки нет. Вместо нее Маслаков принес трофейную немецкую канистру с горючим. Затем выясняется, что герои повести должны уничтожить не железнодорожный мост, а сжечь деревянный — под Круглянами... В общем, создается впечатление, что героям Быкова (а также и командованию их отряда, встающему между строк повести) все равно что взрывать, лишь бы взрывать!.. Зачем это делается, почему? Никто не знает. Какова оперативно-тактическая обстановка, сложившаяся вокруг отряда? Каковы предполагаемые замыслы противника? Нужно ли вообще взрывать Круглянский мост или целесообразней было бы его сохранить?.. Об этом, разумеется, тоже никто из героев Быкова не помышляет.

В том-то и главная особенность повести Быкова, что герои ее и не могут и не хотят думать, они неспособны совершать осмысленных поступков.

Герои Быкова не объединены никакой высокой общей целью. Они не имеют понятия, что такое долг, что такое дисциплина и вера в своего командира. Всю дорогу по пути к злополучному мосту они грызутся: никто никому не подчиняется. А пока они, ссорясь из-за того, кто понесет канистру с бензином, бредут в сторону Круглян, автор старательно расставляет на их пути новые поводы для личных столкновений. О главном, то есть о боевом задании, этим людям и подумать некогда.

Выйдя в заданный район, руководитель подрывников Маслаков действует неоправданно, глупо. Он идет на мост без разведки, без всякого плана действий, без маскировки средь бела дня. Правда, Маслакова, как объясняет автор, торопил начавшийся было дождь (мокрый деревянный мост не загорится). Но ведь подобраться к мосту можно было скрытно, используя удобные подступы — кустарник.

Роль командира Быков в своей повести сводит к нулю. Маслакова никто не слушает. («Ну уж нет! — сухо сказал Бритвин.— Сейчас я не пойду».) Хуже того: его раненого вообще бросают на произвол судьбы. Если бы не Степка, раненого Маслакова оставили бы в руках полицаев.

Право и высокий долг командира подменены здесь, в повести, звериным «правом сильного». Эгоистически подчиняет всех Бритвин, кстати сказать, единственный кадровый командир Советской Армии, показанный в повести Быкова (если не считать комбрига танковых войск, о котором говорят: «Всей цены, что пистолет в кармане да граната на поясе»).

Приняв командование над группой, Бритвин и не думает оказать помощь раненому Маслакову. Правда, он посылает Степку Толкача искать подводу, но к моменту возвращения Степки Бритвин и Шпак уже успели поделить между собой вещи умершего товарища. «На Даниле были сапоги Маслакова, на Бритвине телогрейка»,— кратко, почти без всякой интонации, как нечто обыденное, констатирует автор этот поступок.

Не успели быковские мародеры зарыть своего раздетого и разутого товарища, как в голове «практичного» Бритвина созревает новая подлость. Он решает по собственному усмотрению распорядиться жизнью пятнадцатилетнего деревенского мальчика Мити, который по просьбе Степки Толкача привел партизанам свою лошадь. Митя, чистый и бесхитростный парнишка, мечтающий уйти к партизанам, охотно согласился помочь Бритвину. Но «помощь» эта (о чем, конечно, Митя не догадывается) состояла в том, чтобы ценой жизни мальчика, чужими руками выполнить задание, а самому остаться в стороне.

Узнав, что Митя возит на своей подводе молоко в район, Бритвин дает команду нагрузить один из бидонов взрывчаткой, снабженной взрывателем и бикфордовым шнуром. А для большей «верности» Бритвин предательски стреляет в Митину лошадь, когда подвода достигает середины моста.

Зачем понадобилось автору такое нагромождение различной лжи?

Начнем с частностей.

Во-первых, автор должен был знать, что такая слабая взрывчатка, как аммонит, да еще находясь на подводе (то есть на добрый метр выше уровня моста), взорвать этот мост никак не могла.

Во-вторых, взрывчатка, которой якобы сначала не было в отряде и которая вдруг таинственно нашлась теперь «в одном месте» у Данилы Шпака, никак не могла быть «забыта» подрывниками, хоть и лежала далеко от штаба — в запаснике. В такую невероятную забывчивость людей, идущих уничтожать мост, так же трудно поверить, как и в то, что Круглянский мост мог быть взорван вопреки элементарным законам физики, по одному лишь произволу автора. Любой человек, посылаемый на диверсию с канистрой горючего, не мог не вспомнить об этой взрывчатке, так как канистра с бензином куда менее надежна, чем аммонит.

Но оставим эти две частности — взорвавшийся вопреки законам физики Круглянский мост и неправдоподобно забытую Данилой «в одном месте» взрывчатку,— как анекдотические погрешности, на совести автора. Это, конечно, нелепости, но это лишь мелкие просчеты, которые любой писатель при наличии добросовестного редактора в силах понять и исправить.

Однако не исправить В. Быкову тот вред, не возместить тот ущерб, который он нанес делу патриотического воспитания нашей сегодняшней молодежи, когда клеветал на советских партизан, которые якобы способны убить такого доверчивого, стремившегося им помочь подростка, каким был Митя.

Наши партизаны, рискуя жизнью, совершали налеты на охраняемые гитлеровцами железнодорожные станции, где стояли товарные поезда именно с такими мальчиками и девочками, и спасали их от угона на каторжные работы в Германию. Наши медицинские сестры, не жалея себя, под пулями шли перевязывать детей, раненных осколками фашистских бомб. Это было, это типично, таких случаев множество!..

Но такого подлого отношения к людям — к своим товарищам по оружию и к местному населению,— таких случаев, которые изображает зачем-то В. Быков в своей повести, мы не видели в действительности. А если бы мы увидели в своей среде такого выродка, расстреляли бы его.

Автор «Круглянского моста», увы, продемонстрировал обратное. Он арестовывает вступившегося за Митю Степку Толкача, который хотел дать отпор Бритвину. Зато торжествуют подонки, которых в этой повести хоть пруд пруди.

Правда, автор уходит от последнего, заключительного слова. Мы так и не знаем: чем кончится суд над Степкой? Ставя тут многоточие, Быков пытается спрятаться за спину условного персонажа, который ни разу до этого не появлялся на страницах повести. Автор уверяет нас устами своего героя, что комиссар приедет и во всем разберется сам. Но можно ли верить в этого быковского комиссара, в отряде которого запросто орудуют такие негодяи, как Бритвин и Шпак? В любом настоящем партизанском отряде такого «воспитателя» давно бы призвали к ответу.

Анализируя духовный облик быковских героев, нет даже необходимости вглядываться между строками или судить по частностям о целом. Герои сами делают обобщения. И оказывается, как признается читателям любимый автором Степка Толкач, что бесчеловечно убитый, использованный, как живец рыболовом, Митя — «это эпизод, парнишка на один день. Сколько таких появлялось на один день на его партизанском пути и исчезало!»

Стало быть, как пытается убедить нас В. Быков, это «метод» партизанской борьбы?..

Нет, товарищ Быков, советские партизаны не поступали так! Это противоречит самим принципам и целям борьбы тех, кого называли народными мстителями. Мы очень дорожили любовью мирного населения, которая сопутствовала нам повсюду. Именно потому наши партизанские отряды и росли с каждым днем. Если бы все советские партизаны так воевали, как это изображает В. Быков на примере двух своих вымышленных отрядов, кто бы пошел тогда в партизаны? От таких партизан, какие фигурируют в этой повести, народ бежал бы, как от чумы. А ведь армия народных мстителей, действовавших в тылу врага, достигала почти миллиона человек, вопреки всем угрозам и зверствам оккупантов, объявлявших вне закона тех, кто осмеливался помочь партизанам!..

Даже если В. Быков не был вместе с нами в тылу врага, не мог же он не знать, что партизанская борьба невозможна без поддержки народа. Об этом писали еще К. Маркс и Ф. Энгельс, об этом говорил Владимир Ильич Ленин. Об этом знает по собственному опыту наш народ.

Кого и чему учит эта повесть Быкова? Или весь этот набор лжи, который он обрушил на святое дело народных мстителей,— это всего лишь «случайность», эпизод «на один день» в погоне за модой на дегероизацию?.. У нас же такие герои, кроме отвращения, никаких чувств не вызывают.

Мы бы очень хотели, чтобы Василь Быков, как советский человек и как писатель, открыто ответил нам: понимает ли он, что делает и к чему стремится? На чью мельницу льет воду?

Партизаны Великой Отечественной войны:

Бывший командир спецотряда и член Минского подпольного горкома КП Белоруссии, Герой Советского Союза, полковник в отставке С. ВАУПШАСОВ.

Бывший командир роты партизанского соединения С. А. Ковпака А. БОРИСОВ.

Бывший командир полка партизанского соединения С. А. Ковпака, Герой Советского Союза П. БРАЙКО.

Бывший командир взвода разведки партизанского соединения С. А. Ковпака В. ЖУКОВ.

Бывший командир партизанского соединения имени Александра Невского, Герой Советского Союза В. КАРАСЕВ.

Бывший зам. командира партизанского соединения имени Александра Невского П. ПЕРМИНОВ.

Бывший заместитель командира отряда по разведке и диверсионной работе Козелецкого партизанского отряда В. НИКОЛАЕВ.

Бывшая радистка партизанского соединения С. А. Ковпака В. РЫКОВА-НИКОЛАЕВА.

Бывший адъютант командира отряда «Грозный» А. КАЗИЦКИЙ.

Вот он, миллионный...

«ЗДЕСЬ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ...»

У самой кромки воды на стене начертаны слова: «Здесь стояли насмерть гвардейцы генерала Родимцева. Выстояв, мы победили смерть».

Эта небольшая полоска земли тянется вдоль реки всего в нескольких сотнях метров от площади Павших борцов Волгограда, где ныне горит Вечный огонь. В дни Сталинградской битвы здесь сражались воины 13-й стрелковой дивизии, прошедшие впоследствии путь от великой русской реки до Праги.

Недавно бывший командир 13-й гвардейской Александр Ильич Родимцев приехал погостить к своему бойцу А. Калинину, который живет в совхозе «Коммунар», Иловлинского района, Волгоградской области. И, конечно же, Александр Ильич заехал в Волгоград, чтоб почтить память погибших.

На посту № 1 у Вечного огня стоял в почетном карауле дважды Герой Советского Союза генерал-полковник А. И. Родимцев. А рядом с ним нес караул его внук, московский школьник Саша Родимцев. В руках его был автомат бойца, одного из тех героев, которые отстояли Волгоград. И кто знает, может быть, в грозные дни войны этот автомат верно служил солдату той дивизии, которой командовал дед Саши Родимцева.

Н. ДОЛМАТОВ
Фото автора.

ВЕРНЫЙ ДРУГ ПОГРАНИЧНИКОВ

У журнала «Пограничник» завидная доля: его читатели — солдаты и офицеры в зеленых фуражках, пользующиеся особой любовью всех советских людей. Нынче «Пограничник» отмечает свое тридцатилетие. Первый номер журнала подготавливался к печати во время боев на Халхин-Голе. И с тех пор журнал ведет летопись подвигов воинов, охраняющих границы Родины.

За 30 лет своего существования «Пограничник» дал своим читателям семьсот двадцать номеров журнала и в качестве приложений много интересных книг. На страницах журнала выступают известные советские писатели, поэты, журналисты. Он верный и любимый друг пограничников.

МИЛЛИОННЫЙ КОМБАЙН «РОСТСЕЛЬМАША»

На «Ростсельмаше» праздник. В один из сентябрьских, завершающих месяц дней, в 11.00, с главного конвейера сошел комбайн с номером 1 000 000. А через час-полтора обкатчик И. Черкесов передал эту машину комбайнеру совхоза «Гигант», Герою Социалистического Труда П. Калачеву.

— Работайте на миллионном, берегите его! — напутствовал знатный ростсельмашевец.

— Выпуск миллионного комбайна,— говорит директор завода А. Меркулов,— это большая радость не только для нас, ростсельмашевцев. Это общая радость рабочего класса и тружеников полей нашей страны.

История советского комбайностроения — это история ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени «Ростсельмаша», который ныне каждые четыре минуты дает комбайн.

Конечно, так было не всегда. Когда «Ростсельмаш» вступил в строй, первой его продукцией были сеялки и плуги. 1 700 простеньких прицепных — ни в какое сравнение с нынешними! — комбайнов завод дал к уборке урожая 1932 года. Вскоре «Ростсельмаш» стал выпускать и более совершенные комбайны — «степные корабли», как их нередко называют. «Ростсельмаш» ныне занимает ведущие позиции в сельскохозяйственном машиностроении, в обеспечении колхозов и совхозов уборочными машинами.

Конструкторы и рабочие предприятия неустанно работают над усовершенствованием своих машин. СК-4А лучше, производительнее, чем СК-4, но и это не предел. Недалек день, когда «Ростсельмаш» поставит на конвейер новый, еще более лучший комбайн «Нива».

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР, поздравив коллектив «Ростсельмаша» с выпуском миллионного зерноуборочного комбайна, пожелали работникам этого предприятия дальнейших успехов в большом и благородном труде по созданию материально-технической базы коммунизма.

Юбилейный трактор передан комбайнеру совхоза «Гигант» Герою Социалистического Труда П. И. Калачеву.

Фото специального корреспондента «Огонька» К. КАСПИЕВА.

ЛЕТОПИСЬ ПЛАНЕТЫ

Разговор идет острый.

— Некуда ссыпать новый урожай: элеваторы забиты прошлогодним зерном, а вывезти — не хватает вагонов,— сетует заместитель министра сельского хозяйства Татарской АССР Анатолий Павлович Локотченко.

— И у нас такая же картина,— вторит ему заведующий сельскохозяйственным отделом Целиноградского обкома партии Михаил Васильевич Кравцов,— тоже урожай хороший, и тоже железная дорога не справляется.

Им отвечает представитель Министерства путей сообщения Василий Иванович Юдин. Он заместитель начальника Главного управления движения, и претензии адресованы прежде всего ему.

Я слушаю этот разговор в студии Всесоюзного радио. Идет передача для работников сельского хозяйства — радиоперекличка «Новости и проблемы большой жатвы», организованная информационно-музыкальной программой «Маяк».

И хотя собеседников разделяют тысячекилометровые расстояния, вопросы решаются быстро, по-деловому, как будто разговор происходит за круглым столом. Василий Иванович Юдин уточняет необходимое количество вагонов, называет конкретные сроки подачи их к элеваторам.

Программа «Маяк» за пять лет своего существования завоевала большую популярность. Ее слушают во всех уголках страны. Особо ценят «Маяк» советские люди, находящиеся за рубежом. Об этом мне рассказывал в далеком Сингапуре капитан теплохода «Белгород-Днестровский» Леонид Григорьевич Зинчик.

— Моряки,— говорил он,— находясь в любых широтах, узнают от «Маяка» о важнейших событиях, которые сейчас происходят на Родине, да и во всем мире. Мы любим слушать передачи «С добрым утром», «Опять двадцать пять», «Немножко обо всем плюс музыка». Послушаешь «Маячок», и словно на родной земле побывал.

— Учитывая пожелания радиослушателей, мы непрерывно стараемся улучшать работу «Маяка»,— рассказывает главный редактор Главной редакции информации Всесоюзного радио Юрий Александрович Летунов.— Отыскиваем новые, более эффективные формы подачи информации, добиваемся ее предельной лаконичности.

Девиз репортеров «Маяка» — быстрота, высший класс оперативности. Счет времени идет на минуты. На узле связи не умолкает стук телетайпов. Непрерывный поток новостей устремляется в редакцию «Маяка», а оттуда без задержки — в эфир. Радиожурналисты «Маяка» всегда в курсе событий, происходящих в мире. Они принимают участие в испытании самолетов, идут на подводной лодке вокруг света, опускаются с водолазами на морское дно, с геологами — в кратер вулкана. А потом — самолетом в Москву, скорее в студию, к микрофону. Скорей, скорей, скорей!..

Позывные «Маяка» раздаются в эфире каждые полчаса. Готовя ежесуточно 48 выпусков новостей и информации, талантливый коллектив журналистов программы «Маяк» как бы пишет летопись нашей планеты. Коллектив этот молод: недавно он отметил свое пятилетие. Творческих успехов ему!

А. ГОЛИКОВ

СИМВОЛ ВЕРЫ

К 50-летию со дня рождения С. Наровчатова

...Мокрым снегом залепило цветные витражи. В этом пустом костеле в этот метельный вечер особенно знобко от сквозняка, от гулких шагов по холодным плитам, от безъязыкого страдания статуй, от камня, который столетиями рвется и рвется ввысь и, как рыдание, подступает к горлу. Эта старина, притаившаяся по углам, кажется особенно угрюмой, давящей, чужой. И, может быть, поэтому так пронзительны строчки, которые рождаются внезапно, как выкрик, как безнадежный зов:

Нахлынуло. Как на душе метет!
Как мир велик! Как далека Россия!

Но нет, не безнадежность в голосе поэта, только нестерпимая тоска по родине, по засненженным голубым просторам России, где все — и старина, и камни, и снега, и метельный ветер,— все, все иное. Так верится поэту. И чтобы рассеять тоску, сдавившую ему грудь, он придумывает романтическую историю из времен Екатерины, придумывает сани-розвальни, невесту, сбежавшую под венец с безусым капитаном «в надвинутой на брови треуголке», он придумывает добрую легенду, в которой было бы какое-то непреходящее начало, было бы что-то от вечности, от неизменной верности и любви.

Листаешь страницы лирической биографии Сергея Наровчатова и видишь, как непомерно в нем это чувство любви и добра, как оно горит и не может перегореть, испепелиться в огне второй мировой войны, потому что ради добра и мира он пришел в этот чуждый предел. Куда бы ни обратил он свой взор, в многообразных «присловьях старины» открывается новизна, открывается самая основная, самая главная черта времени. Так было с ним в дни выхода из вражеского окружения, когда он, словно летописи, прочитывал сожженные фашистами села и города, когда он видел девушек, «библейскими гвоздями распятых на райкомовских дверях», когда он беспрестанно взывал:

Тобой буду горд,
Тобой буду тверд,
Матерь моя, Россия!

Так с ним было в победном сорок пятом году, когда, по словам Николая Тихонова, славянский мир встал в его стихах во весь рост, и славянство, так долго задавленное иноземным игом, воскресало повсюду. «И все это замечательно и удивительно»,— добавляет о Наровчатове старший и многоопытный собрат по перу.

С. Наровчатов — поэт-интернационалист по своему мироощущению, по самым заветным желаниям и убеждениям. Его любимый поэтический образ — образ потоков или морей, сливающихся в людской океан.

Огромен человечий океан,
Ни края не сыскать ему, ни меры,
Но снова: «Пролетарии всех стран!..» —
Встает над ним как грозный символ веры.

Обращаясь к современности, создавая свою лирику и публицистику, Сергей Наровчатов мыслит категориями масштабными, главными. Но эта же масштабность присуща его историческим поэмам, в которых изображена или новгородская вольница или казаки Семена Дежнева, первопроходцы, умельцы, мастера, которые рубили городки, строили ладьи, торили через тундру дороги, несли службу «до последней мо́чи». И в этих исторических поэмах, как во всем творчестве Наровчатова, ощутим фронтовой опыт поэта, ощутимо все то, что он не мог забыть ни в первый, ни в последний день войны.

А это значит, что прав был поэт, сказав о себе однажды:

Я не был скуп. Цена добра и зла
Была ценой и мужества и крови...

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

Вс. МАЛАШЕНКО

Театральные рассказы

ПРО ЛЮБОВЬ

Режиссер поднялся на сцену, подошел ко мне и сказал:

— Вы ее совсем не любите! — Затем подозвал Оленьку, молодую актрису, в которую по ходу пьесы я был влюблен, и заговорил тихо-тихо: — Вы посмотрите на ее глаза, брови, ресницы... Я должен поверить, что вы влюблены в нее по-настоящему, я должен ревновать ее к вам. Вы же пучите глаза, тяжело дышите, и сцена получается фальшивая. А вы? — Он обратился к Оленьке и стал ей говорить примерно то же самое: что она меня совсем не любит, что холодна, безразлична...

Я слушал режиссера и разглядывал Оленьку. В самом деле, у нее красивые волосы. Как это я раньше не заметил? И руки. Длинные пальцы. Она, вероятно, играет на рояле. Надо бы пригласить ее на концерт, в консерваторию. Как она серьезно слушает режиссера, глаза блестят... Где-то я читал, что актеры, играющие на сцене влюбленных, всегда влюбляются в жизни, по-настоящему...

Репетиция возобновилась. Я произносил реплики, но оторваться от Оленькиного лица уже не мог. Она вдруг стала краснеть, смущаться...

Режиссер остался доволен репетицией.

Вечером я был свободен от спектакля, а Оленька играла. Я стал в кулисы и смотрел на нее уже другими глазами. Играла она вдохновенно, легко, изящно. После первого акта я побежал в буфет, купил коробку шоколадных конфет и преподнес Оленьке.

— Оля,— сказал я, раскрывая коробку,— вы играли изумительно, лучше всех!

Она усмехнулась, взяла конфету и надкусила ее. Ела она, как едят принцессы из сказок.

После спектакля я проводил Оленьку домой. По дороге говорили обо всем, но больше о завтрашней репетиции. Прощаясь, она чуть задержала мою руку в своей и, мне показалось, покраснела.

Ночью я долго не мог уснуть, вспоминая наши встречи в театре, на спектаклях... Какой же я ненаблюдательный человек! Да ведь она сама предложила, чтобы я проводил ее до дома. И это пожатие руки при расставании! А как на репетиции она ласково обращалась ко мне! Уже засыпая, я понял, что она влюблена в меня, а я в нее и подавно.

На репетициях режиссер говорил, что наконец-то появилось настоящее, правдивое чувство и что теперь задача состоит в том, чтобы не расплескать его, а, наоборот, развить поглубже.

Однажды Оленька сказала:

— После премьеры приглашаю тебя (мы перешли на «ты») в гости. Хочу познакомить с родными.

Я с нетерпением ждал премьеры. И вот настал этот день. Успех был небывалый, шумный. Мы, актеры, дарили друг другу сувениры. Я преподнес Оленьке коробку трюфелей, а она мне в красивом издании повесть Тургенева «Первая любовь». Название повести говорило само за себя.

По окончании спектакля я ждал Оленьку у театрального подъезда, чтобы вместе пойти к ней. Она вышла из театра сияющая, счастливая. За нею выступал режиссер.

— «Скорей, скорей, нас ждут бокалы!» — воскликнула она и, подхватив меня и режиссера под руки, повела по тускло освещенным улицам.

Нам было весело: мы вспоминали удачи и неожиданности прошедшей премьеры. На душе у меня было радостно и тревожно.

Родные Оленьки встретили нас радушно, приветливо. Особенно меня,— я был у них впервые, а режиссер, как выяснилось, старый знакомый. Мы сели за празднично накрытый стол, подняли бокалы с шампанским и выпили за Оленьку и за режиссера... за жениха и невесту... Все поздравляли молодых, и я вместе со всеми. Оленька даже поцеловала меня, но не так, как на сцене, когда она в меня влюблена, а по-дружески, как товарищ товарища...

Я смотрел на ее лицо, брови, ресницы, смотрел, как она уплетала трюфели... Ничего особенного в ней не было... Брови как брови, глаза как глаза.

И что нашел в ней режиссер!

ПИСЬМО

Давняя мечта моя получить роль настоящего современного героя сбылась. Но сыграть ее мне не удалось. Собственно, я сыграл ее, премьера состоялась, но я провалился. Героя из меня не получилось.

Неудача подкосила меня. Стало ясно, что подобных ролей мне не играть. Я не герой! Жизнь показалась скучной и серой. Товарищи отнеслись к моему провалу с сожалением, утешали как могли, а большинство смотрело с жалостью.

И неожиданно я получаю письмо.

«Дорогой друг! Я видел Вас во многих ролях, я высоко ценю Ваше актерское дарование, но в этой роли Вас постигла неудача. Да Вы и не виноваты. Роль Вам не подходит. Существует амплуа...»

И на двух страницах шло доказательство, какой я способный, талантливый артист. Что неудачи были даже у Остужева, что актерская жизнь состоит из взлетов и падений. Письмо заканчивалось словами: «До встречи в новой роли! Поклонник Вашего таланта».

Ни имени, ни обратного адреса.

Я несколько раз перечитал письмо. В самом деле, существует же амплуа. Не каждый актер может быть героем на сцене. Да и у кого не было провалов?! Письмо вернуло мне веру в себя. Я очень жалел, что не смогу увидеть моего тайного почитателя, поговорить с ним, поблагодарить его за душевность, за сердечную теплоту.

Он оказался прав, на смену неудаче пришел успех, потом опять были неудачи, но я уже относился к ним спокойнее, разумнее.

Шло время, я все реже вспоминал о письме моего таинственного поклонника.

Однажды, после очередной премьеры, когда театр звенел от радости, торжественной приподнятости, я заметил в фойе одинокую, чуть сгорбленную фигуру. Я подошел. Это был Старый Актер, по лицу его текли слезы.

— Что случилось?

Он смотрел на меня, грустно покачивая головой. И я вспомнил, как ругали его на художественном совете за исполнение небольшого эпизода. Хотели даже снять с роли, но учли возраст, звание...

Что сказать актеру в такую минуту? Я вспомнил свою неудачу, бессонную ночь, тяжкие, невеселые думы. И вспомнил про письмо, которое так помогло мне когда-то. Я решил написать ему такое же письмо. Мысленно стал сочинять... «Дорогой друг! Я знаю Вас не один год. Вы один из основателей нашего замечательного театра...»

Я написал письмо и уже хотел отправить его по почте, как вдруг узнаю, что через несколько дней старый актер уходит на пенсию. То ли неудача его подкосила, то ли почувствовал он старость.

Торжественно собралась вся труппа на ярко освещенной сцене. Говорили представители общественности, директор, главный режиссер... Но вот взяла слово молодая актриса:

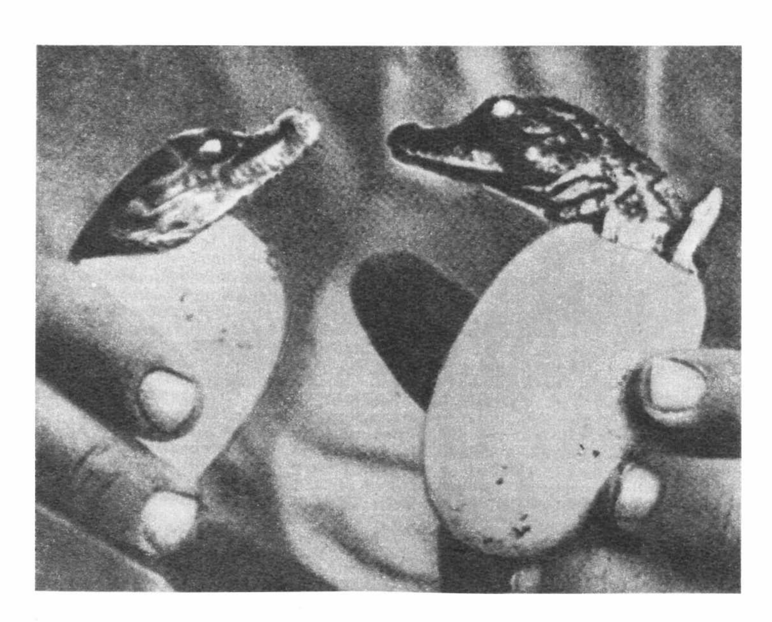
— Все вы помните, как я провалилась в первой своей роли. Казалось, жизнь моя на сцене кончилась, и неожиданно я получила письмо. Оно пришло так кстати, оно было такое душевное, оно вернуло мне веру в себя. Ни подписи, ни обратного адреса на конверте не было, и долгое время я не знала автора письма. И вот совершенно случайно сегодня я узнала имя моего таинственного друга... Вот он! — И она поцеловала Старого Актера, уходящего на пенсию.

У меня в кармане лежало неотправленное письмо. Я тоже подошел к Старому Актеру и, обнимая, незаметно положил ему в карман письмо.

ЕЩЕ ОДНА БИОГРАФИЯ ОБРАЗА

На первой же репетиции режиссер категорически потребовал от каждого исполнителя биографию образа. Я внимательно прочел пьесу. Ничего яркого, запоминающегося, определенного, кроме, пожалуй, имени — Индустрий,— в моей небольшой роли не было. Имя в самом деле необычное. В первые годы пятилеток было такое увлечение — называть детей Трактор, Гелий... Я еще раз перечитал пьесу. Никаких сле-

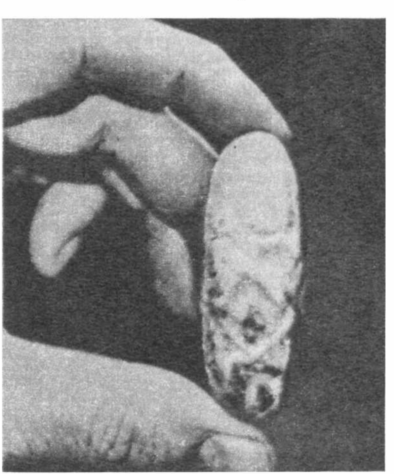
ПЕРВЫЕ СЕКУНДЫ...

Так вот выглядят только что появившиеся на свет крокодильчики.

ДРЕВНИЙ КАМЕНЬ

В Афганистане обнаружено древнейшее произведение искусства — украшенный резьбой камень. Ученые полагают, что рисунок на камне сделан за пятнадцать тысячелетий до нашей эры.

дов биографии. Индустрий — студент первого курса. А задание режиссера выполнять надо!

И я написал биографию. Индустрий рано остался сиротой, учился и работал, добровольцем поехал строить новый химкомбинат, служил в армии в пограничной полосе, где героически задержал шпиона. Он отлично плавал, играл на гитаре, писал стихи, и все девчонки были в него влюблены. Все это я вычитал из старых подшивок газет и журналов и, конечно, кое-что присочинил. Получилось сочинение на семи страницах.

Прочтя, режиссер сказал:

— Да, выдумки много, а правды ни на грош. Похоже, что вы это списали из плохого романа. Прочтите еще и еще раз пьесу.

Я вновь перечитал пьесу. Но ни в тексте, ни в подтексте, ни в ремарках не удалось мне найти ничего подходящего для биографии моего Индустрия. Роль у автора была чисто служебная.

И тогда я решил рассказать о своей жизни. Как еще в школе я мечтал посвятить свою жизнь искусству (слово «искусство» я заменил словом «наука»), как много я прочел книг о выдающихся актерах — Остужеве, Качалове, Добронравове (эти имена я заменил на Циолковского, Курчатова, Королева), я написал о том, что каждая роль (вместо слова «роль», естественно, поставил слово «опыт») — это открытие, неожиданность...

Писал с волнением, трепетом. Режиссер быстро пробежал глазами несколько страничек моего неказистого почерка... и зашагал по комнате.

— Интересно, искренне, правдоподобно.— Он остановился, пристально посмотрел на меня.— А может, вам бросить театр и заняться литературой? У вас это лучше получается.

Вот с того дня я и стал писать рассказы.

УМЕНИЕ ВЛАДЕТЬ СОБОЙ

Собрание затянулось. Обсуждался давно наболевший вопрос — о дисциплине. О том, что актеры опаздывают на выход, что в массовке стали небрежно гримироваться, не умеют владеть собой на сцене, иногда смеются не по существу...

Вопрос это важный и задел за живое каждого. Говорили взволнованно, перебивая друг друга, нарушая установленный порядок... Председатель собрания усталым голосом требовал тишины.

— Товарищи, товарищи...— пытался он успокоить возбужденных актеров. Но его не слушали.— Товарищи! — Встав на стул, он выкрикнул с отчаянной интонацией: — Товарищи, через час начало вечернего спектакля. Собрание переносится!

Предложение было принято.

Весь первый акт за кулисами продолжались бесконечные споры, разговоры. Особенно возмущался председатель собрания, народный артист.

— Товарищи, какой пример мы подаем молодым артистам? — Он стоял в кулисах в военном мундире.— Театр — это святыня.

— Ваш выход! — крикнул ему помощник режиссера.

Мгновенно преобразившись в царского генерала, он выбежал на сцену, где в большой зале собрались заговорщики — банкиры, заводчики, белогвардейцы,— и громко выкрикнул «Товарищи!» вместо «Господа!». У актеров на сцене вытянулись лица от удивления, кто-то ухмыльнулся, а я откровенно захохотал. Я играл молодого поручика в свите генерала и стоял рядом с ним. Я смеялся, не в силах остановиться. Генерал повернулся ко мне и резко спросил:

— Поручик, разве вы мне не товарищ? — Он произнес это с таким подтекстом, что я растерялся, я не понял, кто это сказал — белогвардеец или знаменитый народный артист. Я испугался сердитого взгляда, щелкнул шпорами, козырнул в знак извинения. А генерал между тем подошел к столу и тихо проговорил:

— Господа, сейчас не до шуток! — И дальше сцена пошла по тексту пьесы.

Это был для меня серьезный урок актерского мастерства.

ГИТАРА

Шла репетиция. Я стоял в кулисах, готовился к выходу. Вдруг режиссер приглашает всех артистов на сцену и говорит:

— Друзья мои, кто из вас играет на гитаре?

Все с завистью посмотрели в мою сторону.

— Я играю.— И в ожидании чего-то радостного я вышел вперед.

— Прекрасно! — сказал режиссер.— Садитесь вон на ту скамью, спиной к зрителю, и играйте что-нибудь грустное, даже тоскливое.

И вот я играю старинные вальсы, грустные цыганские романсы, играю с удовольствием мелодию за мелодией... Актеры репетируют, как мне кажется, лучше, с настроением, сцена зазвучала ярче, интереснее. Режиссер доволен. Репетиция продолжается.

— Дальше, следующий эпизод! — слышится из пустого зала голос режиссера.

Я положил гитару на скамейку и пошел в кулисы, поскольку следующий выход мой, в небольшой, но выигрышной роли.

— А вы куда? — крикнул мне режиссер.— Вы продолжайте играть!

— Так ведь сейчас мой выход... Я играю роль...

— Нет, нет, вы сидите на скамейке, вы так прекрасно играете на гитаре, что я даже не представляю, кто может вас заменить. А в этом эпизоде вас заменит любой. Кто там во втором составе?

Я растерялся... Как же так, ведь там роль с текстом, она мне нравится, а здесь гитара, спиной к зрителю...

— Я назначен... я... я...— Получилось какое-то заикание.

— Я, я, я! — прервал меня режиссер.— Надо думать о театре, о спектакле, а не о себе. Второй состав, на сцену, без разговоров, тишина! — крикнул на весь театр режиссер.— По местам! Гитара играет так же грустно.

Я покорно вернулся на скамейку, сел спиной к залу и стал играть.

В МИРЕ ЧУДАКОВ

Участники состязания, проведенного в Лондоне, должны были побриться с завязанными глазами, вися вниз головой и держась ногами за перекладину. Победителем вышел Майкл Герати, который побрился в необычной позе за сорок секунд.

ДОМ ФУТБОЛИСТОВ

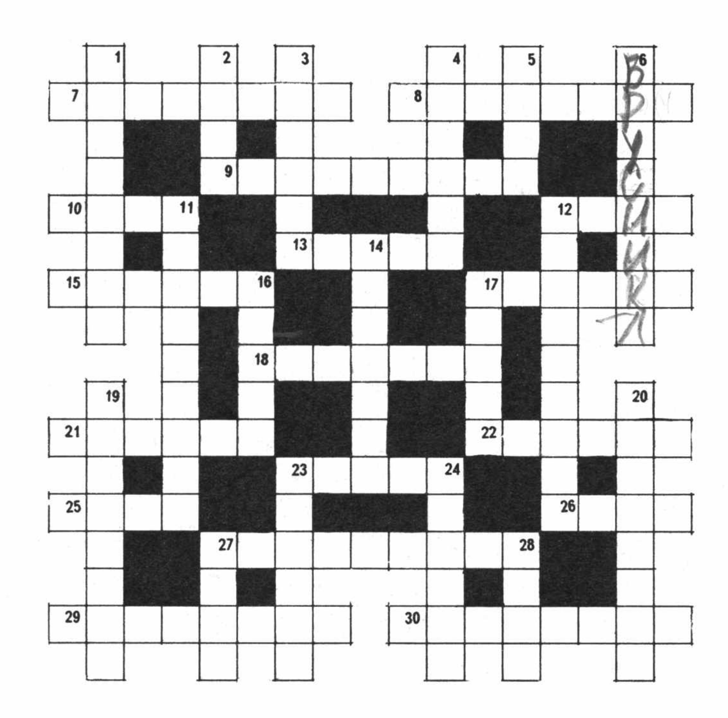
Швейцарский архитектор Роланд Хансельман предложил проект двухэтажного дома в форме шара. На первом этаже планируются служебные комнаты, кухня и санитарный узел. На втором — спальня и ванная.

КОНКУРС ПОЖИЛЫХ

В Италии состоялся конкурс певцов и певиц, возраст которых превышал шестьдесят лет.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Русский поэт. 8. Автономная советская республика. 9. Размах колебания маятника. 10. Река, впадающая в Финский залив. 12. Непромокаемое пальто. 13. Название небольшой горы на Дальнем Востоке, в Сибири. 15. Рыба семейства ставридовых. 17. Пьеса М. Горького. 18. Артист цирка. 21. Оборотная сторона монеты или медали. 22. Минеральная вода. 23. Немецкий композитор XIX века. 25. Приток Сены. 26. Часть света. 27. Путевая машина. 29. Советский скульптор. 30. Областной центр в РСФСР.

По вертикали: 1. Персонаж комедии А. Н. Островского «Волки и овцы». 2. Сосуд для фруктов, цветов. 3. Типографский шрифт. 4. Атмосферное явление. 5. Столица европейского государства. 6. Ягода. 11. Газообразная оболочка Земли. 12. Небольшая железнодорожная станция, полустанок. 14. Форменный головной убор. 16. Оттенок звучания. 17. Хлопчатобумажная ткань. 19. Ювелирное изделие. 20. Бак для бензина, технического масла. 23. Места в зрительном зале. 24. Планета. 27. Кредитно-финансовое учреждение. 28. Порт на Дунае.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали: 4. Аэродинамика. 7. Спринтер. 8. Плинтус. 12. Флора. 15. Кряква. 16. Чкалов. 17. Канзас. 18. «Недоросль». 19. Прокофьев. 21. Тантал. 24. «Родина». 25. Орлеан. 26. Арика. 28. Телегин. 29. Андерсен. 30. Балетмейстер.

По вертикали: 1. Крона. 2. Микрофон. 3. Лирика. 5. Оптика. 6. Тургай. 9. Проректор. 10. Валторна. 11. Эскалатор. 13. Растрелли. 14. Роттердам. 16. Черкасов. 20. Пионер. 22. Трафарет. 23. Флюгер. 26. Алголь. 27. Нетто.

На первой странице обложки: Ханнелоре Кёлер, крановщица Варнов-верфи, близ Ростока.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

А 00414. Сдано в набор 16/IX-69 г. Подп. к печ. 30/IX-69 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2059. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2626.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

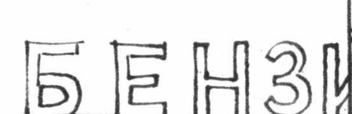
Баланс.

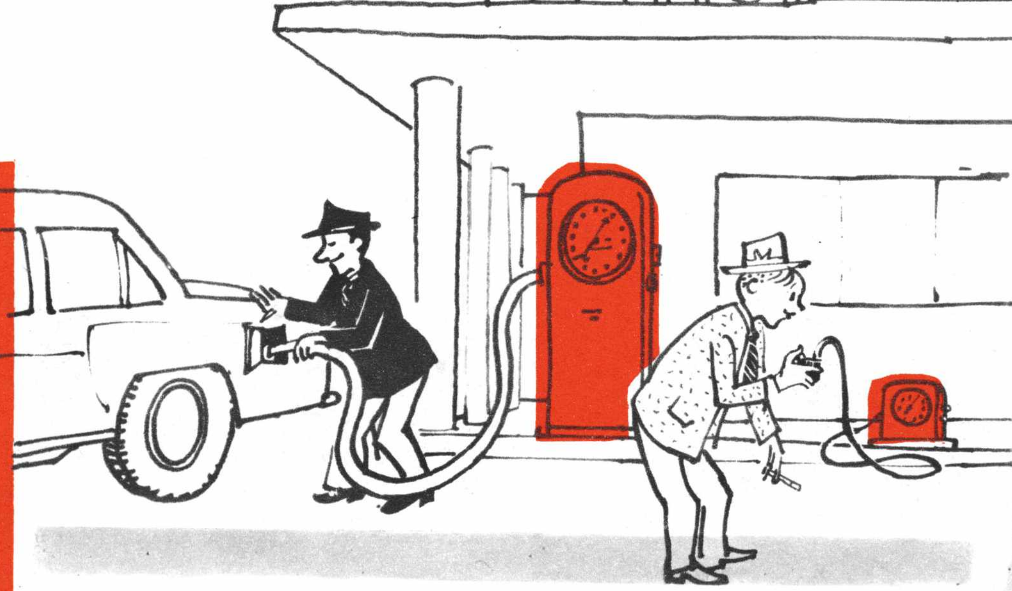
— У нас тут арбуз со стола скатился... Вы уж извините...

— Но где же эта проклятая шайба!

Рисунки Б. Боссарта.

Автосервис.

Стал на якорь.

Случай из практики.

Злой мальчик.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.

БЕРЛИН СЕГОДНЯ. Центр столицы. Вдали видна новая телевизионная башня. Фото М. Трахмана.

Унтер ден Линден.

Карл-Маркс-аллее.

Ресторан «Москва»

